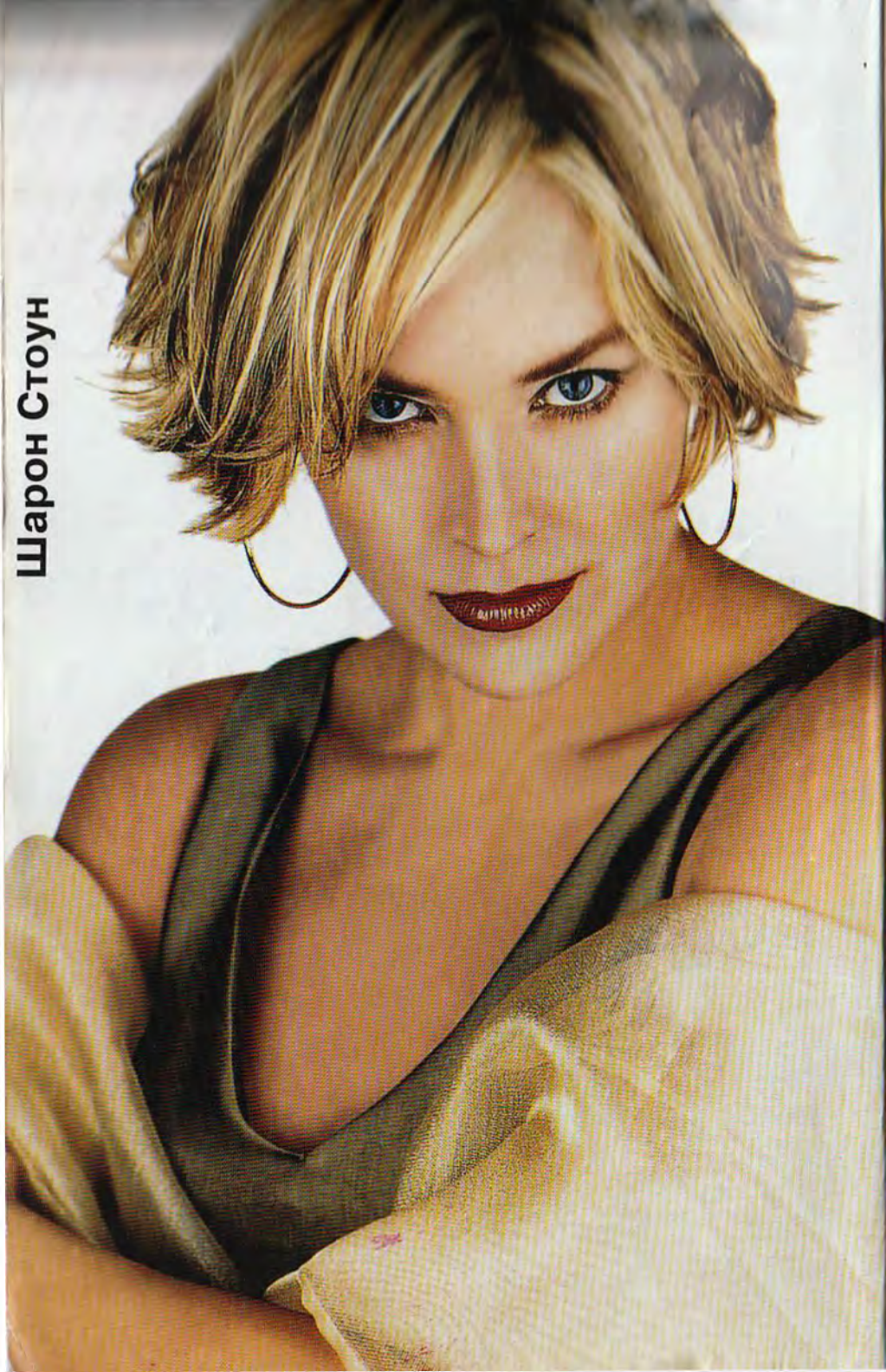

5/2003

 MBI

Шарон Стоун

МЫ

5/2003

Основан в 1990 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для ПОДРОСТКОВ**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал "Мы"»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 21.04.2003 г.
Подписано в печать 14.05.2003 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 9720 экз. Заказ № 1783.

ГП Московская типография № 13
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.
E-mail: type@printshop13.ru
http://www.printshop13.ru
© «Мы», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Вадим Ковда. Время проходит
волною. Стихи6
Александр Трапезников. Морг
открыт – заходите! Роман10

■ ПРОБА ПЕРА

Ирина Прошакова. Уже не
плачу. Стихи65

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта. Любить –
значит перестать сравнивать.
Письмо восемнадцатилетней
Ольги читает журналист Алексей
Будкин67
Письма в «Мы»2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Ал. Бродников. Шарон Стоун в
кривом зеркале79

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Сергей Демкин. «Шепот» и «го-
лоса» космического разума ..92

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Иштван Рат-Вег. История чело-
веческой глупости. Главы из
книги. Перевод с венгерского.
Продолжение112
Новости виртуального мира, или
Во что бы нам сыграть?125
Ищу друга129

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Группа «Muse»: на воображае-
мом ветру150
Компакт-известия145

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора. «Вы-
пьем и снова нальем!»131

■ ВИДЕООБЗОР

На малом экране100

ПИСЬМА В «МЫ»

ТОЛЬКО САМ ЧЕЛОВЕК...

Мне пятнадцать лет. Я рада, что существует такой журнал, как «Мы», в котором самое главное — не то, что он просто молодежный, а «литературно-художественный журнал для подростков». Я люблю почти все рубрики журнала, даже «Ищу друга» читаю с удовольствием. Я очень понимаю тех, кто ищет себе друга по переписке. Ведь нам, подросткам, так необходимо общение! Особенно общение с откровенным, честным человеком. И мне кажется, что после личного общения переписка — лучший способ узнать человека. Я, например, не смогла бы писать неискренне. Это воздух может выдержать всё (хотя лично я стараюсь не лгать), а бумага — совсем другое. А мне в любом общении хочется доверять человеку и не сомневаться в нем. А многие ли из нас могут похвастаться, что у них есть такие друзья, которым они полностью доверяют?

Мне, может быть, труднее, чем другим, найти себе хорошего друга, того, кто понял бы меня. Я в душе — романтик, и вкусы у меня соответствующие: из прозаиков я люблю Каверина,

Дюма, Гюго, Гончарова, а мой любимый поэт — Гумилев. К сожалению, многие мои сверстники мало читают, и им меня понять трудно. Их больше волнует музыка, чем чтение. Я пишу это не с мыслью осудить их и сказать, какая я хорошая (ненавижу всякую рекламу!), но мне кажется, что книги помогают очень многое приобрести на пути взросления, помогают осознать, какая она, та жизнь, которой нам предстоит жить. Они помогают нам создать из себя человека.

В каком-то номере вы опубликовали письмо, в котором парень, ученик одиннадцатого класса (как и я), писал, что ему нужен кто-то, чтобы из него, ценного и редкого куска глины, слепил что-то. Мне же кажется, что только сам человек может слепить из себя что-то. Причем каждый изначально ценен и редок. Форма куска глины задается в детстве, а затем лишь совершенствуется и оттачивается. Мне бы очень хотелось создать из своего что-нибудь красивое, нужное, ценное не только материалом.

И еще: я горжусь, что живу в России. Где еще есть такая красивая, большая

страна? Ее нельзя бросать, как нельзя бросать беззащитного младенца. Я не очень понимаю тех людей, которые, всё бросив, уезжают из нашей страны. Многие мои подруги говорят, что хотели бы прожить жизнь за границей. Но кому они там нужны? И какое счастье они там найдут? Почему нельзя быть счастливым в нашей стране, где мы родились, где выросли, на языке которой мы говорим? Может быть, они ищут какого-то особенного счастья, о существовании которого я пока не знаю? А мне кажется, что счастье — это наслаждаться каждым прожитым днем. И достичь его очень легко, ведь это счастье можно создать из мелочей: кто-то улыбнулся тебе, твои влюбленные знакомые помирились после ссоры, под лучами солнца запели птицы, распустились первые весенние цветы... А дружба и любовь действительно освещают жизнь, под их светом все эти мелочи становятся более заметными.

И есть еще одна, может быть, самая главная вещь в жизни — это верить. Каждый человек ищет свою веру в чем-то своем, но надо верить хоть во что-нибудь. Я верю, что ко мне придет настоящая любовь, любовь с большой буквы, о которой так многие мечтают, но которую часто разменивают на мелочи, на приятные, но случайные встречи. На-

верное, в то, что настоящая любовь будет в его жизни, верит каждый человек, кто еще не повстречался с ней. Жду ее и я.

Но это будет в будущем. А сейчас... А сейчас я хочу пожелать всем читателям журнала «МЫ» добра и радости. Мне кажется, что наши дни будут наполнены теплом и светом, дружбой и любовью.

Оля
Москва

СМОГУ ЛИ СПРАВИТЬСЯ?

Вот совсем недавно мне исполнилось восемнадцать лет. Я так ждала этого времени, мне казалось, что вместе с днем моего рождения придет и какое-то новое чувство — чувство, ощущение взрослой жизни. Оно пришло, но с ним и еще одно появилось: какая-то зыбкость, неуверенность и прежде всего — в выбранной дороге.

Сейчас я учусь на психолога, учусь на первом курсе. Нет, я не сомневаюсь, что выбрала не ту профессию. Просто есть небольшое опасение, что не смогу справиться, помочь своему пациенту. И иногда сейчас, в реальной, действительной жизни, оглядываюсь и спрашиваю: а как бы поступил умный человек, профессиональный психолог, на моем месте? В моей ситуации?

Да и, признаться, я устала. Устала от какой-то не-

решенности, устала от встрясок и сюрпризов, что подкидывает мне жизнь. Надеели подруги, которые находятся в бесконечной гонке и соперничестве из-за парней, которые, точно знаю, этого не стоят. А разве разговор может ограничиваться рассуждениями типа «какой Эглесиас душка!» и размышлениями о крепости коньяка или водки? Бред, бред, бред...

По ТВ – боевики и порнофильмы, эротика, насилие... Господи, да неужели ничего святого не осталось? Один знакомый увлекается оккультизмом – так собственные родители ему не доверяют и устраивают скандалы по поводу «его ужасного поведения» и его знакомых, которое им не нравятся.

Я не жалуюсь. Просто тишины и покоя хочется душе, света и любви.

А когда уж совсем не выдерживаю, ставлю свою любимую «Лунную сонату» Бетховена, ухожу гулять на целый день в парк, а ночами пишу стихи и мечтаю, мечтаю... Мечтаю о жизни, которую я смогу, да, смогу построить, о счастье, что уже совсем рядом.

Н.
г. Иркутск

От редакции. Уважаемая читательница, твое настроение понять можно, да и, наверное, любой человек в твоём возрасте пережил при-

мерно такие же дни. Понятно и твое раздражение по поводу подруг. Дело в том, что люди взрослеют по-разному: твоим подругам тоже по восемнадцать лет, но они пока еще остались на уровне старшекласниц и их ничего, кроме собственных увлечений, не волнует. А вот ты задумалась о жизни, о том, какая она. Сейчас она вызывает у тебя больше негативные эмоции. Но это – дело временное. Просто ты действительно находишься на пороге новой жизни, а остатки старой со своих рук стряхнуть не успеваешь. Постарайся быть мудрее, не осуждай никого и помни, что твоя будущая профессия – помогать людям. А судят их пусть другие, если считают, что они имеют на это право.

МЫ ОБЕ ЕГО ЛЮБИМ

Мы – очень близкие подруги. Имен своих называть не будем, да и не в них дело. А получилось так, что мы познакомились с парнем, его звать Саша, и нам обеим он очень понравился. А получилось, что он пользуется нашим к нему отношением. И так выходит, что делает нам много гадостей. Но мы не можем ему ни в чем отказать, потому что обе его очень полюбили. Но мы хотим остаться подругами и не собираемся ругаться из-за парня. А Саша ведет себя так: сегодня он со мной, а на следующий день я вижу его со своей подружкой. И каждой

из нас он говорит, что любит ее и готов сделать всё для нее, только бы, мол, никто нам не помешал. Когда он с моей подружкой – я страдаю, а она счастлива; когда он со мной – всё наоборот. Первое время он даже делал нам подарки, а сейчас, нам кажется, он стал относиться к нам как-то не так. Мы поняли, что он не любит ни одну из нас. Он много раз уговаривал нас переспать с ним, но мы не соглашались.

Этот кошмар длится уже полтора года. Мы пытались его забыть, найти себе других парней, но у нас ничего не вышло. Саша долгое время над нами издевался, но потом перестал обращать на нас внимание. Но когда он увидел, что мы стали встречаться с двумя парнями, которые приехали в наш город, он, как нам кажется, стал ревновать. Но потом эти парни уехали, и Саша вновь стал пудрить нам мозги. Мы обе любим его, и никто другой нам не нужен.

Но почему с другими девочками он обращается по-другому? В чем наша ошибка? Как нам разрешить эту проблему?

К. и А.
Красноярский край

От редакции. Уважаемые читательницы, вашу «проблему» решить невозможно – потому что никакой проблемы нет. Сначала поговорим о вас. Думаем, вы обе относитесь к Саше совершенно не-

серьезно. Если две девушки свою дружбу ценят выше, чем отношения с любимым парнем, – значит, никакой любви у них нет. Потому что ни одна девушка, если любит, не терпит соперницы, пусть даже она будет самой лучшей подружкой. Потому что дружба – дружбой, а парни, как де-нежки, – врозь. А Саша, похоже, платит вам той же монетой – как вы правильно выразились, «пудрит вам мозги». Вы ведь правильно поняли – он не любит ни одну из вас. Да, наверное, он не прочь переспать с одной из вас или даже с обеими, но коль вы в этом ему отказали – он и перестал обращать на вас внимание. Всё это совершенно логично.

А вот почему к другим девушкам он относится иначе? Тут вопрос сложнее. Может быть, он и не относится иначе, просто применяет другую технику «запудривания мозгов». Да и какая вам разница, как он к ним относится? Вас должны волновать только свои личные с ним отношения. А скорее всего, ничего хорошего вас не ждет, и лучше вам поглядеть друг на друга, засмеяться и сказать: «А не пошел бы он...» – ну, адрес вы сами придумайте. И вы поймете, что никакой любви у вас к нему нет и не было, а есть только вымышленные страдания, которые вас, может, и волнуют, но которые быстро забудутся, когда вы встретите парней, которых полюбите по-настоящему. И тогда вас ждут совсем иные чувства и другие переживания.

Вадим
КОВДА

ВРЕМЯ ПРОХОДИТ ВОЛНОЮ

* * *

Всмотрись-ка и вслушайся в Лету!
Слух чист, и прозрачны глаза.
Ты понял, что лжи-то и нету.
Солгать ни о чем и нельзя!
И правда сумеет пробиться.
И даже на нашем веку.
Я, может, могу ошибиться -
но нет, не могу, не могу.
Сквозь время — средь тьмы и крамолы —
она провела колею...
А если ты кривду промолвил -
то — правда. Про душу твою...

* * *

Что не оплачено кровью, сгинет — и нет ничего. Все, что не стало любовью, пусто, уныло, мертво.	Если живешь несчастливо, вдумайся, не обозлись, — в чем-то она справедлива, неумолимая жизнь.
--	--

* * *

На слезавшемся темном снегу
от луны неподвижные блики.
И медлительно тянутся миги...
Лай собаки на том берегу.

Чуть искрится слезавшийся снег.
Я сраченный стою с темнотою.
И шевелится воздух у век -
это время проходит волною.

У КОСТРА

А ты, бежав бессмертья, не понесешь урона.
Насколько жизнь прекрасней, когда полна потерь.
Великая природа, прекрасная природа,
жестокая природа, куда же нам теперь?

Давно пора согреться. Пора бы, в самом деле.
И ноги, и ладони, и души отогреть.
Вот срублена береза, вот сучья полетели.
Распилена береза. И не о чем жалеть.

И мало толку знаться с безверием и тленом.
Ну что же тут поделать? Подумай о другом:
а счастлива ль береза, что сделалась поленом?
а счастливо ль полено, что сделалось огнем?

*

*

*

Вдруг замечаешь невольно:
как же, наверное, больно
травам, цветам и камням!
Может, больнее, чем нам.

Больно запруженным рекам -
я это стал понимать.

Больно апрельским деревьям
ветви на скверах терять.

Кто же за это в ответе?
Больно прекрасной планете.
Что же мы с нею творим!
Сколько мы слов говорим!..

ПРОГРЕСС

Ну, прогресс! — выкидывает штуки.
Я его поклонник и ценитель.
Сколько стоят кожаные куртки?
А нейлон? А клейкий заменитель!

Как же так? Кому он угождает?
Что еще накличет и навеет?
Все естественное — дорожает.
Все искусственное — дешевет.

Но куда есть еще надежда,
все ж она еще куда бьется:
это все — про обувь да одежду,
это нас с тобою — не коснется!

Только вдруг захочется перечить.
Сам не знаю, что со мной творится -
слышу я искусственные речи,
вижу неестественные лица.

Да и сам сужу легко и кругло
после телевизорного бденья,
словно механическая кукла,
без любви, без слов, без удивленья...

* * *

Как совладать с живучестью своей —
способностью случайной и постыдной
свой интерес блюсти среди людей
и щель найти, где выхода не видно,
все рассчитать и вовремя успеть,
и выжить там, где нужно умереть?..

* * *

Солнце, тропа, подорожник...
Даль, переливчатый свет...
Жалко, что я не художник.
Может, еще не поэт.

Жаль, что я кистью не в силах, -
словом, а больше душой.

Тихо. Роса на могилах.
Речка. Обрыв за межей...

Ни уваженья, ни денег
не накопил на веку.
Нежность! - куда ее денешь.
Только любить и могу.

* * *

...Слабый, смешной и печальный,
словно осенний листок,
слушаю плеск изначальный,
слушаю времени ток.

Пусть на земле этой милой
жесткий дарует закон -
равен я этому миру,
только добрее, чем он.

Жизни скользит паутинка -
Бьется, дрожит на ветру.
Вечной вселенной былинка,
я никогда не умру.

В светлой слезе на реснице
солнце затеет игру...
Жизнь будет длиться и длиться...
Я никогда не умру.

* * *

Как живешь ты, болтун и неряха?
Эта жизнь - ах, какая потеха!
Веселюсь, содрогаясь от страха,
и страшусь, содрогаясь от смеха.

Износилась судьба, как рубаха.
А подштопать - так ты неумеха...
И, пожалуй, уже не до смеха,
не до смеха уже,
не до страха.

* * *

Так устала, моя душа,
так устала на свете жить...
И любовь от меня ушла.
Я ее не могу забыть.

Оттого ли, что жил, греша,
вдруг захочется умереть.

Вижу, чую уже давно:
расползается жизнь по шву.
Вот и стало мне все равно
умер я, иль еще живу.

Так устала моя душа -
ничего не хочу хотеть.

СТАТИКА

Этим льдам никогда не растаять.
Этих стен никому не разбить.
И души невозможно раскаять.
И вины невозможно простить.

И тоскую и плачу истошно.
И ропщу, проклиная житьё...
Измененья, конечно, возможны,
но ни в сердце моём и ее...

НОКТЮРН

Я бреду своей судьбою сонной,
сам в каком-то странном полусне.
Будущее, прячась за колонной,
тихо подбирается ко мне.

Провожая день туманным взглядом.
Смутно всё и разбираться лень.
Прошное таится где-то рядом,
на меня отбрасывая тень.

МОЛИТВА

В безнадежнейшем опыте
я устал обещать.
Не прощай меня, Господи.
Сколько можно прощать.

Покарай меня, Господи, -
я того заслужил.

В этом рвущемся космосе
я без цели и сил.

Среди пыли и копоты
слишком скуден итог.
Умертви меня, Господи, -
я Тебе не помог.

МОРГ ОТКРЫТ – ЗАХОДИТЕ!

Повесть

Иллюстрации Алексея ТЕРЕХОВА

1 В июле Глеб Длугач приехал в Москву, поступать в университет. Он выбрал для себя самый сложный факультет - физический, а временное пристанище нашел у своей тетки Маргариты Федоровны, женщины громкой и рассеянной.

- Какой рыжий! - всплеснула она руками, лишь только открыла дверь. - Телеграмму от отца получила. Я не видела тебя лет пятнадцать!

- А мне всего тринадцать, - усмехнулся Глеб.

- Ой, кажется, кастрюля кипит! Интересно, положила я соль? Ты прямо с поезда? Сходи за хлебом. Как здоровье мамы? Значит, решил поступать в консерваторию? Иди, мойся, сейчас обедать будем. - И все это на одном дыхании, с шумом, с бестолковой суетой вокруг племянника.

Длугач понял, что ему предстоит трудная жизнь, тетушка явно неуправляема, требуется особый подход в воспитании.

- Садитесь! - приказал он, выдвигая на кухне стул. - И ешьте. Я сам посолою борщ, а хлеб у вас на подоконнике. Чайник поставь?

- Ставь, - успокоилась Маргарита Федоровна. - Наконец-то в доме появился хозяин! Хоть вещи от меня перестанут прятаться.

Глеб накормил тетку, перекусил сам, полил жаждающие цветы на балконе, разобрал свой чемодан в отведенной для него комнате. Из окна виднелся золотистый купол Пушкинского музея, внизу - двор со строительным мусором. Маргарита Федоровна жила в огромной коммунальной квартире, по которой можно было кататься на роликовых коньках. Почти все жильцы уже давно выехали, оставались самые упрямые. Тетка занимала три комнаты, а было их тут штук тридцать. А еще коридоры, чуланы, широкие антресоли... Броди хоть целый час - и повезет, если встретишь живую душу.

На следующий день Длугач отнес документы в приемную комиссию. По сравнению с другими абитуриентами он выглядел кроликом среди кенгуру. Но внимания на это не обращал.

- Еще один вундеркинд!... - проворчал секретарь комиссии. - Прямо детский сад какой-то.

- А вчера старик приковылял - девяносто лет, - сказала его коллега. - Хочу, говорит, учиться. Просто, прости меня грешную, морг открыт - заходите!

- Да, дела... - добавил кто-то третий за столиком. - Пора делать перерыв и пить чай, пока зеленые человечки не пожаловали.

- В Норвегии, между прочим, по закону можно всю жизнь получать образование, - откликнулся на их диалог Глеб. - Знания - самая полезная пища из всех котлет.

- Поглядите-ка на этого норвежца! - хором накинулись на Длугача члены приемной комиссии. - Он уже препирается, что же будет потом, когда сдаст экзамены?

- Потом буду заниматься ядерной физикой, на пустяки времени не останется, - сознался Глеб.

С этих пор среди других абитуриентов за Длугачем закрепились кличка «Норвежец». В тот же день он записался в библиотеку, погулял в парке имени Горького, успел по наказу тетушки забрать из прачечной белье и к вечеру вернулся домой. Маргарита Федоровна работала врачом на «скорой помощи» и сегодня ночью дежурила. На столе лежала записка: «Глебок! Забыла тебя предупредить. У нас в квартире недели две назад завелось привидение. То кран на кухне откроет, то по стенам стучит, то в коридоре шаркает. Ты не бойся, оно не кусается, ложись спать. Тетя Марго».

Длугач задумался. Он не до конца разделял теорию о существовании параллельных миров, но о разных явлениях полтергейста, известных в простонародье под именем «барабашки», был хорошо наслышан. Иногда за ними прятались реальные люди, желающие что-то скрыть от других или напугать из озорства. К тому же по всем законам физики молекулярный состав привидений не позволял им шуршать туфлями и вертеть краны. Облако оно и есть облако, а не обезьяна. Значит, надо искать конкретный объект с ногами и руками, а возможно, и с пустой головой. Но еще лучше - найти причину подобного поведения. Глеб умел мыслить логически и математически точно.

Для начала он составил список оставшихся в квартире жильцов. Вот что получилось:

«Джабраилов Рамазан Гамидович - 60 лет, торговец, в настоящее время где-то в Турции. Шуршать не может по причине небытия.

Конкина Василиса Сергеевна - пенсионерка, полуглухая. Вертеть краны способна в связи с устойчивым склерозом.

Коля, слесарь-сантехник, лет тридцать. Возможно все, но отрубается сразу, как приходит домой, и дрыхнет до утра.

Ясенева Надежда Аполлоновна - род занятий скрывает. Напротив, приходит утром и спит до вечера. Раздвоение личности исключаем».

Последним существом в квартире была бесхозная кошка, трехцветная, как бельгийский флаг. Она кормилась у всех и считала себя главной хозяйкой квартиры. Длугач потому был так осведомлен о жильцах, что Маргарита Федоровна успела в первый же день сообщить о каждом, а кое с кем и познакомиться лично. Итак, за вычетом практически отсутствующих, оставалось

Итак, за вычетом практически отсутствующих, оставалось двое. Кошка в расчет не принималась: после того как Глеб пригласил ее в свою комнату и провел допрос, она отрицательно мяукнула. И, получив кусочек колбасы, отправилась гулять дальше. Выходит, главные подозрения падали либо на Конкину, либо на Колю-слесаря. Последний уже вернулся с работы, надо скорей брать за жабры, пока тепленький. И Длугач постучался в его дверь.

- А, юный Фигагор! - обрадовался служивый; он, очевидно, хотел сказать: Пифагор. - Заходи в гости. Выпить не дам, ты еще маленький, клей нюхай. Вот придумай и изобрази мне такой унитаз, чтобы никогда не засорялся, вроде вечного двигателя. Или трубу такую, чтобы из одного конца текло, а из другого вытекало, без замены муфты.

- Тогда это будет не труба, а Каспийское море, природный резервуар, - сказал Глеб. - А вы, Николай, ничего по ночам не слышите, не мерещится?

- Мерещится! - шепотом отозвался сантехник. - И еще как! Чувствую, Вася, мой сменщик, под дверью стучит и зовет: иди, говори, стакан налью, а то поздно будет. Выглядываю - никого!

- Ясно, - сказал Глеб. - Поаккуратней надо. А то в следующий раз он и в окно стукнет.

«А может быть, у тети Марго тоже глюки? - подумал он, вернувшись в свою комнату. - Переработала на "скорой помощи"? Не похоже». Поразмыслив немного, Длугач отправился к следующему подозреваемому - Василисе Сергеевне Конкиной.

Пенсионерка пила чай с блюдечка. И лакомилась мармеладом.

- А? - сказала она, поспешно убирая тарелку со сладостями под стол.

- Я по поводу ночных стуков, - пояснил Глеб.

- А? - повторила старуха, приложив к розовому ушку ладонь.

- Вас ничего не беспокоит?

- Ага, - кивнула та головой. - Макулатуры нет. Уже лет сорок как все вынесла.

- А краны долго будем вертеть? - строго спросил Глеб, понимая, что зря теряет время. Все равно ничего не добьется.

- Кошка молоко съела, - обиженно возразила Василиса Сергеевна и зачем-то погрозила висящему на плакате Ельцину пальцем.

- Понятно, - произнес Глеб, закрывая за собой дверь.

Оставалось последнее, самое надежное средство - засада. Ничего лучше не придумаешь. Скоротав время за учебниками, Длугач дождался, когда старинные часы в коридоре пробьют полночь. Час вампиров, оборотней и привидений. Включив фонарик, он пробрался на кухню. Самое удобное, на его взгляд, место для засады. Отсюда просматривался и прослушивался весь основной коридор, здесь же находился и выключатель. Но предварительно Глеб приклеил две узкие полоски бумаги: одну - к двери Василисы Сергеевны, другую соответственно к комнате Николая. Теперь,

если кто-то из них выйдет ночью, утром будет легко проверить. Затем он задвинул стул за плиту, уселся и потушил фонарик. На колени на всякий случай положил гаечный ключ. Прошло полчаса, ничего подозрительного пока не наблюдалось. И тут вдруг он явно услышал какой-то шорох. Длугач затаил дыхание. Кто-то крался по коридору и одновременно постукивал по стенам. Кошка не могла, она лежала на плите и видела свои кошачьи сны. Не иначе как долгожданное привидение?

Глеб сделал несколько шагов и вытянул голову, но в крошечной темноте, разумеется, ничего не увидел. Пошаркивание, между тем, стало от него удаляться. Он щелкнул выключателем, но лампочка под потолком, как на грех, вспыхнула и мгновенно погасла. Однако за короткое мгновение Длугач успел увидеть контур какой-то темной фигуры в конце коридора. Там, где находилась дверь черного хода. Послышался подозрительный звук, похожий на поворот ключа в замке. Тогда Глеб нажал на кнопку фонарика, осветив слабым лучом стены. По ним тотчас же начали плясать какие-то уродливые тени. Он пошел к черному ходу, подергал ручки двери, она оказалась заперта. Никаких следов на полу не было. Глеб немного струхнул, но здесь и не перед кем было геройствовать. Самое неприятное в жизни любого человека - когда он сталкивается с Незнакомостью. И самое страшное, если он дает подчинить ей свою волю. Длугач направился к тем комнатам, где проживали пенсионерка Конкина и слесарь Коля. Обе полоски бумаги были все так же аккуратно приклеены. Они не выходили. Не кто-то же стоял в коридоре? Если это привидение, то оно очень шустрое и пугливее других. И вряд ли сегодня ночью появится вновь.

- Ладно, разберемся! - сказал сам себе Длугач и лег спать.

И хотя ему было немного не по себе, но учебник ядерной физики Бона подействовал лучше любого снотворного.

2 Утро вечера мудренее, но со сна человек всегда выглядит глупее, чем к вечеру. Именно таким Глеб и казался себе в зеркале, поскольку никак не мог понять: что же произошло ночью? Слесарь с пенсионеркой не выходили из своих комнат, Джабраилов в Турции, Ясенева дома не ночевала, парадная дверь и на черный ход заперты. Может быть, в квартире украдкой пробирается кто-то из прежних жильцов? Но почему ему не заявиться открыто? Никто не мог влезть и в окно — шестой этаж. Мистика!

Длугач немного пожалел, что сейчас с ним нет рядом волгогорских друзей — Лены и Гоги, а также Тарика, который мог бы взять след, если ему, конечно, пообещать косточку. Еще раз тщательно осматривая коридор, юный сыщик наконец-то обнаружил некоторую зацепку. Вдоль плинтуса тянулись несколько застывших капелек воска. Ночной гость иногда пользовался свечкой. Кроме того, одна стеариновая полоска протянулась по стенке. Очевидно, он что-то высматривал там, наклонив фитиль. Это уже

кое-что. Длугач отвлекся, услышав, как Василиса Сергеевна гремит на кухне кастрюлями. И направился к ней.

- Доброе утро! А кто пользуется черным ходом? - спросил он.

С утра и без мармелада она слышала гораздо лучше.

- Никто, - ответила старуха. - Он уже лет сто как заперт.

- А у кого ключи?

- Ни у кого. При Советской власти потеряны.

Раздался звонок в дверь. Глеб пошел открывать. Но это оказалась не Маргарита Федоровна, а двое молодых людей — юноша и девушка. Здоровенный биг-мак и воздушная кукуруза, как определил Длугач.

- Привет, гений! - с ходу заявил парень, похлопав подростка по плечу. - Мы из университетской газеты, со второго курса журналистики. Получили задание тебе попотрошить. Пишем статью об абитуриентах - кто почему, откуда и как. Маруся, сними этого пингвина в фас и профиль.

Девушка уже щелкала «мыльницей».

- Ну, брат, рассказывай, как ты дошел до такой жизни? - Нахальный биг-мак вытащил из кармана диктофон. - Не стесняйся, все свои.

- Свои дома сидят, по чужим дворам не ходят, - ответил Глеб. Девушка фыркнула. Парень погрустнел.

- Ладно, поставим вопрос иначе. Чего тебя потянуло на физический? Медом, что ли, намазано?

- Интересуюсь субстанцией взрывной массы, - усмехнулся Длугач. - Вам известно, что практически любое вещество можно превратить во взрывчатку? Например, кристаллический йод, бром. Картофель, капусту.

- Н-ну? - недоверчиво протянул парень. - С «капустой» понятно, хоть в гранатомет превращай, а картошку как?

- Методом расщепления и соединения с другими ингредиентами. Пошли в комнату, рисуем схему.

В это время по коридору проходил заспанный сосед Коля. Сегодня у него был выходной.

- Меня, меня снимите, - сказал он. - Для «Их разыскивает милиция», чтобы вручить денежную премию. Никак найти не могут.

- Веселая у вас квартира, - сказала Маруся.

- Необычная, - согласился Глеб. - На других этажах еще веселее бывает.

- Так как ты умудрился в таком юном возрасте закончить школу? - спросила сама еще не самая старая журналистка.

- Меня спросите: как я ее до сих пор умудряюсь стороной обходить, а учителя ко мне сами бегают, когда из всех труб хлещет? - вновь встрял словоохотливый Коля.

- Это мы в другой раз спросим, коли припрет, а пока мы сами на работе, - сказал парень. - Гена меня зовут, давайте знакомиться. Значит, интересуешься ядерной энергетикой?

- И квантовыми генераторами, - подтвердил Длугач. - Через десять лет в каждой квартире будет такая портативная установка, которая сможет преобразовывать атомную конструкцию материалов. Эквивалент мегаватт-часу. Я ясно выражаюсь?

- Куда яснее, - кивнул Гена. - Электросчетчик будет крутиться в обратную сторону. А вы, господин-товарищ, проходите по своим делам.

Но Коля остался, ему тоже было интересно послушать будущего Нобелевского лауреата. Не каждый день такой в квартиру вселяется.

- Дело в том, что квантовый генератор - это вековая мечта всех алхимиков, - продолжал Длугач. - Золото можно будет на дому делать, из ночных горшков. Да что там золото! Любый самый редкий малоземельный элемент из таблицы Менделеева.

- А заодно и самого Менделеева клонировать, - добавил образованный слесарь.

- Вы представляете, что получится? - воодушевился Глеб. - Мир полностью переменится. Человечество отказывается от всех существующих валют, поскольку золото отныне дешевле меди. Конец нефтяным кризисам и всяким потрясениям. Низкотемпературная ядерная реакция в каждом доме вырабатывает экологически чистую энергию.

Входная дверь уже давно открылась, там стояла Надежда Аполлоновна Ясенева, блондинка тридцатилетнего окраса.

- А куда же доллар денется? - спросила она. - Я вот в казино работаю, меня лично это очень волнует.

- Не волнуйся, Наденька, не останешься ты без работы, - ответил ей слесарь. - В крайнем случае я тебя к себе в подручные возьму. Будешь шпунты вертеть.

- Иди ты! - откликнулась она. - Я с академиком разговариваю.

- Взамен валюты - мегаватт-час, - пояснил Длугач. - Рычаги управления миром - в новых технологиях. Но это уже дело политиков, а не физиков.

- Значит, снова какую-нибудь дрянь придумают, чтобы многострадальные народы Брунея гибли с голода, - сказал слесарь Коля.

- Там, между прочим, живут самые богатые на земле люди, - напомнил журналист Гена. - Как раз из-за нефти. Ничего, пусть теперь немного подсохнут.

- Значит, золото испарится, - задумчиво произнесла Надежда Аполлоновна. - Надо спешить...

Никто не обратил на ее слова особого внимания, а зря. Они во многом определили будущее развитие событий. В это время с ночного дежурства вернулась и Маргарита Федоровна. В коридоре уже было не протиснуться. Тут еще из кухни появилась пенсионерка Конкина с кастрюлькой щей. Маруся и ее щелкнула своей «мыльницей», так, на всякий случай, уж больно колоритная фигура.

- Я туда попала? - растерянно спросила Маргарита Федоровна, поскольку никогда не видела всех жильцов вместе, да еще и новых.

- Интересный у вас племянник получается, — ответила ей Ясенева.

- Пошли, Москву покажем, - сказала Глебу Маруся, улыбнувшись.

За короткое время у Длугача появилось много новых знакомых. Кроме жильцов-соседей, еще эти два журналиста со второго курса - Гена и Маруся, а также одна девочка. Звали ее Ирина Гринева, и было ей тоже тринадцать лет.

Однажды днем Глеб выносил ведро с мусором и увидел на лестничной клетке черноволосую девчушку, которая стояла возле двери и ковыряла ключом в замке. Эта квартира размещалась как раз под ними и, должно быть, была такой же планировки. Мусорные баки находились во дворе, а когда Длугач возвращался назад, девочка продолжала возиться с неподатливым замком. На плече ее висела спортивная сумка с надписью «Спартак».

- Что, не открывается? - участливо спросил Глеб.

- Ага! - ответила «ковыряльщица», не оборачиваясь.

- Ну-ка, дай я попробую! - предложил он.

- Риски, - усмехнулась девочка, потянув ему связку ключей. Их было штук десять, больших и маленьких.

- Чего так много? - поинтересовался Глеб.

- Потому что дверей немало, - отозвалась она, скорчив рожицу. Судя по всему, веселая была девчушка.

Длугач начал пытеть, но замок никак не открывался. Очевидно, заклинило.

- А дома никого нет?

- Нет, все разъехались! - откликнулась она.

- Пойду свои принесу, может, подойдут...

Глеб отнес мусорное ведро, вернулся с ключами. Еще некоторое время возился, наконец, один из них «пришелся ко двору», в замке что-то щелкнуло, дверь открылась.

- Ну ты молодец! - восхищенно сказала девочка. - Класс.

- Ничего, - скромно отозвался Глеб. - Так я пойду?

Сейчас он впервые по-настоящему разглядел ее лицо: немного смуглое, озорное и миловидное.

- Заходи как-нибудь в гости, - кивнула она. - Ты наверху живешь?

- Да. В коммунальной квартире. А у тебя много соседей?

- Как тараканов, - уклончиво ответила девочка.

Длугач вернулся к себе, походил по комнате, раздумывая, затем снова спустился вниз. Дверь в квартиру новой знакомой оказалась не заперта. Это его не слишком удивило. Он вошел в коридор, постоял, прислушался. Потом вошел в первую комнату, которая была совершенно пуста, даже мебель отсутствовала. А

за стенкой что-то стукнуло, словно там кто-то находился и неосторожно уронил на пол горшок с цветами. Глеб вышел в коридор и тихо приоткрыл дверь в эту комнату. Девочка находилась здесь. Она стояла возле письменного стола, выдвигала ящики и сваливала в кучу всякие старые предметы - тетради, канцелярские принадлежности, разные безделушки, вроде пустых флаконов и облезлых матрешек. Но некоторые вещи клала в свою спартаковскую сумку. Кроме стола, в комнате больше ничего не было, даже стульев.

- Есть что-нибудь интересненькое? - спросил за ее спиной Глеб. Девочка испуганно обернулась, но быстро взяла себя в руки. Лишь блеснула улыбкой.

- Ничего особенного, так... - ответила она. - Пустой номер.

- А ты зачем залезла в чужую квартиру?

- А как догадался?

Они посмотрели друг на друга с любопытством, но миролюбиво.

- Да мне тетка говорила, что жильцы отсюда уже давно уехали. Дом ведь на снос готовят.

- А может, я - одна из них, заехала, чтобы кое-что забрать.

- Не похоже. У тебя на лбу написано, что ты приключения любишь, - сказал Глеб. - Особенно такие, за которые можно влипнуть в неприятности.

- Так ведь и ты влип, раз помог дверь открыть, - ответила она.

- Тут все равно пусто, ничего нет, - усмехнулся Глеб. - А ты случайно не цыганка, не из табора будешь?

- Нет, не из табора. И не из Грановитой палаты. Я тут неподалеку живу. Через улицу.

- Хотела чего-нибудь ценное найти?

- Верно, умный. Но дурак. Чего тут может быть ценного? Но знаешь, в старых квартирах всегда что-то да остается. Старая рухлядь, которая бывшим жильцам уже ни к чему.

- Зачем же она тебе?

- Мне-то она не нужна, - согласилась девочка. - Но у нас в школе музей есть, называется «Старая Москва». Разные диковинки, вроде купеческих самоваров и других прибамбасов. Монеты, куклы, веера, железки всякие. История, короче. А дом этот старый, построен в прошлом веке. И если как следует пошуровать, можно такое откопать - ого-го!

- Ясно. А ты, наверное, директор этого самого музея?

- Почти, - кивнула она. - Я и в кружке археологов занимаюсь. И в клуб кладоискателей записана.

- И в секцию взломщиков-любителейходишь, - добавил Глеб.

- А как мне еще было попасть в эту квартиру? - вспыхнула она. - Мы ходили в ДЭЗ, но нам запретили тут искать. Потому что вредные очень. Вот я и решила сама попробовать.

- Логично, - сказал Глеб. - Уважаю самостоятельность. Сам такой. Давай вместе искать старые галоши. Может, что и найдем.

Девочка посмотрела на него с интересом.

- Ирина Гринева, - сказала она.

- Глеб Длугач, - отозвался он, начиная выдвигать оставшиеся ящики.

Вскоре они убедились, что в этой комнате ничего интересного нет. Кроме висящих в паутине пауков и дохлых мух, но это уже было из области зоологии, а к школьному музею «Старая Москва» отношения не имело. Там, должно быть, своих пауков хватало. Об этом Глеб так прямо и сказал.

- Ну уж! - возразила черноволосая кладоискательница. - Надо тебя непременно сводить, сам убедишься, насколько у нас интересно. И поучительно.

- Что может быть поучительного в древнем хламе, простите, в истории? - усомнился Глеб. - Другое дело - ядерная физика! Надо смотреть вперед, в будущее, а не назад.

- Нужно смотреть во все стороны, - заспорила Ирина.

- Этак и шею сломаешь, если головой вертеть, - усмехнулся он. - Человек - существо поступательное, а не возвратное.

- С тобой невозможно разговаривать, ты, наверно, из породы технарей, гуманитарные науки для тебя существуют.

Тут Ира угадала, Глеб действительно относился к различным человекоизучающим предметам вроде литературы или истории несколько пренебрежительно. Он и не скрывал этого. Даже от души фыркнул.

- Все это цветочки-лютики, - сказал вундеркинд. - Тургеневщина и религиозный дурман, без физики, химии и математики человек напоминает черепаху без панциря, так же беззащитен, а в телеге прошлого, как говорил один из твоих литературных героев, - далеко не уедешь.

- Сам ты колесо без телеги, - обиделась не на шутку девочка. - Ты хоть знаешь, в каком доме мы находимся?

- Ну, в каком? - насмешливо спросил Глеб.

Они уже перешли в следующую комнату, где на полу лежали шкаф, комод и перевернутый вверх ножками диван.

- Раньше этот дом принадлежал камергеру князю Тюфякину и был отстроен заново после пожара восьмьсот двенадцатого года, когда в Кремле сидел Наполеон, а до того, еще в шестнадцатом веке, здесь находилась слобода лучников - мастеров, делавших луки и стрелы, потом - монастырское подворье. А в конце девятнадцатого века этот дом прославился тем, что именно здесь произошло загадочное убийство известного московского ювелира Калмыкова, которого заманили в одну из квартир. И преступление так и не было раскрыто...

Ирина залезла в комод, продолжая тараторить. На пол полетели старые книги и тряпки.

- ...а еще тут, в этих переулках, проходили знаменитые народные гулянья, устраивались балаганы, качели, «живые лестницы» - это когда взбирались друг на друга, чтобы добраться до второго,

а то и третьего этажа и схватить какой-то приз, а потом «лестница» рассыпалась и все летели вниз. Со смехом.

- Кому-то было и не до смеха, особенно самым нижним, - вслух подумал Длугач.

- Между прочим, - Ирина перешла от комода к шкафу, - во времена Пушкина на первом этаже этого дома жил некий доктор Лодер.

- Ну и что? - спросил Глеб, ошарашенный ее трескотней.

- А то, что во дворе часто прогуливались пациенты доктора, а народ называл их - «лодыри». Теперь ясно, откуда взялось это слово?

- Теперь ясно, - уважительно оценил ее исторические знания Глеб. - Откуда только ты все эти вычитала?

- У нас очень интересный руководитель музея, все рассказывает, про все старые дома и улицы. Особенно в нашем районе.

- Хорошо бы взглянуть на этот ваш музей, - сказал Глеб. Два дня назад Маруся с Геной тоже водили его по всяким закоулкам Замоскворечья и также много любопытного говорили, но Ирина вдруг заинтересовала его московской стариной еще сильнее. Он даже почувствовал какое-то волнение в сердце, а ядерная физика в голове отодвинулась куда-то вглубь, на задворки.

- Пошли прямо сейчас, - кивнула девочка. - А здесь подождет.

Это было разумно, тем более, что остальные двери все равно оказались запертыми на ключ. Конечно, можно было повозиться с замками, но почему-то не хотелось. Всему свое время.

Они покинули эту безлюдную квартиру, Глеб закрыл дверь на два оборота, стали спускаться вниз.

- Как, ты говоришь, звали того ювелира? Которого сюда заманили и ограбили? - спросил вдруг Длугач.

- А, Калмыков! - откликнулась девочка. - Об этом тебе лучше с нашим руководителем поговорить. Вернее, с руководительницей. А что?

- Так, ничего... - произнес Глеб. Ему почему-то подумалось, что приведение, которое стало появляться в их квартире, вполне могло иметь конкретную цель. Как у Ирины Гривевой.

4 Школьный музей находился в полуподвальном помещении, занимал две комнаты, где раньше проводились уроки гражданской обороны. Теперь вроде бы эта «оборона» была ни к чему, поэтому бывшие стенды по химической и ядерной защите переделали под экспонаты «Старой Москвы». Сюда снесли все, что находили школьники-энтузиасты и что представляло маломальский исторический интерес. Тут была и старинная утварь, из которой когда-то ели и пили замоскворецкие купцы; и пожелтевшие журналы прошлого века - «Нива», «Московский вестник», «Русский инвалид»; и медные монеты, жетоны, знаки отличия; и различные костюмы, развешенные по стенам; и два дульных пистолета; и много чего иного. Но самое интересное, что больше всего

удивило Глеба, - это то, что за одним из столов сидела Маруся Климова, журналистка со второго курса МГУ. Она листала какую-то ветхую книгу, вскинула голову и недоуменно спросила, увидев вошедших:

- Вот так встреча! А ты как сюда попал, Глеб?

Длугач пожал плечами. Ответила Ирина:

- Это я его привела. Теперь понятно - знакомить вас не надо. Вот это и есть наш руководитель музея.

- Три года назад я окончила эту самую школу, - пояснила Маруся. - Но вот уж никогда бы не подумала, что ты тоже заинтересуешься историей. Ты же на факультет физики поступаешь?

- Все вышло случайно, - ответил Глеб. - Как в кино.

- Мы с ним столкнулись в одной пустой квартире, - добавила Ирина.

- Ты опять куда-то без разрешения залезла? - догадалась Маруся. - Сколько раз тебя предупреждать, что это добром не кончится? Это на грани нарушения закона.

- А как же пополнять экспонаты? - возразила Ирина. - Где же еще собирать старые вещи, как не на чердаках, в подвалах и пустых квартирах?

Вопрос ее остался без ответа, Маруся лишь вздохнула. А Глеб вступился за Гриневу:

- Она здорово рассказывала про Москву, про всю эту старину. Чувствуется школа. Теперь ясно, кто ее всему научил.

Марусе его слова понравились, она даже зарделась от смущения. А Длугач начал рассматривать экспонаты. Особенно его заинтересовали офицерская шинель и гренадерский мундир, висевшие рядом.

- Нашли в прошлом году, в одном из сундуков на помойке, - с гордостью сказала Маруся, поправляя складки на мундире. - Этот камзол, как мы выяснили, был на одном из солдат армии Наполеона, отступавшей из России. Как он сохранился в сундуке - неизвестно, видно, сам гренадер здесь так и остался на жительство. Такое случалось.

Длугач остановился перед овальным портретом старой женщины. Он был небольшого размера, в простой рамке, почти миниатюра. У женщины было лисье, немного хищное личико и розовые ушки.

- Это жена камергера Тюфякова, - сказала Ирина. - А художник неизвестен. Кто-нибудь из дворовой челяди.

- Тюфяков? - переспросил Глеб. - Тот самый?

- Да, - подтвердила Маруся. - Я вижу, ты уже в курсе. При нем и был построен этот дом, в котором ты сейчас живешь. В принципе, большой исторической ценности он уже не представляет, поскольку несколько раз реконструировался. Да горел часто. Но все равно жаль, что в мэрии принято решение о его сносе. Месяца через три-четыре. Оставшихся жильцов только надо выселить.

Другач еще раз пристально взглянул на портрет, словно пытался запомнить, затем перешел к другим экспонатам. Он и сам не предполагал, что так заинтересуется всей этой рухлядью. Может быть, и вправду в истории есть нечто этакое, детективное, какая-то неразгаданная тайна?

- А что тебе известно об убийстве ювелира Калмыкова? - спросил он Марусю. Та живо ответила, будто ждала этого вопроса:

- Странное дело. Случилось в тысяча восемьсот девяносто третьем году. О нем еще писал знаменитый адвокат Кони. Этот ювелир был очень богат и осторожен, но его как-то сумели заманить в одну из квартир. Якобы к клиенту. Он приехал на извозчике, со шкатулкой, в которой лежали драгоценные камни. Приказчик Калмыкова и извозчик остались ждать, сам ювелир вошел в парадный подъезд. Это подтверждал и швейцар дома. К кому именно Калмыков направлялся - неизвестно, он любил окружать свои сделки тайной. И - все.

- Что - все? - переспросил Глеб.

- С тех пор Калмыков исчез. Словно в воде растворился. Или прошел сквозь стену. Никто из жильцов его не видел. По крайней мере, на допросах все уверяли, что никаких дел с ювелиром не имели. Арестовали на всякий случай дворника, но тот ни в чем не признался, и его вскоре отпустили. Никаких улик. Дело так и осталось нераскрытым. Одно из самых загадочных преступлений в Москве.

- Просто жуть, - вставила Ирина. - Может, его в стенку-то и замуровали, а он с тех пор бродит по дому, как привидение?

- Брось говорить глупости, - сказала Маруся. - Любое преступление рано или поздно будет раскрыто, было бы желание. Всякую тайну можно за ушко вытащить на белый свет, даже если этой тайне лет сто, а то и тысяча.

Глеб внимательно слушал, не перебивая. Вся эта история с домом, камергером, ювелиром, привидениями и прочей вековой пылью начинала занимать его все больше и больше. В голове завертелись какие-то колесики, как бывало всегда, когда он сталкивался с какой-нибудь неразрешимой загадкой. В глазах появился охотничий блеск.

- Как идет подготовка к экзаменам? - спросила Маруся, переводя разговор в другое русло.

- А! - отмахнулся Глеб. Сейчас ему было не до ядерной физики. - А что, драгоценности также исчезли?

- Конечно, - кивнула Маруся. - Нашли только пустую шкатулку, под лестницей.

- Любопытно.

В это время в школьный музей ввалился упитанный журналист Гена, жуя здоровенный бутерброд. Наверное, он здесь был частым гостем.

- И Норвежец здесь, наш будущий Нобелевский лауреат? - усмехнулся он, здороваясь с каждым за руку. - Маруся, пошли в

университет, приехал один известный репортер, будет делиться опытом. А вы, детки, идите мороженое кушать.

Длугач вернулся к овалному портрету и застыл перед ним, всматриваясь в лицо старухи.

- Что ты там разглядел? - спросил Гена. - Песок времени?

- Нет, просто она мне очень напоминает одну женщину, - ответил Глеб. - Василису Сергеевну Конкину, мою соседку по квартире.

5 Сходство между госпожой камергершей Тюфяковой и гражданкой-пенсионеркой Конкиной Василисой Сергеевной было действительно просто поразительным. В этом еще раз убедился Глеб Длугач, когда вернулся домой. Можно было бы подумать, что это одна женщина, если бы не разница в возрасте лет этак в двести. Но такие совпадения в чертах лица так просто не происходят. Природе надо очень постараться, чтобы вывести близнеца через пару столетий. «Что-то тут нечисто!» - думал Глеб, попивая чаек на кухне, где как раз беседовали Василиса Сергеевна и его тетка. Вообще-то большей частью говорила Маргарита Федоровна, если не сказать - орала, а Конкина, как всегда, отвечала невпопад, прикладывая ладонь к уху.

- Пенсию вам увеличили, спрашиваю? - выбивалась из сил тетка, затеяв пустой разговор. - А нам вот, медикам, третий месяц зарплату не платят!

- Капусту лучше в октябре покупать, - отвечала Василиса Сергеевна. - Засол и хруст крепче.

- А ночью-то кто-то опять краны на кухне открыл и воду пустил! - кричала Маргарита Федоровна.

- Газет не читаю, - отрезала Конкина.

Трехцветная кошка от всего этого гвалта сбежала под стул к Длугачу. Тот спокойно помешивал в стакане ложечкой. Наконец пенсионерка куда-то уплыла, словно потрепанный в морских сражениях фрегат, а Маргарита Федоровна устало опустилась на табурет.

- Бутерброд возьми! - прокричала она Глебу.

- Тетушка, я прекрасно слышу, - произнес он, - а бутерброд у меня в руках.

- Ах, да! - опомнилась женщина. - Ладно. Ты со мной хотел о чем-то поговорить?

- Да. Когда вы переехали в эту квартиру?

- Лет двадцать назад. А что?

- А остальные жильцы? Например, Василиса Сергеевна?

- О, это клинический случай! Она, кажется, жила тут с начала кайнозойской эры. Точно сказать не могу. И сколько ее знаю - всегда глухая.

- Или прикидывается, - заметил Глеб. - Очень удобная позиция: слышать то, что тебе выгодно, и пропускать мимо ушей все остальное. А расскажите о других соседях.

- Ну-у... Все давно разъехались. А кто остался - тоже старожилы. Коля и Надя - они погодки, я их еще школьниками помню, а Джабраилов - он одно время в больничном морге работал, я его туда и устроила. Теперь, когда разрешили бизнесом заниматься, стал торговать.

- Чем, трупами? - черновато пошутил Глеб.

- Кожей, - почти такую же ответила тетушка, имея в виду куртки из Турции. - Ты, кстати, не думай, что раз мы живем в коммунальной квартире, то все обо всех знаем, как в большой семье. Ничего подобного. Даже наоборот. Каждый стремится обособиться и закрыться в своей раковине, чтобы его поменьше видели и слышали. Это закон. Так что я о своих соседях мало что могу рассказать. Да и они обо мне тоже!

- Понимаю.

- А вот я не понимаю - зачем это все тебе нужно? Ты к экзаменам в консерваторию готовишься?

- Струны на скрипке лопнули, - отшутился Глеб, уже потерявший надежду внушить тетушке, что он поступает на факультет физики в МГУ.

- Мне твой отец писал, что ты любишь отвлекаться на всякие загадочные истории. Хлебом не корми, дай распутать какой-нибудь запутанный клубок. Если у тебя так мозги устроены, так, может, сыщиком стать?

- А что, Шерлок Холмс тоже на скрипке играл, - усмехнулся племянник. - А фамилия Тюфяков вам ни о чем не говорит? Или Калмыков?

Маргарита Федоровна задумалась.

- Были у меня больные и Тюфяковы, и Калмыковы, и Петровы, и Сидоровы, и даже Гжим-Гжимайловские, а тебе зачем?

- Здесь, в доме, такие не жили?

- Постой-постой... Калмыков, жается, был. Парень лет тридцати. Но он полгода назад как уехал. Куда-то в Свиблово. Нет, не уехал! Выселили его. Сначала посадили, а потом выселили. Впрочем, мне это никогда не было интересно. Я на «скорой помощи» работаю, у меня работа нервная, мне нельзя на пустяки отвлекаться.

- Это не пустяки, - сказал Глеб. - Это - История. А История хватает за пятки тех, кто хочет от нее убежать.

...Ночью Глебу приснился сон. Вообще-то ему никогда и ничего, кроме математических или физических формул, не снилось. А тут привиделась какая-то чертовщина. Будто бы едет он на извозчике, а на коленях у него лежит шкатулка с бриллиантами.

- Куда, барин, сворачивать? - оборачивается извозчик, а морда у него такая грустная, словно пауков и тараканов наелся.

- Вот сюда, братец, в этот переулок, - отвечает ему Глеб, поднимая воротник лисьей шубы. А рядом с ним приказчик сидит, толстый такой, очень похожий почему-то на журналиста Гену. И в руках у этого приказчика - топор.

- Ты зачем топор взял? - спрашивает Глеб.
- Супротив татей ночных, - осклабясь, отвечает приказчик Геня.

Вот и подъехали. Конечно же, к этому самому дому камергера Тюфякова. У подъезда швейцар стоит в бобровой накидке. Руками машет, приветствует. И говорит:

- Сюда, сюда, господа! Милости просим, морг открыт - заходите! Морг у нас завсегда открыт, кроме перерыва на обед.

- А куда же мне надо, забыл? - спрашивает Глеб у приказчика.

- А к гражданке Конкиной, Василисе Сергеевне, - угодливо отвечает тот. - У нее сейчас месье Джабраилов, из Франции вернувшийся, аккурат ножи точит. Там и другие фигуранты, вроде сантехника Коли и Наденьки по кличке «Казино». Все в сборе, вас ждут-с!

- А тетушка моя где, Маргарита Федоровна?

- Увы, не дождалась...

Выбрался Глеб из пролетки, только два шага сделал, а навстречу ему - Маруся и Ирина, дорогу загородили.

- Не ходи туда, - говорят обе, перебивая друг друга. - Козленочком станешь. Совсем худо будет, кто тогда это страшное дело распутает? И в МГУ не поступишь.

Но тут их швейцар оттолкнул, извозчик что-то прикрикнул, приказчик ухватил Глеба за воротник и поволок, а где-то далеко-далеко, может быть, на Спасской башне, вдруг начали бить в колокол. Это начинался новый день и новое время...

БГлеб продолжал ходить в библиотеку, посещать лекции для абитуриентов и консультации у преподавателей, словом, готовился к августовским экзаменам, но с какой-то малопонятной охотой. С гораздо большим удовольствием он приходил в школьный музей, где Маруся и Ирочка Гринева проводили инвентаризацию экспонатов. За летнее время их скопилось столько, что требовался новый реестр. И Длугач добровольно помогал им, как только выдавалась свободная минута. Заодно он кое-что выяснял о деле ювелира Калмыкова - Маруся дала ему почитать вырезки из старых журналов, а также из книги воспоминаний русского адвоката Кони. Картина вырисовывалась следующая.

Действительно, последними, кто видел ювелира, входящим в подъезд дома, - были извозчик Терентий Бурцев, приказчик, оставшийся в пролетке, - Сергей Катышев, а также швейцар, распахнувший перед Калмыковым двери, - фамилия этого человека почему-то не была указана. Может быть, репортеры не удосужились запомнить, возможно, что это произошло по просьбе самого швейцара. Так бывало, исходя из прошлых заслуг, чтобы не трепать на газетных полосах доброе имя человека. Вел дело следователь Прибежкин. Довольно быстро была найдена пустая шкапулка - под парадной лестницей, у входа в дворничью каморку.

Вот почему перво-наперво был арестован и допрошен сам дворник - Хабибулин. Но поскольку, на его счастье, у него оказалось железное алиби (весь день он провел в близлежащем кабаке, где его видели три десятка свидетелей), Хабибулина через пару дней отпустили. Очевидно, шкатулку просто подбросили к дворницкой. Были опрошены все жильцы дома. Он имел, как и в нынешние времена, шесть этажей, на каждом лестничном пролете - по квартире со множеством комнат. Один общий чердак с покатою крышей, куда вела маленькая железная лестница; большой вместительный подвал, где хранилась мануфактура купца Афанасия Тюлькина. Сам Тюлькин со своим многочисленным семейством занимал весь первый этаж. На втором этаже находилась контора смотрителя дворцовых учреждений Москвы князя Куракина (князь жил в другом месте, служащих в тот вечер не было, контора закрыта на ключ). Третий этаж вообще не был никем заселен, там шел ремонт, но ни маляров, ни плотников также уже не было, в пять часов они закончили работу, а Калмыков подъехал к дому около восьми вечера. На четвертом этаже жили два семейства: почетный гражданин Костромы Лебедев с супругой и тремя детьми, а также отставной майор Горемыкин (молодая жена, тесть, теща, сестра и племянница). Пятый и шестой этажи занимали владельцы дома - наследники камергера Тюфякова; это были две сестры, две старые девы с многочисленной челядью. Со временем они собирались один из этажей сдавать внаем, как и первые четыре. Всё, больше жильцов не было. Любопытная деталь: к каждой из квартир вел черный ход по запасной лестнице, но выход из нее вот уже года два как был заколочен досками (опасались грабителей). Следователь Прибежкин с особой тщательностью проверил черный ход, но следов взлома не обнаружил. Проникнуть через него в дом никто не мог, как, впрочем, и выйти наружу. С крыши спуститься было также невозможно - рядом находилась будка городского, да и место людное, непременно бы заметили злоумышленника. Характеристики на всех жильцов были самые положительные, отменные. Никто ни в каких нарушениях закона замечен не был. Вставал вопрос: к кому и с какой целью направлялся ювелир Калмыков и зачем вез с собой драгоценные камни? Ведь ни с кем из этих людей он никогда прежде никаких дел не имел?

Прибежкин ломал голову, а газеты пестрели заголовками: «Загадочное исчезновение ювелира Калмыкова», «Кто похитил ювелира?», «Где прячется убийца?», наконец, «Пустые хлопоты следователя Прибежкина». Прошла одна неделя, другая, результатов никаких. Все опрошенные жильцы также имели железное алиби. У купца Тюлькина в тот момент гуляли гости, Калмыков просто не мог войти в эту квартиру незамеченным. Не мог он и спуститься в подвал, который был закрыт на огромный замок. Второй и третий этажи вообще пустовали. На четвертом - почетный гражданин Костромы Лебедев со всем семейством пили чай,

а отставной майор Горемыкин с молодой супругой и остальными домочадцами играли в лото. Сестры Тюфяковы к этому времени уже почивали в постелях, а челяди было запрещено открывать кому бы то ни было двери. Выходит, ювелир не мог войти ни в одну из квартир. Не мог и выйти из нее без предварительного контакта с кем-либо из нанимателей. Не мог укрыться на чердаке или на крыше - все было тщательно осмотрено. Не мог выбраться в окно, все рамы были закрыты на шпингалеты изнутри, да его непременно бы заметили. И зачем бы ему пришлось в голову покидать дом столь странным образом? Тем более, что он приехал по делу. Нет, никак не сходились концы с концами...

В окололитературных и теософских кругах стали поговаривать об оккультных явлениях, о мистическом исчезновении ювелира. В народе говорили попроще: черт его забрал вместе с потрохами и драгоценностями. Но нечистую силу к делу не пришьешь, от Прибежкина требовали результата. А его-то как раз и не было. Кончилось тем, что несчастный следователь подал в отставку, дело пустили на самотек, а вскоре упоминание о нем стало постепенно исчезать с газетных полос. Москва жила новыми слухами и новыми преступлениями... Прошло полгода, и о ювелире Калмыкове почти окончательно забыли. Мало ли в столице пропадает людей? Эка невидаль! Так и завершилось это загадочное происшествие - ничем.

И вот спустя сто с лишним лет за него взялся Глеб Длугач. Совершенно случайно, но с неискоренимым желанием докопаться до истины. Тем более, что волею судьбы ему выпало временно проживать в том же доме, на шестом этаже, в огромной, но почти пустой квартире. Где по ночам кто-то вертел краны и осторожно шлепал со свечкой по коридору. Где витал дух прошлого и стелился запах Истории, столь далекой от проблем ядерной физики и квантовых генераторов. Где также было много загадочного, но на свой особый, современный взгляд. И где Длугача в дальнейшем ожидали невероятные приключения, полные опасных чудес и чудесных опасностей.

В этом он был абсолютно уверен. Иначе зачем жить?

7 Ирина Гринева принесла Длугачу по его просьбе портрет госпожи камергерши Тюфяковой, завернутый в салфетку. В квартире в этот час никого не было, кроме Василисы Сергеевны.

- Вынесла под носом у Маруси, - сказала Ирина. - Зачем он тебе?

- Хочу припереть старуху к стенке, - пояснил Глеб.

- К этой или к той? - показала на стены девочка.

- К какой получится.

Они пошли на кухню, где Конкина как раз варила лапшу. На подоконнике рядом с фикусом лежала кошка, не спуская желтый взгляд с кастрюли.

- Э-э... Давно дождя не было! - громко произнес Глеб.

- Чего тебе? - обернулась Василиса Сергеевна. Она покосилась на застывшую в дверях Ирочку. - Невеста твоя? Больно чернявая. Из цыган, видно.

- Из турок, - сказал Глеб. Ирина фыркнула. Кошка мяукнула. Кастрюля с лапшой булькнула. Разговор начался, а это главное. Старуха, очевидно, была сегодня в настроении. Даже не притворялась глухой.

- Василиса Сергеевна, вы что больше любите из живописи - натюрморты или портреты? - спросил Глеб.

- Вывески в гастрономах, - ответила Конкина. Она, кажется, была не лишена чувства юмора.

Длугач развернул салфетку, положил на стол овальную миниатюру. Василиса Сергеевна с любопытством уставилась на портрет.

- Тюфякова, - произнес Глеб. — Жена первого владельца этого дома.

- Первого и единственного, - неожиданно подтвердила старуха. В лице ее что-то изменилось. Из лисьего оно превратилось в какое-то трогательно-кошачье, подобрело. В глазах появиласьволока.

- Значит, вам знакомо это имя? - вмешалась Ирина.

Конкина взяла портрет, поднесла в окну, стала внимательно рассматривать. Потом тяжело и в то же время как-то облегченно вздохнула, словно сбросила с плеч тяжкий груз.

- Моя прабабка, - с гордостью, глянув на ребят, заявила Василиса Сергеевна.

- Жена камергера Тюфякова?

- Князя Сергея Сергеевича Тюфякова, - согласилась Конкина. - Я осталась последней из этого рода. А портрет мне очень хорошо знаком. Еще в детстве висел у меня на стенке. Потом куда-то пропал. Наверное, подселенцы сперли.

- Расскажите о себе, - попросил Глеб.

- Что говорить? - Старуха выключила плиту, помешала в кастрюле ложкой. - Говорить особо нечего. Всю жизнь боялась. Деда большевики расстреляли, мать с отцом чекисты посадили. Меня почему-то не тронули, мала была. А когда-то весь этот дом принадлежал семейству Тюфяковых. Все шесть этажей. В конце прошлого века дед стал сдавать квартиры внаем.

- Это мне известно, - сказал Глеб.

- Не перебивай! - обозлилась вдруг старуха. - А то вообще говорить не буду...

- Простите, княгиня, - вежливо поправился Длугач.

- Так вот. Я родилась в год октябрьского переворота. Но помню, как где-то в двадцатых годах на всех этажах уже жили чужие люди. Нас все уплотняли и уплотняли. Пока не осталась всего одна комната. Та, в которой я теперь и живу. А в начале тридцатых взяли родителей, и они исчезли. Потом замуж вышла, за Конкина. Помер он лет двадцать назад. С тех пор одна и живу. А

страх все равно где-то в душе остался. Вот и весь рассказ, чего больше?

- Но теперь-то вам бояться нечего, - произнес Глеб. - Сейчас времена другие. Наоборот, дворянские титулы в почете.

- Э, милый, много ты понимаешь! - возразила старуха. - Если страх с детства, то он в кровь впитался, ничем не вытравишь. Ты знаешь, сколько раз сюда чекисты наведывались? Все рыли, рыли, искали чего-то. Думали, предки мои тут драгоценности спрятали. А ничего не было.

- А про ювелира Калмыкова вы что-нибудь слышали? - поинтересовался Глеб.

- Знаю я эту историю, отец рассказывал, - кивнула Василиса Сергеевна. - Дескать, убили его в этом доме, когда он бриллианты принес. Здесь тогда две его тетки жили, а их брат - мой дед - в то время в Польше служил. Отцу тогда было лет тринадцать, как тебе. Тетки в нем души не чаяли, держали при себе.

- Значит, ваш отец в тот год был здесь?

- Конечно. Он в пажеском корпусе учился.

- Вспомните, что говорил отец об этой истории?

- Ну-у, что... Почти ничего. Хотя его тоже следователь опрашивал. Фамилия у него была такая... смешная...

- Прибежкин? - подсказал Глеб.

- Да, верно, - удивилась Василиса Сергеевна. - Прибежкин. Вроде как прибежал и убежал, так ничего и не сделав путного. Да так оно и вышло: дело-то это не распутали. Исчез ювелир, и всё! Вместе с драгоценностями.

- А о чем спрашивал следователь? Что говорил отец? - терпеливо гнул Длугач. - Постарайтесь вспомнить.

Василиса Сергеевна Конкина, урожденная Тюфякова, наморщила пергаментный лоб, даже засопела от напряжения, как чайник. Того и гляди закипит.

- Может быть, вам воды выпить? - предложила Ирина.

- Отстань, турчанка, - отмахнулась старуха. - Чего вы ко мне пристали? Зачем это вам надо?

- Хочется докопаться до истины, - пояснил Глеб. - Кто убил ювелира?

- Следователь этот... Прибежкин... не узнал, а ты хочешь! Он и у отца все спрашивал - не слышал ли тот чего...

- А отец?

- Что он мог слышать, если спал?

- Хорошо. Следователю он мог ничего не сказать. Но вам? Потом, спустя много лет? - с надеждой спросил Глеб. - Может быть, все-таки что-то слышал?

- Может быть, - туманно ответила Василиса Сергеевна, закатив глаза. - Ой, что-то мне дурно стало от этих разговоров. Воздуху мало. Словно кто горло сжал и не отпускает.

Она опустила на стул, а Ирина все-таки налила стакан воды.

- Выпейте!

Старуха отхлебнула, затем промолвила:

- Слышал он один любопытный разговор между тетками.

- Какой? - живо спросил Глеб.

Василиса Сергеевна не успела ответить. Раздался какой-то уж больно резкий и неприятный звонок в дверь.

8 Длугач открыл дверь, на пороге стояли два незнакомых человека. Один был высокого роста, с выражением лица, как у голодной псины; другой - низенький и квадратный, словно ходячий табурет. Оба дышали перегаром.

- Где... этот? - произнес высокий. И умолк.

- Рамазан хренов Гамидович, - добавил табурет, поясняя неоконченную мысль первого, которая нуждалась в расшифровке.

- Так ведь он в Турции, - ответил Глеб. - Насколько мне известно.

- Ага. Бабушке будешь рассказывать, - сердито буркнул собакообразный. Низенький тем временем попер на Длугача, слегка отодвинув его в сторону. Оба незваных гостя оказались в коридоре.

- В какой Турции? - сказал коротконогий. - Ты кому баки заливаешь? Ты вообще-то кто?

- Живу здесь. Уже дней десять. А вы, господа, не из налоговой инспекции будете?

- Смотри, Додя, острит! - хмыкнул высокий. - По рогам хочет.

- Они теперь все острят, поколение такое, - отозвался Додя. - Мы с тобой, Пика, в школы не ходили, шутить не умеем. Пойди, погляди на кухне - кто там?

Пика отправился по указанному адресу, а низенький устался на Глеба.

- Так куда делся Джабраилов? - сладко спросил он.

- Понятия не имею, - отозвался Длугач, чувствуя, что затевается нечто нехорошее. То, что это какие-то бандиты, он догадался сразу. Рожи уж больно гнусные, не предвещавшие ничего хорошего. Таких лучше не злить. Глеб владел приемами карате, но справиться с двумя взрослыми мужиками он бы, разумеется, не смог. Позвонить в милицию тоже. Звать на помощь бесполезно - в доме почти никто не живет. Но надо искать выход.

- Ты его когда последний раз видел? - продолжил допрос Додя.

- А я его вообще не видел. Потому что приехал, когда его уже не было.

- Ясно. След простыл. Если врешь - накажем.

Вернулся Пика, поигрывая выкидным ножиком.

- Там только старуха и девчонка, - доложил он. - Я им приказал сидеть тихо и не рыпаться.

- Правильно, - хмыкнул Додя. Он, судя по всему, был за главного. Вновь посмотрел на Длугача: - Кто еще в квартире?

- Никого.

- Так. Показывай комнату Джабраилова.

Подталкиваемый в спину длинным, Глеб повел их по коридору. Остановились перед запертой дверью Джабраилова. Пика подержал ручку.

- Нет его. Может, впрямь уехал?

- Не должен, - отозвался Додя. - А ну-ка, проверим.

Он отошел в сторону, насколько хватало пространства, затем коротко, но мощно прыгнул. Дверь хрустнула, замок вылетел с сорном, Додя влетел в комнату. За ними вошел Пика, Длугач остался в коридоре. «Интересно, - подумало он, - чем все это закончится?» Отсюда ему была видна пустая комната, зашторенное окно, неброская мебель. На столе стояли пустые тарелки, опрокинутая бутылка вина. Додя и Пика внимательно осматривали помещение. Открыли шкаф, залезли в ящики письменного стола. Вещи бесцеремонно сбрасывали на пол. Обыск продолжался минут десять. Судя по всему, Джабраилов жил не слишком богато. По крайней мере, они не нашли то, что искали. Это было видно по их разочарованным лицам.

- Нету! - развел руками длинный. Додя поднес к лицу засохший бутерброд с сыром.

- Но кто-то же это жрал? - сказал он. - И вино пил. Нет, Рамазан где-то здесь, я чувствую. Не мог он из Москвы уехать.

- Где же он прячется? Может, у друзей?

- Нет у него друзей.

- Может, его уже кокнули?

- Вряд ли. По вокзалам надо пошмонать.

Они выбрались в коридор. Додя прикрыл за собой сломанную дверь.

- Интересная получается история, - произнес он, глядя на Длугача. - Наш приятель уехал, не простившись. Так добрые друзья не поступают, невежливо. Тебя как звать?

- Глеб.

- Вот что я тебе скажу, Глеб. Ты нас не видел - мы тебя не видели. Ясно?

- А сломанная дверь?

- Сам что-нибудь придумаешь. Но если Джабраилов появится - про нас ничего не говори.

Пика шелкнул лезвием, приставив нож к горлу Длугача.

- Иначе - чир-чир! - сказал он. Лезвие коснулось кожи, Пика еще слегка надавил. Ощущение было не из приятных.

- Он парень понятливый, хватит, - произнес Додя. - И не вздумай рассказывать о нашем визите в милиции. Это, как говорят в Чикаго, не в ваших интересах.

- А для чего вы его разыскиваете? - спросил Глеб.

- Экий любопытный, - усмехнулся Додя. - Хорошо, скажу. Должок есть. Понял?

- Как не понять.

Длугач все еще ощущал у себя на шее лезвие ножа, хотя его уже не было. Пика и Додя пошли по коридору к выходу.

- Из квартиры в течение часа не выходить! - бросил через плечо коротышка. - Хитрить с нами не советую.

Дверь за ними захлопнулась. Глеб некоторое время постоял, размышляя над случившимся, затем отправился на кухню.

- Кто это был? - спросила Ирина.

- Вот точно такие же рожи были и у чекистов, когда они пришли за моими родителями, - произнесла Василиса Сергеевна. - Эти, наверное, тоже из органов?

- Почти, - согласился Длугач. - Сейчас ведь не разберешь, а документов они не показывали. Дверь к Джабраилову сломали.

- К дворнику нашему? - удивилась Конкина.

- К какому дворнику? - еще больше удивился Глеб. - Он ведь по торговой части?

- Сейчас-то по торговой, - согласилась старуха. - А в прежние времена все его предки здесь, в доме этом, работали - кто дворником, кто швейцаром.

- Что... и во времена вашего дедушки? - сам не веря, спросил Глеб.

- Начиная с самого первого Тюфякова, - подтвердила Василиса Сергеевна.

Длугач, чувствуя, что ухватил удачу за хвост, опустил на стул.

9 Для Длугача это была ошеломляющая новость. Итак, выходит, в квартире живет еще один человек, чьи предки или предок были косвенно причастны к событиям 1893 года, то есть к загадочному происшествию с ювелиром Калмыковым. По крайней мере, жил в последнее время. И этот человек - Джабраилов Рамазан Гамидович. Жаль, что он не успел познакомиться с ним раньше. А где он теперь и почему его ищут эти два бандюгана?

- Ничего плохого о нем сказать не могу, - заметила Василиса Сергеевна, будто читая его мысли. - Человек спокойный, вежливый, почти не пьющий, хотя все дворники в этом доме пили, как... сапожники. Профессия обязывает. Я его еще мальчишкой помню, а сама была уже замужем за Конкиным. Тот, кстати, тоже из простых был. Рабочий с завода. А где же было при советской власти князя сыскать? Все по щелям попрятались, прикидывались безграмотными, лишь бы не замели. Это теперь каждый парикмахер в графья лезет.

- Как Джабраилов оказался вашим соседом по квартире? - спросила Ирина.

- Все так же: уплотняли, - ответила Василиса Сергеевна. Она еще раз посмотрела на миниатюру. - А вы мне оставите этот портрет? Хотя бы на время. Вроде не так одиноко будет.

- Думаю, можно, - кивнула Ирина. - Я поговорю с Марусей.

- Значит, отец Джабраилова служил здесь в девяностых годах девятнадцатого века? - произнес Глеб.

- Не отец, а дед, - поправила Василиса Сергеевна.

- И его арестовывал следователь Прибежкин по подозрению в убийстве ювелира Калмыкова? Если он был дворником. Или все же швейцаром?

- А для нас разницы не было - что швейцар, что дворник. Но выходит что так, - сказала старуха. - Тебе бы с самим Джабраиловым поговорить.

- Так ведь его нету, - развел руками Глеб. - Он от кого-то скрывается. А что вы говорили насчет того разговора, который ваш отец подслушал у своих теток? Нас прервали.

- Ах, это...

Василиса Сергеевна замолчала, медленно завернула портрет в салфетку, положила в карман фартука. Затем продолжила:

- Отец мне сказал, что между ними была даже какой-то спор. И касался он именно пропавшего ювелира. То есть это потом уже выяснилось, что он пропал, а в тот вечер об этом никто и не думал.

- А может так быть, что ювелир направлялся именно к ним? - спросил Длугач.

- Так вот об этом-то и шла речь! - почему-то обрадовалась старуха. - По крайней мере, отец потом так и подумал. Потому что тетки спорили между собой - куда он мог запропасться, время-то уже позднее?

- Может быть, они имели в виду другого человека?

- Нет. Упоминалась фамилия Калмыкова. И речь шла именно о драгоценностях, которые он должен был принести с собой. Отец хорошо запомнил. А поскольку тетки на допросе у следователя отрицали, что должны были встретиться с ювелиром, то отец тоже молчал. К чему лишние разговоры?

- Конечно, - согласился Глеб. - Тогда бы подозрение непременно пало на его тетушек.

- В том и дело. Легло бы пятно на имя Тюфяковых. Но поскольку они его не дождались, выходит, и не были причастны к исчезновению ювелира. - Василиса Сергеевна потеряла свои ладошки, словно это доставляло ей особенную радость. - Вот об этом отец мне и рассказал, когда я немного подросла.

- Теперь хотя бы ясно, к кому именно шел Калмыков, с кем у него была назначена встреча в этом доме, - вздохнул Глеб. - А для Прибежкина это так и осталось загадкой.

- Но ведь до сих пор неизвестно, куда делся сам ювелир, - сказала Ирина.

- Разберемся и в этом, - ответил Глеб. - Спасибо вам, Василиса Сергеевна, если что вспомните - я к вашим услугам.

- Лапши не желаете? - восторженно воскликнула княгиня.

- В другой раз, - хором отказались молодые люди.

Глеб увлек Ирину по коридору к комнате Джабраилова.

- Хочу поглядеть, чего они тут так упорно искали, - пояснил он. - Все равно дверь сломана.

- Пошли заглянем! - охотно откликнулась юная авантюристка.

На полу валялись выброшенные бандюганами вещи - верхняя и нижняя одежда Джабраилова, всякая мелочь. Шкаф, книжные полки, ящики стола оказались выпотрошенными, как приготовленная к обеду селедка. Селедка и лежала на обеденном столе, но высохшая, словно египетская мумия. Там же хранились другие объедки. В одном из стаканов оставалось немного красного вина. Другой был пуст.

- Человек не станет пить из двух стаканов сразу, - произнес Длугач. - Очевидно, Джабраилов кого-то принимал в гостях, прежде чем поспешно исчез.

- Почему поспешно? - спросила Ирина.

- Иначе бы постарался убрать за собой посуду. Судя по обстановке, он был человеком не таким уж неряшливым. Цветы на подоконнике, даже сапожная щетка на месте. Бардак здесь навели эти двое.

- Ну и что ты обо всем этом думаешь?

- Пока ничего.

Глеб нагнулся, вытащил из-под груды дешевых книг, в основном детективов, толстую кожаную тетрадь.

- Это еще что такое? - вслух спросил он, перелистывая страницы. Они давно пожелтели, даже как-то потрескивали в пальцах, чернила сильно выцвели. Почерк был крупный, какой-то детский, можно было бы сказать - неумелый, со старинными «ятями» и «ерами».

- Дневник, - подсказала Ирина, заглядывая через плечо.

- Сам вижу. Надо почитать на досуге.

- Для нашего музея сгодится. Наверное, дореволюционный.

- Если не позапрошлого века. Но бандиты явно искали что-то другое.

- А что тут можно взять?

- Ничего, - согласился Глеб. - Кроме тайны Джабраилова.

Только он это сказал, как за их спинами раздался язвительно-громкий голос:

- Ага, голубки, попались! Лейтенант Глупов, держите основной выход, сержант Мордашкин - ко мне, приготовьте наручники! Не двигайтесь, руки вверх!

Ирина и Глеб медленно обернулись.

10 На пороге стоял сантехник Коля и смеялся от всей души. На плече висела сумка с инструментами.

- Испугались? - отдышавшись, сказал он. - То-то. А вы чего к Рамазану залезли? Ты погляди, какой беспорядок устроили!

- Это не мы, это какие-то братки из Сицилии, - ответил Глеб. - Коля, надо бы дверь починить.

Он вкратце рассказал то, что случилось два часа назад.

- Так, выходит, Гамидович крепко влип, - уяснил сантехник. - Дверь мы починим, это не проблема. Я новый замок врежу. Только толку? Придут и снова выбьют. А я его предупреждал, нехри-

стя бусурманского, не лезь ты в торговлю - через уши вывернут. Сидел бы в своем морге, считал трупы, главное, чтобы не разбежались по городу. А что? Работа хорошая, спокойная.

- Там же страшно! - передернулась Ирина.

- Ничего, ко всему привыкнешь, - отозвался Коля. - Покойники не кусаются.

- Оставим эту мертвяцкую тему, - произнес Глеб. - Как ты думаешь, куда мог деться Джабраилов? Эти гангстеры уверены, что он в Москве. Где-то прячется.

- Спрятаться дело нехитрое, - сказал сантехник, оглядывая комнату Джабраилова, будто он и сейчас мог находиться где-то тут, например, в керамическом кувшине на подоконнике. - Но рано или поздно ты сам выйдешь к солнышку.

- Но его необходимо предупредить, - возразил Глеб.

- Так уж и необходимо? - усмехнулся Коля. - Откуда мы знаем, какие там между ними разборки? Кто кого кинул? Дело темное. А вмешаться - нос вместе с головой отрежут. Хотя по-человечески ты прав. Мы с ним хорошо в шашки играли.

Глеб все еще держал в руках толстую кожаную тетрадь, а Николай только сейчас обратил на нее внимание.

- Что это у тебя? - спросил он. - К экзаменам готовишься?

- Угу, - отозвался Длугач. - Конспекты лекций.

- Молодец, - похвалил сантехник. - Вырастешь - дураком будешь. Когда тебя из твоих университетов попрут - приму к себе в ученики, станешь сливные бачки ремонтировать.

- Непременно, - согласился Глеб.

Николай тотчас же занялся починкой замка, а юные исследователи вышли в коридор.

- Пойду, встретимся в музее, - сказала Ира.

Глеб проводил ее до выхода, затем поспешил в свою комнату, сунул тетрадь под подушку и вернулся к слесарю. Он вспомнил об одном человеке, чью фамилию среди прочих жильцов как-то упоминала Маргарита Федоровна. О молодом парне, Калмыкове. Конечно, это, скорее всего, просто совпадение, но уж больно странно. Тогда, в конце девятнадцатого века, здесь исчез ювелир Калмыков, и теперь, спустя более ста лет, тут проживал человек с такой же фамилией. Он интуитивно чувствовал, что опытный сыщик ни одну из версий не упустит из поля зрения, каждую ниточку исследует до конца. Кто как не Коля мог ему в этом помочь?

- ...Калмыков? - переспросил сантехник, когда Глеб задал ему наводящий вопрос. - Хм-м... Жил у нас тут такой мужик, мой ровесник. Между прочим, одно время вместе с Джабраиловым в морге подрабатывал, сторожем. Но вообще-то странный какой-то. Нелюдимый. Переехал сюда лет семь назад, откуда-то из Саратова. О себе ничего толком не рассказывал.

- Японский шпион, - усмехнулся Глеб.

- Во-во! И рожа какая-то уж больно непроницаемая. Видел я его несколько раз в компании с некоторыми людишками, кото-

рые... скажем так, имеют свои особые отношения с милицией. Мне тут все блатные известны, а эти еще покруче их будут. Настоящие бандиты. Один высокий, а другой коротышка, - звери.

Глеб тотчас же насторожился, словно борзая, учуявшая след. Похоже, удача сама плыла ему в руки.

- Не помнишь их клички?

Сантехник почесал лоб.

- Случайно, не Пика с Додей?

- Точно! - обрадовался Николай. - А тебе-то они откуда известны?

- Довелось встретиться, - уклончиво отозвался Длугач. - Имел честь.

- Опасные знакомства водишь, - предостерег его Николай.

- Ничего, как говорится, каждое лыко в строку. Ну рассказывай дальше.

- Меня вот что удивило, - продолжал сантехник, зачем-то оглянувшись. - Этот Калмыков, Юра его звали, свел дружбу с вашей Надеждой. С Ясеновой, соседкой. Она женщина видная, почти интеллигентная, а он кто? Прыщ белобрысый. И вдруг оказывается, что он бросил работу в морге и устраивается швейцаром в ее казино. Конечно, это она ему помогла на теплое местечко сесть.

- Скорее встать, - поправил его Глеб. - Швейцары стоят, а не сидят. И не только в теплую погоду, но и в мороз.

- Все равно так просто туда не попадешь. А потом... Потом что-то там такое произошло, какая-то история, я толком не знаю. То ли ограбить казино хотели, то ли просто перестрелка была, но никого не поймали, а Калмыков наш как-то затих. Из казино уволился, из квартиры выписался и уехал. Говорил, что в Свиблово, а там кто знает... Но сдается мне, что между ним и Надеждой пробежала черная кошка. Но сюда к нам потом несколько раз милиция приходила, все про него спрашивала. А раз спрашивала - значит, ищут. Ты как думаешь?

- Логично.

Глеб еще не мог связать все концы с концами, но что-то уже вырисовывалось. Калмыков, Джабраилов, Пика, Додея, Надежда Ясенева... А с другой стороны, разделенные столетием - другой Калмыков, опять же дворник или швейцар Джабраилов, камергерша Тюфякова... Нет, все это надо обдумать в одиночестве. Какая-то картина абстрактная получается. «Черный квадрат» Малевича.

Длугач вернулся в свою комнату, вытащил из-под подушки кожаную тетрадь и положил ее на стол, рядом с учебником физики Борна. И то и другое притягивало, надо было выбирать. Глеб сидел так некоторое время, поглядывая то на тетрадь, то на учебник.

Потом вздохнул, посмотрел в окно на золотой купол Пушкинского музея и пододвинул к себе загадочную тетрадь.

11 Длугач уже два часа сидел над тетрадью, перелистывая страницы. И чем дальше он читал, тем интереснее ему становилось. Вначале было не так легко продираться сквозь дореволюционную грамматику, и он часто спотыкался на твердом знаке в конце слов или букве «ять», но, в принципе, русский язык мало изменился с конца позапрошлого века. Поменялся стиль, сам образ мыслей, способ их изложения. Глеб уже догадался, что тетрадь принадлежала деду Джабраилова, служившему, как и все в его роду, семейству Тюфяковых. И служил этот дед, которого звали странным и редким именем Автонгел, именно швейцаром, а не дворником. Дворником работал Хабибулин. Глеб вспомнил, что в одной из старых газетных вырезок как раз и упоминался ошибочно арестованный следователем Прибежкиным Хабибулин. Выходит, Автонгел Джабраилов был одним из тех людей, которые последними (по официальной версии) видели ювелира Калмыкова живым.

Что же представляли собой записки швейцара, которые хранились Джабраиловым, очевидно, как семейная реликвия? Дневником это было назвать трудно. Скорее всего, Автонгел просто имел какую-то тайную страсть к излиянию своих чувств на бумаге. Образования он был небольшого, ума - тоже. Где-то нахватался грамоты, наверное, окончил церковно-приходскую школу. Но книжки и газеты почитывал. Должно быть, вообразил, что и сам может сочинять. Графоманов хватало во все времена. Вот и записывал в тетрадь все, что видел или слышал. Может быть, лавры модного в то время беллетриста Боборыкина не давали ему покоя, считал и себя литератором. Тетрадь его пестрела самыми разнообразными опусами, даже в стихотворной форме.

Например, на одной из страниц, Глеб прочитал такой стих:

*На дворе собака брешет,
А хозяин пузо чешет.
У кафтана черный цвет,
А порткам, зная, сносу нет.
Ты большой построил дом
Со стеклянным потолком.
Там сидишь и дуешь квас -
Бубни козыри у нас!*

И дальше в том же духе. Но встречались у него и романтические строфы, вроде:

*Да, вот и пришел час расставанья,
Стою один я на дороге.
Мне сапоги - увы! - жмут ноги,
А милая моя - в остроге...*

Очень жалостливое стихотворение. Но в остроге довелось посидеть самому Автонгелу Джабраилову. Об этом он упоминает на одной из страниц, уже в прозаическом стиле. За какое

одной из страниц, уже в прозаическом стиле. За какое прегрешение он туда угодил, грамотный швейцар указать постеснялся, но, очевидно, оно было мелким, поскольку пробыл там не более трех месяцев. Скорее всего, это было нарушение долговых обязательств. Кто-то его выкупил.

Иногда Джабраилов переписывал в тетрадь тексты с поздравительных открыток, запомнившиеся разговоры с соседями, а то и просто разные истории, происходящие вокруг. Словом, всякую всячину.

«У купца Тюлькина украли собаку, рыжего кобеля аглицкой породы. Все семейство горевало, сам купец аж на пять дён запил, еле отпоили брусничной водой. Хороший был кобель, кусался здорово...» «В Староконюшенном тройка рысаков задавила мальчонку, чей он - неизвестно, похоронили за счет прихода». «На механическом заводе Гоппера, что рядом с Провиантскими магазинами, третьего дня были выступления каких-то соцьял-демократов. Кто такие, откуда взялись? Должно быть, от немцев появились, от них вся зараза лезет. И колбаса-то их - тьфу, а не колбаса! Наша куда как лучше. Сосед сказывал, скоро эти соцьялисты из всех щелей полезут. Вот взять бы эту немецкую колбасу, да по голове им, по голове. Сразу бы тише стали. И никаких тебе революций...»

Забавно было читать эту тетрадь. Длугач словно погружался совсем в иную реку времени, то тихую, то стремительную, но давно исчезнувшую с земли. Осталась только память, догоревшие в костре угольки. Но сами эти несколько наивные записки представляли несомненный интерес как свидетельство бытописца. Однако Глеб надеялся обнаружить совсем другое... Его надежды были связаны с тем, что удастся обнаружить хоть что-то, касающееся ювелира Калмыкова и всего этого загадочного дела. Любые косвенные свидетельства. Джабраилов не мог не упомянуть об этом в своих «мемуарах». Уж коли он писал об украденной собаке купца Тюлькина, то громкое исчезновение ювелира непременно должно было найти отражение в его тетради. И, наконец, ему повезло.

На одной из страниц Автонгел писал: «Сережки для своей супруги в день ее тезоименитства я заказал у самого Калмыкова, мне приказчик ёвон, Сережка Катышев, обещал помочь, дабы по средствам вышло, но как глянул я на энти серьги со смарагдами, так и побежал прочь - кусаются больно. Однаке барыня обещала оказать всяческое посильное содействие, ежели что и как. Буду ждать, куда ветер дунет. Скоро святки».

Длугач задумался. Пустая вроде бы запись, но уже кое-что объясняла. Во-первых, Автонгел Джабраилов хотел купить для своей жены сережки с изумрудами. Очевидно, он имел кое-какие сбережения, но был жаден, хотя денег все равно не хватило. Во-вторых, он рассчитывал на поддержку одной из сестер Тюфяковых. И неизвестно - дала она ему деньги или нет. А в третьих, самое существенное, он, оказывается, был знаком с приказчиком ювелира Калмыкова - Сергеем Катышевым. Тем самым, кто довез

своего хозяина в пролетке в тот злосчастный день, вернее вечер, когда ювелир исчез.

Мала рыбка, но даже такой находке Глеб очень порадовался, потирая руки. Надо искать дальше. Возможно, удастся проследить и другие связи Автонгела Джабраилова или хотя бы выяснить то, что думали об этом преступлении остальные жильцы дома. Наверняка они делились со швейцаром впечатлениями, причем так, как не стали бы говорить на официальном языке со следователем Прибежкиным. Слухи, слухи - вот что окружает любое преступление; иногда они бывают совершенно бесцветными и безвкусными, как водопроводная вода из крана, но порою горчат, и в этой капле горечи можно обнаружить неожиданную истину.

Прочитать всю тетрадь Длугачу не удалось. С работы должна была вернуться Маргарита Федоровна, а он и так слишком отвлекся, позабыв о том, что надо приготовить ужин.

- Уважаемый Автонгел Джабраилов, не скучайте тут без меня, - произнес Глеб, сунув тетрадь в ящик письменного стола, сам же отправился на кухню.

12 В голове Длугача прошлое и настоящее смешалось, как молоко с сырым яйцом в миксере, оставалось вылить смесь на сковородку и приготовить омлет. По существу, он теперь увяз в двух загадочных преступлениях. Одно произошло более ста лет назад, другое было совершено (или только готовилось?) сейчас. Оба были покрыты туманным саваном. Глубокая тень лежала на всем, что пока удалось выяснить. Словом, омлет получался скверный. Одно расстройство. Но останавливаться нельзя, надо копать дальше.

Вечером перед сном Глеб долго обо всем думал. И решил, что нужно разрабатывать две вертикальные и горизонтальные линии, как в прошлом, так и в настоящем. Но прежде всего надо было как следует изучить сам дом. Поскольку он являлся центром притяжения и основой всего, словно солнцем, вокруг которого вращались остальные планеты. Глеб, вспомнив о физических законах Вселенной, открыл учебник Борна, немного полистал, пытаясь настроиться на предстоящие экзамены, затем погасил лампы и отвернулся к стене.

Но ночью он неожиданно проснулся. У него было такое ощущение, что кто-то проник в комнату и смотрит на него немигающим взглядом. И почти не дышит. Кроме того, Глеб почувствовал, что руки и ноги будто налились свинцом. На грудь что-то давило. Длугач с трудом приподнял голову и действительно увидел два красных глаза буквально в нескольких сантиметрах от своего лица.

- Мяу! - сказала обладательница этих глаз-буровчиков.

- Брысь! - ответил Глеб трехцветной кошке, неизвестно как пробравшейся в его комнату.

Кошкодавка соскочила с его груди, еще раз мяукнула и заскреблась у двери, словно призывая Глеба встать. Он включил

лампу, посмотрел на будильник. Было три часа ночи. Первый испуг прошел, но на сердце все равно было как-то тревожно. Глеб поднялся, сунул ноги в тапочки, прихватил со столика фонарик и открыл дверь. Кошка выбежала, Длугач отправился вслед за ней. Они миновали комнату Маргариты Федоровны, откуда доносился могучий храп, вышли в темный коридор. Глеб включил фонарик, поворачивая луч света в разные стороны. Чувствовался какой-то непонятный запах. Кошка потерлась у его ног, затем побежала в конец коридора. Остановилась, оглянувшись на Длугача.

- Куда ты меня зовешь? - тихо спросил он. - Ладно, пойдем.

Так вдвоем они прошли весь коридор, минуя ряды коммунальных комнат, пока не очутились у черного хода. Дверь в него, что было удивительным, оказалась чуть приоткрытой. Кошка метнулась в черный проем и исчезла. Глеб постоял в некоторой нерешительности, не зная, что предпринять дальше. Все это выглядело очень странным. Легкий холодок пробежал по его спине. Допустим, кошка побежала ловить мышей, но стоит ли ему соваться в эту черную пасть? Но отступать тоже не хотелось.

Собравшись с духом, Глеб открыл дверь пошире и вошел внутрь. Он оказался на небольшой лестничной площадке, где сразу чихнул - столько здесь скопилось пыли и паутины. Ступеньки лестницы вели вниз, к другим этажам. Глеб наклонился, осматривая пол. Он разглядывал следы, много следов, причем не только ботинок, но и босых ног. Они вели и вверх и вниз. И оставлены были явно не так давно, иначе бы тоже покрылись пылью. Подсвечивая себе фонариком, Длугач начал осторожно спускаться. Он дошел до пятого этажа, подергал запертую на замок дверь. Отправился дальше.

Идти приходилось медленно, внимательно смотря под ноги. Вся лестница и межэтажные пролеты были завалены всякой ненужной рухлядью. Здесь были колеса от велосипедов, сломанные лыжи, колченогие стулья, груды старых газет и журналов, связки книг, пустые бутылки, рамы от картин, какие-то ящики, коробки, раскуроченные телевизоры, цветочные горшки, тряпье, даже громадный холодильник, через который пришлось перелезть. Он прошел пятый, четвертый, третий, второй этажи. Все двери, ведущие из черного хода в коммунальные квартиры, оказались заперты. На первом этаже размещался книжный магазин, но запасной вход в него вообще был заварен. Выход на улицу также оказался закрыт. Правда, в полу имелись щели, очевидно, кошка прыгнула куда-то туда, в подвал. Там сейчас находился склад. Но у Глеба не было никакого желания последовать ее примеру, даже если бы он уменьшился раз в десять. Мыши были не в его вкусе. Еще раз осмотрев все вокруг, Длугач стал подниматься вверх. Больше всего его заинтересовали эти странные следы босых ног. Значит, кто-то все-таки пользуется черным ходом. Кто же?

И тут наверху послышался какой-то шум. Глеб замер, затаив дыхание. Он даже от неожиданности выключил фонарик, остав-

шился в крошечной темноте. Шум стих. Может быть, кошка? Глеб почувствовал, как сильно у него бьется сердце. Вновь выхватив лучом света старую рухлядь и ступеньки лестницы, он продолжил путь. Теперь он шел медленно, прислушиваясь к каждому шороху. Подъем длился несколько томительных минут, наконец он достиг шестого этажа. Дверь из черного хода в квартиру оставалась все так же открытой. Он вошел в коридор и вновь ощутил все тот же резкий, вызывающий легкое удушье запах. Теперь он явно усилился. Прикрыв за собой дверь, Глеб торопливо направился на кухню. Дышать становилось все труднее. Это могло означать только одно - утечка газа. Длугач посветил фонариком, опасаясь зажигать верхний свет. От электрического заряда, если скопление газа достигло критической массы, мог произойти взрыв. Причем такой силы, что мало не покажется, - полдома взлетит на воздух.

Одна из конфорок действительно была с открытым вентилем, а из водопроводного крана текла вода. Ежели это работа все того же неуловимого привидения, то на сей раз оно перешло на новый уровень: стало забавляться с плитой. Поспешно перекрыв газ, Глеб распахнул окно, впуская свежий воздух. Сам высунул голову, вдыхая ночную свежесть. Немного отдышавшись, Длугач вышел из кухни, все еще ощущая в груди легкое жжение, а в глазах - слезы. В висках давило. Но все хорошо, что так кончилось, - спасибо кошке, если бы она его не разбудила... Получается, она спасла весь дом. Животные вообще чувствуют приближающуюся опасность гораздо сильнее, чем люди. Наверное, поэтому они и должны жить вместе, в мире. Но что об этом говорить, если даже люди не могут найти между собой общий язык? Теряя при этом разум и идя на разные преступления.

Глеб вздохнул, сожалея, что в мире еще так много несовершенного, поглядел в окно на занимающийся рассвет, столь прекрасный в пробуждающемся городе, где начинали щебетать птицы, и вернулся в свою комнату, решив провести остаток ночи за книгой.

13 Утром Глеб рассказал Маргарите Федоровне о том, что ночью они чуть не отравились газом.

- Я ничего не чувствовала, хотя почти не спала и у меня отличное обоняние, - возразила тетушка.

- Вы, извините, носом сотрясали стены, - сказал Глеб. - Кроме того, дверь на черный ход оказалась открытой.

- Пошли посмотрим.

Они отправились в конец коридора. Маргарита Федоровна подергала ручку, дверь была заперта на ключ.

- Тебе все приснилось, - убежденно сказала она. - Это бывает, в твоем возрасте очень крепкий сон, не то что у меня.

- Но кошка убежала как раз в черный ход! - выставил Глеб свой последний аргумент.

В этот момент откуда-то из-за угла выглянула сама виновница ночного происшествия и, изогнувшись, мяукнула. То ли подтвер-

ждая слова Глеба, то ли отказываясь свидетельствовать в его пользу. Кошек никогда не поймешь, самые загадочные существа, почти инопланетяне.

- Надо тебе дать каких-нибудь капель, - озабоченно произнесла Маргарита Федоровна и потрогала лоб племянника. - Бедный мальчик, совсем заучился.

Они пошли завтракать на кухню, где, разумеется, газом уже не пахло - за ночь он весь выветрился.

- Но вы же сами уверяли меня, что по ночам кто-то шлепает по коридору, открывает кран с водой, - проворчал Глеб, намазывая хлеб маслом. Кошка получила свою порцию молока.

- Теперь я думаю, что это либо Коля, с похмелья мается, либо Василиса Сергеевна, а у нее старческий склероз, - отмахнулась Маргарита Федоровна. - Сам посуди, ну кому еще тут взяться? Не Пушкину же.

- Нет, Александр Сергеевич тут ни при чем, - согласился Глеб. - Скорее уж Николай Васильевич Гоголь, это у него черти по воздуху летали.

В это время с ночной работы из казино вернулась Надежда Аполлоновна Ясенева. Она стала готовить кофе, а Маргарита Федоровна засобиралась в свою больницу. Проснулся и Николай, вышел на кухню и начал жадно пить стаканами холодную воду из-под крана.

- Не пей много сырой воды, вредно! - сказала ему Маргарита Федоровна.

- Жить вообще вредно, - философски отозвался сантехник. - Это сопряжено с разными болезнями, старостью и медленным умиранием.

- Послушать тебя, так лучше вообще не родиться, - бросила Надежда Аполлоновна.

- Рождение есть время, небытие - вечность! - еще более мудро изрек Коля. С утра в нем бродили могучие мысли, которых он хватался в интеллигентных домах, где чинил сантехнику.

- Экзитус леталис, - произнесла на своем медицинском языке Маргарита Федоровна, что означало: конец близок, и поспешно ушла, чтобы не вступать в дискуссию с умным слесарем.

- Замок я починил, только теперь неизвестно - когда Джабраилов вернется? - сказал Коля, продолжая пить воду, словно лошадь в прериях.

- А что случилось? - поинтересовалась Ясенева.

Пришлось Длугачу рассказать о вчерашнем визите двух гангстеров. Надежда Аполлоновна задумалась, помешивая кофе ложечкой.

- Скверно, - бросила она всего одно слово.

- А вы кем в казино работаете? - спросил Глеб.

- В кассе, фишки она выдает, которые в рулетке ставят, - ответил за нее Коля. - Был я там один раз, ради смеха, последние деньги оставил, лучше бы мешок картошки купил. А то и два.

- А я тебя предупреждала - не играй! - заметила Надежда. - И Джабраилову говорила, так он все равно повадился.

- Так Рамазан Гамидович часто посещал казино? - вежливо поинтересовался Глеб.

- Да, - кивнула Ясенева. - Как только начал зарабатывать приличные деньги, так сразу же пристрастился к рулетке. Всю свою прибыль от торговли в казино спускал. Не везло ему. Даже, как мне кажется, в долги влез. А мог бы жить по-человечески, давно бы приличную квартиру купил.

- Что наша жизнь? Игра! - вновь пустился в философские фортели сантехник. - Азарт - вечный двигатель человечества, каждая шестерка стремится попасть в тузы, а за углом ждет пиковая дама с косой, вот тебе и выпадает «зеро».

- А в последний раз он тоже крупно проиграл? - спросил Глеб.

- Еще как, с треском! - ответила Ясенева. - Это как раз в мою смену было. Фишек я ему выдала, наверное, тысяч на пять баксов, если не больше. По-моему, это было все, что у него оставалось. Даже жалко стало. Но он был как заведенный, не остановишь. Все повторял, что обязан отыграться, иначе - конец. Вот и отыгрался, в пух и прах.

- Лучше бы продолжал в морге работать, - вставил Коля. - Да с покойничками в дурачка поигрывал, это гораздо безопаснее, чем с акулами капитализма состязаться.

- Ну и юмор у тебя с похмелья! - фыркнула Надежда. - А потом Джабраилов сказал, что уезжает в Турцию, за новой партией товара. Но вот что-то до сих пор не возвращается...

- Может, его янычары в плен взяли, и теперь он на галерах бороздит просторы Мраморного моря? - подумал вслух Коля. - Или в гареме у султана работает.

- Надежда Аполлоновна, а что у вас произошло в казино несколько месяцев назад? - спросил Глеб, переводя разговор на другую стрелку. - Говорят, была какая-то попытка ограбления, даже стреляли.

- Ах, это... - Ясенева налила себе еще кофе. - Откуда ты знаешь? Понятно, Коля рассказал. Да ничего особенного. Ворвались двое в маски - и к кассе. Один в потолок выстрелил. Но вовремя сигнализация сработала, с сиреной. Я даже испугаться не успела, как они повернулись и дали деру. Все это скорее походило на шутку, чем на настоящее ограбление. Мальчишки какие-нибудь.

- А как же охранники?

- Охранникам они в лицо каким-то нервно-паралитическим газом брызнули.

- А швейцар на входе? - продолжал допытываться Глеб. - Им ведь, кажется, Юра Калмыков работал?

Тут Надежда Аполлоновна неожиданно помрачнела. Она отодвинула чашку кофе и поднялась.

- Какой же ты, академик, дотошный, - сказала она сердито. - Занимайся лучше своей ядерной физикой и не лезь не в свое дело.

Она вышла, а Николай покрутил пальцем у виска.

- Нашел о чем спрашивать! - произнес он, усмехнувшись. - У нее ведь с Калмыковым свадьба расстроилась. Неизвестно, правда, по какой причине. А ты соль на рану.

- Я не знал, - ответил Глеб. И добавил: - Коля, мне необходим ключ от черного хода. Или отмычка. Сумеешь изготовить? За вознаграждение.

- Заметано, - кивнул тот.

14 Длугач позвонил Ирине Гриневой и договорился о встрече. Потом он сел за стол и выписал на бумажке всех лиц, которые так или иначе могли быть причастны к исчезновению в позапрошлом веке ювелира Калмыкова. Вот что получилось.

«Сестры Тюфяковы, владелицы дома, занимали пятый и шестой этажи. Из подслушанного их племянником разговора выходило, что именно к ним направлялся ювелир с драгоценностями.

Семья почетного гражданина Костромы Лебедева - четвертый этаж.

Семья майора Горемыкина - также четвертый этаж.

Купец Афанасий Тюлькин - первый этаж (в тот вечер у него были гости)».

Второй и третий этажи в свой список Глеб заносить не стал, поскольку на одном шел ремонт, а на втором находилась контора князя Куракина, которая в тот день была заперта на ключ. Но он не забыл приписать еще четырех важных свидетелей.

«Сергей Катышев, приказчик ювелира. Оказался приятелем швейцара Джабраилова.

Извозчик Терентий Бурцев, о котором ничего не известно.

Автонгел Джабраилов, бывший швейцар, хотевший заказать у ювелира сережки для своей жены, но не имеющий достаточно средств. Любитель записывать в тетрадь всякую всячину.

Дворник Хабибулин, возле чьей каморки была найдена пустая шкатулка. Имеет железное алиби, оправдан».

Подумав немного, Глеб добавил еще одну, последнюю фамилию: «Следователь Прибежкин». А в самом верху написал крупными буквами: «Дело ювелира Калмыкова, начатое в 1893 году, оконченное в 2001 году». Последнюю дату он поставил намеренно, не сомневаясь в том, что доведет расследование до конца.

И после этого отправился на встречу с Ириной Гриневой, прихватив листок бумаги с собой. Девочка ждала его возле дома.

- Вопрос стоит так, - сказал Глеб. - Вот список людей, которые уже давно умерли. Но всякий ушедший в мир иной человек оставляет после себя какой-то след. Продолжают жить его потомки, сохраняются вещи, живет память, дурная или хорошая. Мне необходимо знать, что осталось именно от этих людей.

- Легче достать луну с неба, - ответила Ирина. - Или найти снежного человека в центре Москвы летом.

- А на что наши друзья-журналисты? Надо уговорить Марусю и Гену помочь. Есть Центральный архив, куда им попасть гораздо

проще, чем мне. Пусть хотя бы попробуют. Вдруг что-нибудь получится. Возможно, удастся обнаружить какой-то след, ниточку.

- А кого из этих людей ты подозреваешь конкретно? - спросила Ирина.

- Да всех! - уверенно отозвался Длугач. - Настоящий сыщик должен подозревать каждого. Я не исключаю даже самого ювелира Калмыкова.

- Каким образом он мог сам у себя украсть драгоценности?

- Очень просто. Инсценировать кражу. Ошибка следователя Прибежкина была в том, что он упустил из виду именно эту версию. А ведь она не так фантастична, как кажется. Представим, что у ювелира вдруг оказались какие-то проблемы, что он находился на грани банкротства. Что означает банкротство для состоятельного и уважаемого в городе человека? Полное разорение, нищета, а главное - позор, потерю уважения и деловой репутации. В таких случаях люди обычно стреляются или бросаются головой вниз с Крымского моста. Но более умный человек выберет другой ход. Он исчезнет, симитировав свою смерть. Создаст видимость преступления. А заодно прихватит с собой и драгоценности. Подозрение падет на кого угодно, только не на него. Вот что не учел следователь Прибежкин. Поэтому мне необходимо узнать о родственниках Калмыкова все. Может быть, наш исчезнувший ювелир где-нибудь «воскрес»?

- Постой, но ведь три человека видели, как он вошел в дом и больше не появлялся? А выхода оттуда не было.

- Допустим, он где-то у кого-то прятаться, - ответил Глеб. - Впрочем, это всего лишь одна из версий. Очень трудно заглядывать в прошлое. По-моему, даже гораздо сложнее, чем в будущее. Впереди - светло, а позади - сплошной мрак.

- А может, бросить весь этот китайский кроссворд в болото, только голову сломаем? Я уже и не рада, что рассказала тебе об этом чертовом ювелире. Ты теперь совсем на этом деле помешался.

Ирина сочувственно поглядела на него, но Глеб упрямо покачал головой.

- Нелзя. Обратного хода нет. К тому же у меня есть подозрение, что и сейчас в нашем доме что-то происходит нечистое. Ночью кто-то включил газ. Может быть, по ошибке. Но дверь в черный ход была открыта. Опять же этот Джабраилов - куда он исчез? Почему его ищут бандиты, Додя с Пикой? Все очень странно. Нет, оставить это дело я не могу.

- Ладно, попробую уговорить Марусю, - согласилась Ирина.

В это время из подъезда дома вышла Надежда Аполлоновна Ясенева. Глеб с Ириной стояли возле телефонной будки, которая укрывала их от женщины.

- Интересно, - произнес Длугач, наблюдая через стекло за Ясеневай. - Обычно, возвращаясь с ночной работы, она спит до самого обеда. А тут вдруг вышла. Да еще какая-то беспокойная.

Надежда Аполлоновна действительно выглядела встревоженной. Она пару раз оглянулась и торопливо пошла по улице.

- Хорошо бы узнать, куда она так спешит? - сказал Глеб.

- Так в чем же дело? - спросила Ирина. - Пошли следом.

- Вот за что тебя можно уважать, так это за твою решительность, - кивнул Глеб.

- Не только, - обиделась девочка. - Я еще в хоре пою.

- Хорошо, что не слышал, - парировал Длугач. - Наверное, все коты сбегаются.

Обмениваться колкими репликами было некогда, они поспешили вслед за Ясеновой.

15 Ясенева пошла по направлению к станции метро «Боровицкая», затем спустилась в подземный переход. Глеб и Ирина следовали за ней на некотором расстоянии.

- Если надумает взять такси, мы ее упустим, - сказал Длугач.

- А у меня даже и на метро нет денег, - ответила Ирина.

Но Надежда Аполлоновна услугами транспорта не воспользовалась. Она вышла к Александровскому саду и стала прогуливаться по дорожке. Очевидно, именно здесь у нее была назначена встреча. Но с кем?

- Сейчас узнаем, зачем она так спешила, — произнес Глеб, усаживаясь на скамейку. Ирина стояла рядом, загораживая его от Ясеновой. Через некоторое время появился светловолосый мужчина, лет тридцати пяти. Довольно симпатичный, но с каким-то злым выражением лица. Он подошел к Ясеновой, и они также сели на лавочку. Стали о чем-то разговаривать, не обращая внимания на прогуливающихся туристов.

- Пойди, покрутись там, может быть, что-нибудь услышишь, - предложил Глеб.

Ирина и самой было любопытно, она пошла к ним, а Длугач отвернулся в другую сторону. Лишь изредка он поглядывал на дальнюю скамейку, где теперь устроилась и Гринева. Девочка болтала ногами, а Ясенева с мужчиной продолжали беседовать. На Ирину даже не взглянули - подумает, пигалица какая-то! Блондин нервно курил, Ясенева ему что-то объясняла. Беседа вскоре закончилась. Они поднялись, попрощались, Надежда пошла в одну сторону, мужчина - в другую. А минуту спустя Ирина вернулась на скамейку к Длугачу. При этом девочка сочилась радостью, как туркменская дыня. Рот до ушей, в глазах - чертики.

- Они говорили тихо, но у меня музыкальный слух. В хоре я пою меццо-сопрано.

- Про ваш хор я уже слышал, ты по существу рассказывай.

- Хорошо. Во-первых, они чего-то боятся. Все время повторяли, что надо быть осторожными, встречаться только в крайнем случае. Во-вторых, она называла его Юрой.

- Я так и думал. Калмыкова зовут Юрой, к тому же он бело-брысый, как упоминал Николай. Выходит - это и есть Калмыков,

бывший сторож в морге и швейцар в казино. И почему-то им очень интересуется милиция.

- В-третьих, они упоминали фамилию Джабраилова, - сказала Гринева. - Она рассказала ему, что вчера днем приходили два гангстера. Это ему не понравилось. Они стали спорить о каком-то деле, которое надо решить как можно скорее. Речь шла о каких-то камешках.

- Камешки? - переспросил Глеб. - Хм-м... Любопытно.

- А в-четвертых, когда он полез в карман за сигаретами, у него выпал клочок бумажки. Я потом подобрала. Вот.

Длугач взял протянутый клочок, на нем был записан адрес: «Сиреневый бульвар, дом 7, вход со двора».

- Приобщим к делу, может быть, пригодится, - сказал Глеб, пряча бумажку в карман. - Пока ясно, что с этой Ясеновой ничего не ясно. Не соответствует своей фамилии.

- Да, история темная, - согласилась Ирина. - Что будем делать?

- Вернемся к дому. Я хочу знать, кто еще проживает на этажах. Так, на всякий случай.

Они отправились обратно, у Глеба уже был готов план, как выполнить задуманное. Первый этаж целиком был отдан под книжный магазин. Здесь продавалась литература издательства «Крокус», на подъезде даже имелась небольшая вывеска. Но поскольку дом подлежал выселению, то и магазин собирался не сегодня-завтра переезжать на новое место. А на всех остальных этажах еще жили кое-где квартиранты. Исключая третий и пятый, которые уже полностью пустовали.

Глеб и Ирина позвонили в квартиру на втором этаже. Дверь, после долгой возни с замком, открыл старик в женском чепчике.

- А? - спросил он, уставившись на подростков.

- Сами мы не местные, - солидно сказал Глеб. - Приехали с сестрой издалека. Ищем своего дядю, Макара Бурундышкина. Он не здесь проживает?

- Какой такой Бурундышкин? - ответил старик. - Сроду тут таких не было.

- Странно, у нас и адрес записан. А соседи ваши не знают?

- Нету у меня уже соседей, не осталось. Один я со старухой живу. Все выехали.

- Точно все?

- Точнее не бывает. Скоро и мы уедем. В Митино. Двухкомнатную квартиру дают. Вы бы, ребята, в другом месте поискали вашего дядю.

- Поищем! - кивнул Глеб.

Дверь перед ними захлопнулась.

- Пустой номер, - сказала Ирина.

Миновав третий этаж, они поднялись на четвертый.

- Этот дом мне напоминает «Титаник», который скоро пойдет ко дну, - сказал Глеб, нажимая на кнопку звонка.

- Теперь моя очередь, - опередила его Ирина, когда дверь открылась. На пороге возник небритый мужчина с топором. Вид у него был довольно угрожающий.

- Чего надо? - грубо спросил он.

- Э... мы... - растерялась Ирина, косясь на страшный топор, с которого даже что-то капало. Кажется, кровь.

- Ну? Скорее, мне некогда, - усмехнулся мужик, перекладывая топор в другую руку. Из-за его спины донесся женский голос:

- Вася, ты чего мясо перестал рубить?

- Хозяйка зовет, - пояснил небритый. - Нам тут из деревни свинину прислали. Так вы к кому?

- Помогаем в переписи населения, - взял инициативу в свои руки Глеб. - От московской мэрии. Сколько человек проживает в квартире?

- Да несколько! - отозвался мужчина. - Мы тут и сами временно, по найму от ДЭЗа. Приехали на стройку. Еще две пары с Украины и одна из Молдавии. И я с Машей, из Тамбовской области. Через месяц уедем, если новую работу не найдем.

- Понятно, - сказал Глеб. - Ну, извините.

- Мясо не желаете прикупить?

- Вроде нет.

- Если кому нужно - заходите.

Мужчина с топором закрыл дверь. Глеб взглянул на Ирину.

- Жильцов здесь - кот наплакал, - сказал он. - Но знаешь, о чем я подумал?

- Ну?

- Сколько пустующих комнат! Если кому очень надо спрятаться, то лучшего места, чем этот дом, не найдешь.

16 Глеб и Ира отправились в школьный музей, где объяснили Марусе ситуацию. Девушка посмотрела на список жильцов, обитавших в доме более века назад, и развела руками.

- Это будет очень сложно сделать, - сказала она. - Сами посудите, сколько прошло времени. Если только Гена поможет. У него мать работает в архиве МВД.

- Тем более, - произнес Глеб. - Пусть попробует что-нибудь раскопать, а мы за это скажем ему, где продается дешевая свинина.

- Экзамены не за горами, а ты ерундой занимаешься. Какое это все имеет отношение к ядерной физике?

- К физике нет, но зато это как цепная реакция. Пока что атомы находятся в хаотическом состоянии, но надо подчинить их своей воле, и будет четкая молекулярная структура. Вот и сейчас в этом деле сплошной хаос, неразбериха, все смешалось - живое и мертвое, прошлое и настоящее, но нужно процедить все факты и предположения сквозь сито, словно атомы через синхрофазотрон.

- Ладно, - согласилась Маруся. - Попробую его уговорить. Мы с ним на Тверском бульваре встречаемся, через час. Можете со мной поехать.

Подростки отказываться не стали, тем более, что погода стояла солнечная, располагала к прогулке. А Маруся любила рассказывать о старой Москве – заслушаешься. Вот и теперь, едва они очутились на Тверском бульваре, завела речь.

- Во времена Пушкина этот бульвар был самым модным местом встречи московской аристократии, здесь назначали свидания, знакомились, сплетничали, а то и бросали вызов на дуэль. А там, где сейчас музыкальный театр, стоял трехэтажный дом обер-полицмейстера Москвы Кологривова, где на одном из танцевальных вечеров Пушкин впервые познакомился со своей будущей женой Натальей Гончаровой.

- Лучше бы он с ней не знакомился, остался бы жив, - заметила Ирина.

- А в доме напротив родился известный наш писатель Герцен, сейчас здесь Литературный институт, - продолжила Маруся.

- Это который «разбудил» декабристов или наоборот? - вновь вставила Ира. - Лучше бы никто никого не будил, а продолжали спать, больше бы было в России порядка. Во сне никаких глупостей не наделаешь.

- У тебя, Ира, каша в голове, - обиделась Маруся. - Нельзя к истории относиться с высоты сегодняшнего дня. История, как сказал один умный человек, не имеет сослагательного наклонения. Ее не изменишь. Надо уважать свое прошлое, каким бы оно ни было.

Времени у них было еще достаточно, и они вышли на Пушкинскую площадь. Бронзовый поэт с удивлением взирал на рекламу «Кола-колы», но заглянуть в «Макдоналдс» не решился.

- Прежде эта площадь называлась Страстной, - сказала Маруся. - Поскольку здесь был женский Страстной монастырь и Тверские ворота с земляным валом. В шестнадцатом веке это была граница Москвы, а дальше уже шли леса, поля и пролески. Тут стояло почти сто кузниц и множество лавок, торговали всем, чем придется. Катили по дороге ямские тройки, коляски и возки с купцами, ползли обозы с продуктами. Здесь же потом устраивались и триумфальные праздники... Читали «Горе от ума» Грибоедова? Именно на этой площади находился «Дом Фамусова», где писатель собрал всех героев своей знаменитой комедии.

- Тебе бы, Маруся, экскурсоводом работать, - сказала Ира.

Маруся повела их дальше, по Петровскому бульвару, рассказывая о существовавших тут когда-то стрелецких дворах. Затем они спустились к Трубной площади.

- Еще в семнадцатом веке река Неглинная тут протекала по трубе, оттого и вся местность попросту называлась Трубной. Иногда ее именовали Драчиха, поскольку часто устраивались драки. Был тут такой трактир, в котором имелось два отделения – «Ад» и «Преисподняя». Можете себе представить, что там творилось! Собирались грабители, воры, шулера, шли дикие оргии и картежная игра целыми сутками. А под подвалами находился екатерининский водопровод, уже без воды, по нему-то бандиты и убегали

во время полицейских облав. Почитайте Гиляровского. Или Чехова, у него даже есть очерк о Трубной площади и птичьем рынке. Сюда специально приезжали, чтобы купить птиц и тут же выпустить их на волю.

- Зачем? - спросила Ира.

- А тебе было бы приятно томиться в клетке? Такой вот был народ в Москве. Ночью пойдет в кабак, кого-нибудь ограбит или зарежет, а утром купит канарейку и выпустит ее на свободу. Или раздаст половину награбленного нищим в церкви.

- Сейчас в Москве тоже хватает всяких разбойников, - заметил Глеб, который до сих пор молчал. Ему еще была памятна встреча с Додеем и Пикой. - И нищих много, и бомжей, и беспризорных. Москва по-прежнему слезам не верит и бьет с мыска, как гласят поговорки.

- Что ж тут поделаешь? - вздохнула Маруся. - Ладно, пошли обратно, а то Гена уже заждался.

Они вернулись на Тверской бульвар. Толстый журналист сидел на лавочке и что-то жевал.

- Опаздываешь! - обиженно сказал он Марусе. - А свиту обязательно надо было с собой брать?

- У нас к тебе дело, - ответила девушка. - Нужно покопаться в архивах, чтобы кое-что выяснить. Попроси мать, она поможет.

Другач объяснил более конкретно, что требуется сделать. Гена недовольно поморщился.

- Жаль время терять, - сказал он. - Ерунда все это. Хотите узнать, кто грабанул ювелира Калмыкова? И куда он исчез?

- Есть такое желание, - кивнул Глеб. - И еще я слышал, что у вас на факультете существует «Клуб кладоискателей».

- Ну! - отозвался Гена. - Я тоже в него записан. Ездили даже на Куликово поле, землю рыли. Ничего, правда, не нашли. Еще развалины домов обследовали. Натыкались на старинные монеты, пуговицы, подсвечники.

- Значит, у вас должен быть металлоискатель.

- Ну! - вновь подтвердил журналист.

- А нельзя ли им воспользоваться, хотя бы на денек? - попросил Глеб.

- Это очень ценная штука, тысячу баксов стоит. Мне голову оторвут, если ты его потеряешь.

- Гена, не жмотничай, - вступилась Маруся.

- Ладно, - сказал он. - Подумаю.

- Только думай быстрее, - произнес Глеб. - Времени у нас мало.

Журналист что-то хмыкнул, взял Марусю под руку и повел в сторону Никитских ворот.

17 Ирина поехала домой, а Глеб отправился в МГУ. Оставались последние консультации перед вступительными экзаменами. Он слушал молодого преподавателя, который отвечал на вопросы абитуриентов, а сам думал о ювелире Калмыкове. В

конце концов ему даже померещилось, что тот сидит где-то рядом в аудитории и записывает в конспект основы теории относительности Эйнштейна. Да еще подхихикивает. «Наваждение какое-то!» - подумал Глеб.

- А почему Длугач молчит, ему что - все ясно? - спросил преподаватель.

- Нет, ясно не всё, - отозвался Глеб. - Куда, например, делись драгоценности?

В аудитории возникло оживление, будущие студенты развеселились.

- Это и мне непонятно, - согласился преподаватель. - Наверное, сперли, пока вы спали с открытыми глазами. А много их у вас было?

- Извините, - опомнился Глеб.

- Все, тихо, перерыв! - сказал преподаватель. - Главные драгоценности - ваши знания, их-то уже не украдет никто.

В перерыве Длугача окружили абитуриенты.

- Норвежец, ты о каких драгоценностях вспомнил? - спросил его веселый парень с усами. - Бабушкино наследство?

- Дедушкино, - ответил Глеб.

- Поделишься, если найдешь?

- Непременно. Открою фонд помощи голодающим студентам.

Возвращаться в аудиторию не хотелось. Настроение было неважное. Он вспомнил, что преподаватель назвал время четвертым измерением физического объекта. И представил себе ювелира Калмыкова этим самым объектом, который бестолково перемещается во времени и пространстве, не зная, где найти себе место. Вот он покружился вокруг Длугача и вновь куда-то улетел, словно насмешник-воробей. Как же его поймать? Ухватить за хвост и вытащить на свет?

Дома Маргарита Федоровна обратилась к нему с просьбой:

- Безвыходное положение, Глеб. В нашей бригаде «скорой помощи» один санитар ушел в отпуск, другой заболел. Хорошо бы ты покатался завтра со мной по вызовам, на подхвате. Сможешь?

- Нет проблем, тетушка, - согласился Длугач.

Потом он зашел к Николаю, чтобы узнать насчет ключа от черного хода. Сантехник лежал на диване и разговаривал сам с собой:

- Колодец, он гораздо удобнее, чем водопровод, - опустил ведро, вытянул и наливай в чайник, а краны ломаются, а запчасти нам не завозят, жильцы ругаются, начальство кричит, как жить дальше? Вот взять да перекрыть кислород, то есть воду, тогда забегают...

- Коля, ты ключ сделал? - спросил Глеб.

Николай порылся в кармане, вытащил отмычку и бросил Длугачу.

- На, попробуй!

Глеб вышел в коридор, направился к черному ходу, всунул отмычку в замок. Дверь открылась. Он вновь запер ее и вернулся обратно к слесарю.

- Подходит. Спасибо.
- Из «спасибо» шубу не сошьешь. С тебя бутылка.
- Будет, - пообещал Глеб. - Завтра. Но ты бы лучше на молоко перешел.

- Нельзя, - покачал головой Коля. - Уважать перестанут. У меня профессия такая - обязывает. Был бы я немецким шпионом - ходил бы с пистолетом, а сантехник должен носить в кармане стакан. У нас в роду все пили как извозчики, так что я даже и не виноват. Гены. И отец, и дел, и прадед.

- Они все москвичи были?

- Коренными. Прадед как раз извозчиком работал. Как-то раз свалился пьяным в сугроб и замерз. На площади Разгуляй. Мне дедушка рассказывал. А того трамвай переехал, никак, видишь ли, разминуться не смогли. А отец в открытый канализационный люк провалился, шею сломал. Шекспира нет, а то бы описал всю нашу семейную историю.

У Глеба зафиксировались в голове слова Николая про прадеда. Что-то его насторожило.

- Как прадеда звали? - спросил он.

- Терентий, - ответил сантехник.

- А фамилия?

- Бурцевы мы, - сказал Николай не без гордости.

Длугач, услышав ответ, уставился на него, как на привидение. Все выходило невероятно. Тут никакого Шекспира не нужно, жизнь иной раз устраивает такие сюрпризы, что закачаешься. Лучше за стенку держаться.

- Что ты на меня так смотришь? - спросил Николай. - На мне елочные игрушки не висят. И я не пряник.

- Нет, просто очень странно. Значит, твой прадед был Терентием Бурцевым? Извозчиком.

- Ну да! - кивнул Коля. - А что тут такого?

Длугач не стал объяснять, что именно этот извозчик упоминался в старой хронике в связи с исчезновением Калмыкова. Это он подвозил ювелира тем вечером 1893 года к дому, где тот и исчез при весьма загадочных обстоятельствах.

- А как в этом доме оказались твои родители? - спросил Глеб.

- Во время гражданской войны дед сюда переехал, - охотно отозвался Николай. - Если я не ошибаюсь, у него тут знакомый швейцар жил. Он и пристроил в одну из пустующих комнат. Хоромы тут тогда были царские. Это теперь все пришло в упадок. Настоящих хозяев нет.

- А ты знаешь, что швейцаром был дед Джабраилова?

- Да что-то такое слышал. Все это давно было.

- Давно, да не очень, - сказал Глеб. - А мир-то, как оказывается, очень тесен.

- Еще бы! - согласился сантехник. И пустился в рассуждения: - Если как следует покопаться, то все мы окажемся родственниками, от Адама и Евы. Выходит, и Ленин - мой троюродный дедуш-

ка, а Клинтон - сват, я уж не говорю про чукчей, моих кровных братьев.

- Ладно, Коля, будь здоров! - ретировался Глеб, поскольку слесаря теперь было не остановить.

Длугач вернулся в свою комнату и задумался. Он выстроил в уме гипотезу: очевидно, во время следствия швейцар Автонгел Джабраилов успел познакомиться с извозчиком Терентием Бурцевым. Потом они, возможно, даже подружились. Когда с извозчиком произошел несчастный случай и он замерз в снегу, швейцар - уже во время гражданской войны - устроил его сына на проживание в этом доме. Все это вполне логично. Даже по-человечески гуманно. Вот так получилось, что Калмыков соединил людей, которые проходили по его делу. Но что-то продолжало тревожить Глеба, словно он лишь заглянул в темную комнату, а дверь тотчас же закрылась. И загадки продолжали роиться вокруг него, как пчелы.

18 На следующий день Глебу пришлось поработать вместе с тетушкой на «скорой помощи». Это было не очень обременительно. Ему дали белый халат, он подвернул длинные рукава, и машина отправилась по вызовам. Связь с подстанцией Маргарита Федоровна держала по радиотелефону. Вначале они приехали к одному старику, которому было плохо с сердцем. Глеб нес за тетушкой чемоданчик с лекарствами. Маргарита Федоровна измерила старику давление, сделала укол и выписала таблетки. Следующему больному было гораздо хуже, температура под сорок. С ним пришлось повозиться, спускать вниз на носилках, но помогли шофер и соседи. Мужчину отвезли в больницу, откуда поехали на новые вызовы. Катались по всему району, не успевая передохнуть. Кто-то сломал ногу, кто-то чем-то отравился, а один человек сказал, что проглотил вилку. Он был очень толстый, сидел за столом перед огромной кастрюлей с макаронами и громко икал. Худенькая жена обмахивала его полотенцем.

- Как же это случилось? - спросила Маргарита Федоровна.

- Видите ли, мой муж очень любит макароны с сыром, - пояснила супруга. - Просто жить без них не может. Целую гору наворачивает, и все мало. А ест специальной вилкой с двумя зубьями. И тут - надо же такому случиться! - заглотив все сразу.

- Нельзя же так торопиться! - сказала тетушка, прикладывая фонендоскоп к животу мужчины. Она долго слушала, но ничего он поняла. Наверное, брюхо отвечало громким урчанием.

- Спасите его! - в отчаянье сказала супруга, которой, очевидно, макароны доставались не часто.

- Будем госпитализировать, - решительно отозвалась Маргарита Федоровна. - Без хирургического вмешательства не обойтись.

Мужчина громко икнул, вцепившись зачем-то в кастрюлю. Глеб заметил под столом что-то блестящее, нагнулся и вытащил на свет вилку с двумя зубьями.

- Не эта? - спросил он.

Женщина радостно вскрикнула, а мужчина тотчас же перестал икать. Он выхватил у Глеба свою драгоценную вилку и сразу накинудся на недоеденные макароны.

- Безобразие! - сказала Маргарита Федоровна, захлопывая дверь.

Шофер в машине долго смеялся, когда ему рассказали эту историю.

- Надо было бы его все же прооперировать, - сказал он.

Но не все складывалось так удачно и весело, как в тот раз. В следующую квартиру они долго звонили, но никто не открывал. Только собачий лай слышался. Потрогали дверь - оказалась не заперта. Открыли, в коридоре сидит белый пудель и зубы скалит, того и гляди бросится.

- Ты звонил? - строго спросила Маргарита Федоровна. - Глеб, я собак боюсь, надо кого-то на помощь звать.

- Мы сами - «скорая помощь», - ответил Длугач, которому уже понравилось ездить с Маргаритой Федоровной: много интересно и кругозор расширяет. - А с собаками я умею общаться.

Он опустился на четвереньки и пополз к пуделю. Тот удивился, но лаять перестал. Затем они друг друга обнюхали, и напряжение разрядилось.

- Гляди, как хвостом виляет! - сказала Маргарита Федоровна. - Пошли скорей в комнату.

Там они обнаружили пожилую женщину без сознания. Видно, она успела позвонить, открыть дверь и отключилась. Срочно потребовались носилки, женщину спустили вниз, и машина помчалась в больницу. По дороге Маргарита Федоровна делала больной искусственное дыхание и давала кислородную подушку. А Глеб видел в окно, как за машиной некоторое время гнался белый пудель, а потом отстал.

- Что ж теперь поделаешь? - сказала Маргарита Федоровна, угадав мысли племянника. - Людей надо спасать в первую очередь, не до собак. А тем, кто живет в одиночестве, - хуже всего.

Что на это ответить? Нечего.

А последний вызов оказался самым неожиданным. Они приехали на улицу Чайнова к дому номер семь, поднялись во второй этаж, позвонили в квартиру пятнадцать. И очутились... в пьяной компании. Из комнат песни доносятся, кто-то на гитаре бренчит, двое спят прямо в коридоре, а тот, кто открыл, - сам едва на ногах держится.

- Кто это в белых халатах? - спрашивает. - Продавцы, что ли?

- Врачи мы, - солидно отвечает Глеб, поскольку Маргарита Федоровна хотела сразу же развернуться и уйти. - Вызывали?

- А-а... да, вызывали! - опомнился хозяин, у него был отличного цвета синяк под глазом, а во рту всего два зуба. - Проходите в комнату.

Он повел их в одну из комнат, где на кровати спал человек. Глеб сразу узнал в нем Додю, небольшого роста, квадратный, по-

хожий на табурет. Пахло от него отвратительно. А тут и Пика, дружок его длинный, вошел в комнату, сильно шатаясь. На Глеба он внимания не обратил, стал что-то объяснять Маргарите Федоровне. Из его нечленораздельной речи можно было понять только, что «башка раскалывается», «дай каких-нибудь таблеток».

- Так кто из вас занедужил? - спросила тетушка. - Вы или он?

- Все! - ответил Пика. - Выпьешь с нами?

- Ну уж нет, - ответила Маргарита Федоровна. - Вам в вырезатель надо, а не «скорую помощь» гонять. Пьяных мы не лечим.

Додя заворочался на кровати, но глаз не открыл. Пика начал соображать, усевшись к нему на диван, а Маргарита Федоровна торопливо повела Глеба к двери. Человек, который их впустил в квартиру, шел следом и что-то бубнил.

- Приложите к синяку бодягу, - посоветовала Маргарита Федоровна. - А насчет зубов - к дантисту сходите.

Они были рады, что наконец-то оказались за дверью.

- Ну и квартирка! - с облегчением вздохнула тетушка. - Вот так-то, Глеб, наша профессия не такая уж безобидная. Иной раз попадешь в такую берлогу - еле вырвешься. Как-то раз на меня один наркоман с ножом бросился, все требовал морфия, чтобы уколиться. Хорошо рядом со мной санитар был крепкий, стукнул его по лбу фибриллятором. А сколько таких ложных вызовов за день! Другим по-настоящему врач нужен, а эти с дури бесятся. Сами не знают, чего хотят. Куражатся над людьми и только.

- Это верно, - согласился Длугач. - Куражиться они любят.

Он хорошо запомнил, как эти двое держали у его горла нож. И теперь знал адрес, где они живут или временно обитают. У него было предчувствие, что им еще предстоит встретиться.

- Ну что, не жалеешь, что потратил время? - спросила тетушка, когда они возвращались домой.

- Нет, - честно ответил Глеб. - С пользой.

19 Перед сном Глеб снова стал читать старую кожаную тетрадь Автонгела Джабраилова, швейцара, жившего в этом доме более ста лет назад. Иногда на страницах встречались вклеенные вырезки из газет, попадались узорчатые открытки к Пасхе, Рождеству или еще какому-нибудь празднику. Наверное, они чем-то нравились швейцару. Длугач подумал, что для него тетрадь была своеобразной отдушиной, любимым занятием в общем-то скучной и серой жизни, среди обычных будней, когда чего-то ждешь, а ничего не происходит. Что-то вроде хобби, если перевести на современный язык. Вот, например, нашли в филипповской булочной запеченного в сдобе таракана - уже событие на всю улицу! Подняли из-за этого шум, вызвали городского, а хозяин булочной возьми да и слопай этого таракана, как главную улику, да еще и говорит: это, мол, изюминка была, для вкуса... И смех и грех! Как не записать это происшествие в тетрадь? Автонгел Джабраилов и вел свою немудреную летопись, старательно про-

писывая на бумаге буковки, собирая на станицах всякие происшествия, слухи, фактики, разговоры с соседями, излагая свои «чуйства», нехитрые мысли, обиды или пожелания. Как усердный крот, рыл свою норку, не ведая, что она когда-нибудь и кому-то может пригодиться. «А ведь пригодилась!» - подумал Глеб, перелистывая страницы.

Ему представился этот стареющий швейцар, разумеется, с бородой и бакенбардами, сидящий поздним вечером в своей каморке, нацепивший на нос очки, макающий перо в чернильницу и терзающий своим словотворчеством бумагу, которая, как известно, всё стерпит. И перед Глебом сейчас вставали и другие картины - старой царской Москвы, уходящего девятнадцатого века, нарядные дворцы и церкви, каменные дома, деревянные постройки по окраинам, купеческие и мещанские кварталы, рынки, улицы и переулки, по которым шли люди. Шли и исчезли навсегда. Глеб так увлекся, что словно бы перенесся в то далекое время, мысленно очутившись среди всех этих людей, зданий, в иной эпохе, в прошлом...

Вот он оказался на Тверской улице, одном из самых бойких мест Москвы. Неподалеку высятся каланча пожарной части. Отсюда, с верхотуры, весь город виден как на ладони. Там стоит часовая в сверкающей каске и день и ночь. Его обязанность - высматривать окрестности, где что загорится. Если он увидит где-то дым, то вывешивает рядом с собой на коромысле воздушный шар. Шары разноцветные, с крестами, каждому району Москвы соответствовало определенное количество шаров. Так обыватели и узнавали, в какой части города пожар. До телефонов еще было далеко. На Тверской с утра - шум, грохот, дребезжат и громяхают извозничьи пролетки, едут кареты, тянутся и скрипят мужицкие телеги, о правилах уличного движения никто и не помышляет. Нет их просто, этих правил, ни правой, ни левой стороны никто не признает, постоянные заторы, сцепки, бардак жуткий, хоть затыкай уши. Да и для нюха не очень-то приятно, особенно ночью. Ночью, по правилам думского календаря, уличные фонари по всей Москве гасились. Есть на небе луна или нет - неважно. А в темноте по улицам тащился обоз из десятка двух бочек, запряженных облезлыми клячами. «Благоухал» он дивно, аж в нос сшибало! На телеге сидел золотарь-ассенизатор, вывозя из столицы зловонную жижу. Обоз подпрыгивал на булыжниках, расплескивал содержимое на камни, гремел на весь квартал. А бывало и так. Мимо вдруг промчится пожарная телега с факелами да баграми, обоз золотаря опрокинется, бочки полетят на мостовую и все «добро» окажется на улице, разольется по тротуару. Собирай потом лопатой!

На Тверской жил и генерал-губернатор Москвы. Здесь стояла полосатая будка с подвешенным колоколом и городовым - перед главным зданием с колоннами, где устраивались важные приемы, решались все городские дела. Но тут же, за домом, находилась и гауптвахта для военных чинов, а также тюрьма с решетками, которую простой люд называл «клоповником». Была там и так на-

зываемая «пьяная камера», куда свозили подвыпивших буйнов со всей Москвы. К дворцу генерал-губернатора примыкал огромный пожарный двор, заваленный кучами навоза из конюшен. После сильных дождей бурая жидкость текла прямо через весь двор под ворота, выходящие в переулок, и сбегала вниз по мостовой - к Петровке. Мимо низенького каменного здания без окон и с одной дверью во двор. Это был морг. Пустовал он редко. То и дело сюда привозили трупы, найденные на улице или в злчных местах, - жертвы преступлений. Беспаспортных отпели тут же, в часо-венке, и везли на дрожках в простых гробах на кладбище. «Гуттен морген!» - злословили остряки, встретившие такую телегу.

А вдоль улиц - магазины, лавки, трактиры, и каких только над ними вывесок не увидишь! «Патефоны братьев Пате. Говорящие машины, играющие без иголок», «Приют для беспризорных детей Московского человеколюбивого общества», «Бакалейная торговля Митрофанова», ресторан «Венеция», «Парфюмерные товары Алабяна», «Челышевские бани». По тротуарам шмыгают рас-сылные, мальчики - продавцы лимонада и сбитня с большими кувшинами, стоят дворники в кожаных фартуках и с бляхами на груди, мороженщики достают ложкой лакомство из деревянных бочонков, обложенных льдом, играет шарманщик, на плече кото-рого сидит попугай, в палатках продают квас самых различных сортов - медовый, анисовый, можжевеловый, пирожки с ягодами, с капустой, с рыбой, тут же, в толпе, снуют карманные воришки. Если поймают - излупят так, что мало не покажется, хорошо, если городской отнимет у озверевшей толпы. Банных воров, что тас-кают одежду у моющихся, наказывают иначе. Их привязывают к столбу в предбаннике, до самого вечера, а уж любители попариться не преминут пройти мимо, чтобы хорошенько не пнуть или залепить оплеуху.

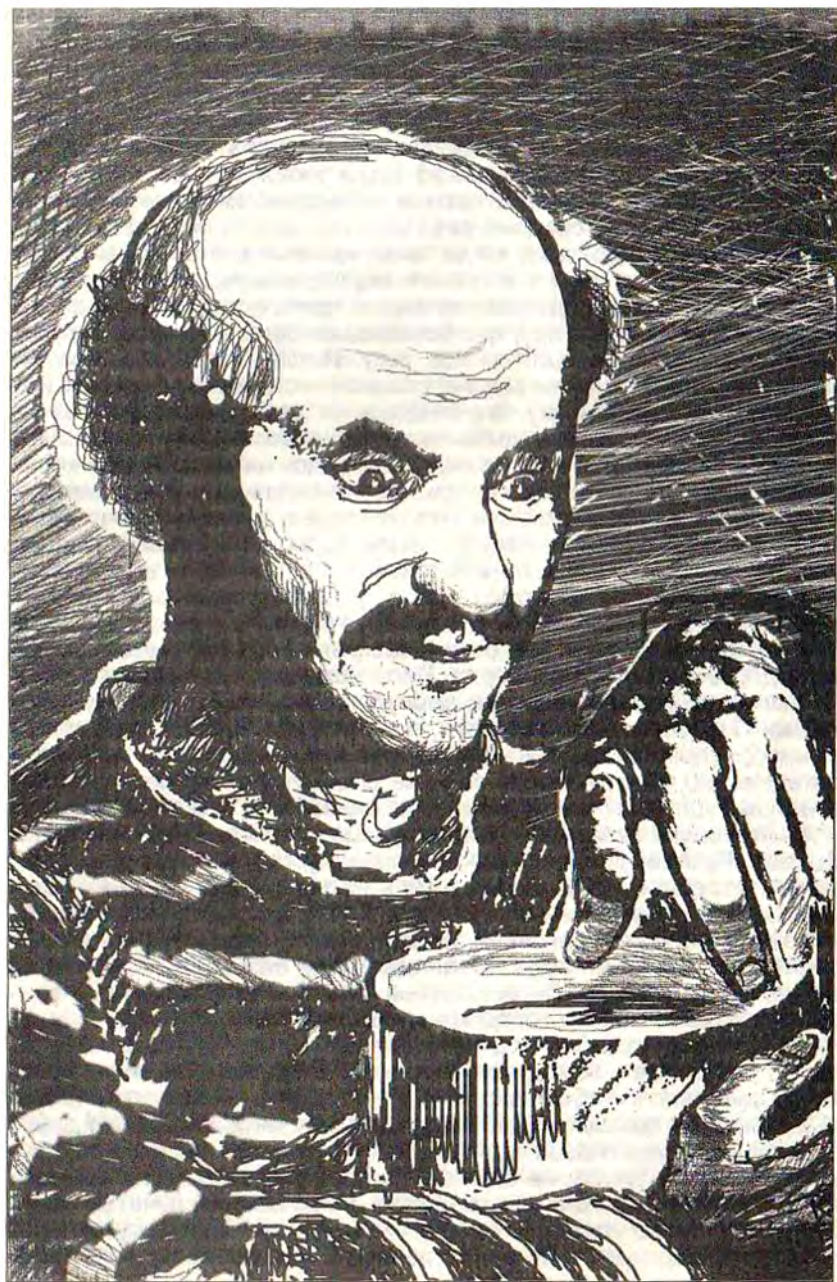
Кто побогаче - изволит сидеть в ресторации, хоть «Яр», хоть «Славянский базар», хоть «Астория». Обеды сервированы от-менно: на белоснежных скатертях хрусталь, серебряные прибо-ры. Услужливые официанты. Любые вина - бургундское, мадера, шартрез. Огромные красные омары и лангусты в сосудах, вест-фальские румяные окорока, жирные остендские устрицы, осетро-вые балыки, янтарная уха, знаменитые русские расстегаи, блины со стерляжьей мелкой икрой в серебряных ведерках, гурьевская каша, перепела, зажаренные в молочном, хрустящем корочкой поросенке... И все под оркестровую музыку. А кто ищет духовной пицци - идет в церковь. Храмов в Москве много, не счесть. Неда-ром говорили, что в белокаменной стоит «сорок сороков церк-вей». Молебны служат по любому поводу: когда кто-то родится или умрет, к празднику, к важному в жизни событию, перед нача-лом какого-либо дела. Народ в Москве сильно верующий: согре-шит - и тут же покается. Вот и идет в церковь, поклоны бьет и ис-поведуется священнику, не забывая дать каждому нищему на па-перти по денежке...

Глеб, витая в своих грезах, очнулся. Отложил тетрадь Джабраилова и прислушался. Ему показалось, что из коридора доносятся какие-то тихие звуки. То ли кошка скребется, то ли еще что, непонятное. Надо проверить.

20 Глеб захватил с собой фонарик, но включать его не стал. В коридоре было темно, но из кухни лился лунный свет, расползаясь на полу бледным пятном. «Сегодня же полнолуние!» - вспомнил Длугач. В средние века считалось, что это очень нехорошее время, колдовское, когда пробуждается вся нечистая сила, вампиры, ведьмы, упыри и прочие недобропорядочные граждане без паспортов и определенного места жительства слетаются на какую-нибудь Лысую Гору, где устраивают балы и пляски. Не дай Бог в этот час попасться им под руку. Но Глеб, прочитав третий закон Ома вместо молитвы, не слишком встревожился. Хотя интуиция подсказывала ему, что он здесь не один. И действительно - из кухни вдруг раздались какие-то звуки, похожие на чавканье. Что бы это значило? Глеб не струхнул, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь. То, что он увидел, - ошеломило.

Спиной к Глебу стоял какой-то человек в тренировочных штанах и полосатой майке, ноги его были босы, а на затылке вились черные кудряшки. Он был небольшого роста, с покатыми плечами, уже в возрасте. И что-то жевал. Присмотревшись, Глеб увидел, что странный незнакомец держит в одной руке кусок хлеба, а другую запускает периодически в кастрюлю со щами, вылавливая содержимое и пихает в рот. Продолжалось это недолго. Едок закрыл крышкой кастрюлю и вернул ее на плиту; хлеб сунул в карман. Потом тяжело вздохнул, глядя в окно. Вернее, не столько в окно, сколько на круглую, как желтый блин, луну. Глеб терялся в догадках, но обнаруживать себя не спешил. Решил посмотреть - что будет дальше? Теперь ему был виден профиль мужчины. Худое, заросшее смоланым волосом лицо, мясистый нос и глаз на выкате. Причем глядел мужчина на луну совершенно бессмысленно, отрешенно, будто она имела на него какое-то магическое влияние. Постояв так минут десять (Глеб терпеливо ждал), человек повернулся к раковине, открыл водопроводный кран и стал смотреть, как течет вода. Очевидно, ему это очень нравилось, поскольку он стал улыбаться. Затем включил одну из газовых конфорок. И опять на некоторое время застыл.

Глеб уже догадался, что этот человек - лунатик. Сам не понимает, что делает, находится в трансе. В таком состоянии люди могут совершать любые поступки и не помнить о них потом. Могут выбраться на крышу и пройтись по карнизу, или залезть на дерево, или уйти куда глаза глядят. Глаза у этого мужчины сейчас глядели прямо на Глеба, но он его не видел. А Длугач молчал, потому что знал: лунатиков пугать нельзя, у них может случиться шок. Но ему страшно хотелось узнать - что это за человек гуляет ночью по их квартире? Откуда он взялся? Теперь было ясно, что

именно он и является тем самым таинственным «привидением». Которое любит смотреть на воду и запускать лапу в чужие щели. А Глеб так старался, когда готовил их сегодня вечером... Хотя бы спасибо сказал!

Мужчина «спасибо» не сказал, он прошел мимо Глеба в коридор. Двигался медленно, но уверенно, спокойно. Длугач успел заскочить на кухню, выключил конфорку и завернуть водопроводный кран. А затем осторожно начал красться вслед за лунатиком. Тот шел по коридору, останавливаясь возле каждой двери. Но входить никуда не собирался. Коридор тянулся на десятки метров, сворачивал влево, вправо, а человек шел, пока не уперся в черный ход. Тогда он полез в карман, вытащил ключ, открыл дверь и исчез.

Длугач торопливо подошел к двери, подергал ручку - она была уже заперта. И он пожалел, что не захватил свой ключ, сделанный слесарем Колей, с собой. Но кто же знал, что он может понадобиться? Глеб поспешно вернулся в свою комнату, взял ключ и побежал обратно. Открыл дверь в черный ход, включил фонарик. Он стал спускаться вниз и прошел всю лестницу до первого этажа, но мужчины нигде не было. Словно сквозь землю провалился. «Почему сквозь землю?» - подумал Длугач. Скорее всего, лунатик скрылся на одном из этажей. Возможно, у него есть ключи от других дверей в черный ход. Третий и пятый этажи вообще пустуют, комнат там много. Да и второй с четвертым не слишком-то густо заселены. Всего старик со старухой да рабочие-лимитчики, вот тебе и все жильцы. Может быть, этот лунатик как раз один из строителей с Украины или из Молдавии? Может, и так, может, и нет. Или бомж, которому повезло с приютом? По крайней мере, теперь ясно, чьи отпечатки босых ног он обнаружил еще раньше на запасной лестнице. Глеб почувствовал себя немного Робинзоном Крузо, который нашел Пятницу. Но ему было жалко, что тотчас же и упустил его. Делать на лестнице черного хода больше было нечего, он поднялся на шестой этаж и запер за собой дверь.

Проходя по коридору, Глеб вновь услышал какие-то непонятные звуки, доносившиеся из кухни. Что-то там шуршало. Еще лунатик? Просто наваждение какое-то. Когда же это кончится? Длугач, уже не прячась, вошел в кухню. Там за столиком сидела Васисила Сергеевна Конкина, хлюпала носом и перебирала какие-то бумажки. Лунного света вокруг было столько - хоть купайся. Взглянув на Глеба, пенсионерка высморкалась в носовой платок.

- Что ж вы в темноте сидите? - вежливо спросил Длугач. - Случилось что-нибудь?

- Нет, ничего. Просто не сплю. Бессонница. А ты чего ночью шастаешь?

Глеб не стал рассказывать про забравшегося в квартиру лунатика. Еще напугает старушку, хуже будет.

- Я так, - сказал он. - Тоже не спится.

- Ну посиди тогда, помолчим на дорожку.

Глеб сел, но тотчас спросил:

- На какую такую «дорожку»?

Василиса Сергеевна ответила не сразу.

- Помру я скоро. Чувствую. Старость одолела. Вот уже в две тысячи первом году живем, считай, в двадцать первый век перебрались, а что мне в нем делать? Только мешать вам. Я ведь из других времен, из прошлого.

- Ну что вы! - сказал Длугач. - И никому вы не мешаете. Напротив. И не давайте воли таким мыслям. Может, вам с Маргаритой Федоровной поговорить? Она врач, что-нибудь пропишет.

- Нет, - покачала головой Василиса Сергеевна. - Всему свой срок. Вот и мне пора. А прописать мне только можно место на кладбище.

- Скажете тоже! - Глеб растерялся и добавил совсем уже полную ерунду: - Да вы еще увидите небо в алмазах.

- В алмазах, говоришь? - переспросила старуха. - В алмазах... Смешной ты. Но добрый. И умный, судя по всему. Наверное, далеко пойдешь, есть в тебе такая целеустремленность, цепкость в жизни. Ты мне все больше по сердцу становишься. Открою тебе как-нибудь один секрет. Тайну, которую давно храню. Родных-то у меня никого не осталось.

- Что за секрет? - насторожился Длугач.

- Потом скажу. Когда помирать буду.

Василиса Сергеевна стала собирать бумажки, которые лежали на столе. Это были какие-то письма, справки, встречались и фотографии. Сложив все в коробку из-под конфет, она тяжело поднялась и пошла к выходу, кивнув на прощание головой.

21 Длугач не мог дожидаться утра, ему не терпелось сообщить Ире Гриневой о «ночном привидении». Не выходила из головы и старуха Конкина со своими секретами. Поскольку она являлась потомком камергера Тюфякова, которому принадлежал этот дом, то, может быть, ее тайна как-то связана со всем, что здесь происходило и происходит? Глеб очень надеялся, что свет на это темное дело вот-вот прольется. Утром он созвонится с Ирой, и они встретятся возле подъезда.

- Откуда мог взяться этот лунатик? - выслушав Глеба, спросила девочка. - И куда он делся?

- Один из законов физики гласит: ничто неоткуда не появляется и никуда не исчезает, - отозвался Глеб. - Я думаю, что он скрылся на одном из этажей. У него есть ключи от черного хода.

- И каковы теперь твои планы?

- Надо осмотреть пустые квартиры. Начнем с пятого этажа. Если только ты не боишься.

- Я? - обиделась Ира. - Да я по таким чердакам и подвалам лазила, что тебе и не снилось. У меня большой опыт.

- Знаю. Тогда пошли.

Они поднялись на пятый этаж, ключ Длугача, как и в прошлый раз, подошел к дверному замку. После последнего посещения

ими этой квартиры здесь почти ничего не изменилось. Пустые комнаты, старая, брошенная хозяевами мебель, всякая утварь на полу, ободранные обои, паутина. Комнат много, столько же, сколько и наверху, но некоторые из них были заперты. Квартира оставляла гнетущее впечатление, как склеп. Наверное, потому, что дух прежних жильцов уже выветрился, а вещи остались. Вещи - как брошенные собаки, молчат и тоскуют по своим владельцам, только не прыгают от радости при виде Глеба и Иры, а напряженно смотрят. И прислушиваются к их разговору. Говорили подростки шепотом.

- Вряд ли здесь кто-то живет, все равно что в могиле.

- Почему же? Вода в кране есть, а питаться можно тем, что найдешь в мусорных баках. Может быть, он ночью выбирается на улицу и что-нибудь шарит. Много ли надо? Монахи корочкой хлеба в день питаются.

- Это не монахи, а бомж.

- И бомж тоже человек, просто попавший в беду. На Руси издавна говорили: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Откуда мы знаем, почему этот человек прячется? Чего он боится?

- А вот мы найдем его, а он нас по голове топором и треснет, - сказала Ира.

- Он маленький и худой, - ответил Глеб. - Его самого ветром сдует.

Они переходили из одной комнаты в другую, пока ничего интересного обнаружено не было. Те двери, которые были заперты, Длугач наловчился вскрывать, отжимая замок железным прутом, который они нашли на кухне.

- Ловко у тебя получается, - заметила Ира. - Тебе бы торговые палатки подламывать. Во «сникерсами» бы разжились!

- Придет такое время - займемся и палатками, - невозмутимо произнес Глеб. - Не пропадем.

- С тобой не пропадешь, - согласилась подруга. - С тобой загремишь на полную катушку. Небо в решетку покажется.

В одной из комнат они сели на колченогие стулья передохнуть.

- Пустой номер, сказала Ира. - Отсюда даже тараканы убежали.

- Древний китайский мудрец Конфуций как-то произнес: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет, - отозвался Глеб. - Но матросы не сдаются.

В это время, словно в ответ на его слова, кто-то мякнул.

- Странно, - заметила Ира. - Мне показалось...

- Нет, я тоже слышал, - сказал Глеб.

Они посмотрели в сторону двери, а на пороге действительно появилась знакомая трехцветная кошка. Она потерлась спинкой о косяк, а затем направилась к ним.

- Вот тебе и Конфуций! - произнес Глеб. - Ответ на загадку. Это доказывает, что между этажами существует какой-то скрытый

лаз. Может быть, вентиляционный. Или старинный дымоход. По крайней мере, наша кошка об этом знает, а мы - нет.

- А ну, говори! - приказала Ира, подняв кошку за шкурку. - Ты чего тут партизанишь?

- Не признается, отпусти. Я вот что думаю. Пятый и шестой этажи в конце прошлого века занимали сестры Тюфяковы. Значит, наверняка между этажами была еще какая-нибудь запасная лестница, кроме основной, в подъезде. Потом, когда дом реконструировался, надобность в ней отпала. Проход замуровали. Это только догадка.

- Ну и что?

- А то, что мы еще мало знаем об этом доме, о его внутренней планировке. Каким он был во времена камергера Тюфякова? Каким достался потомкам, которые тоже вносили в него свои изменения? Каким был, когда здесь исчез ювелир Калмыков?

- А каким будет, когда его снесут, я знаю - грудой мусора, - добавила Ирина, усмехнувшись. - И из этой груды вылетят привидения, впереди всех - сам ювелир.

- Возможно, - серьезно ответил Длугач. - Ты навела меня на одну мысль. Может быть, исчезнувший Калмыков находится где-то здесь.

- В каком смысле? - шепотом спросила девочка.

- В том самом, что он вошел в том самом году в этот дом и остался.

- А теперь ходит по квартирам, как лунатик?

- Нет. Просто где-то здесь может оставаться его скелет.

Они помолчали, оглядывая стены, которые теперь выглядели довольно зловеще.

- Пошли-ка отсюда на улицу! - предложила Ира.

- Осталось осмотреть еще несколько комнат, - возразил Глеб. - Не бойся, я с тобой.

Они вошли в коридор, кошка увязалась за ними, мурлыча какую-то свою кошачью песенку. Еще две комнаты оказались совершенно пусты, хозяева вывезли отсюда даже паркет. Следующая была заперта. Замок в двери держался весьма хлипко. Глеб подергал ручку, просунул в щель прут, сильно нажал. Он отогнул язычок замка и выдвинул дверь внутрь. Теперь они могли войти в комнату. Но оба от неожиданности остановились на пороге.

Возле стены стояла металлическая кровать, приколовшая их внимание. Вернее, не сама кровать, а то, что на ней находилось. А лежала там куча тряпья, рваное одеяло, а под ним очерчивалась фигура человека. И высывалась черная голова со спутавшимися кудрявыми волосами. Этот человек спал, посапывая мясистым носом. Лицо было исхудавшее, со впалыми щеками. Длугач узнал его.

- Лунатик, - шепнул он Ирине.

Окончание следует

Ирина ПРОШАКОВА
20 лет, г. Южно-Сахалинск

УЖЕ НЕ ПЛАЧУ

*

*

*

Мыслей вереница,
И по телу дрожь,
И смывает лица
Бледно-серый дождь.
В вечном полумраке
Будто бы тону...
С горечью собаки
Вою на луну.
Но она не внемлет –
Слишком далека.
И рассудок дремлет,
И твоя рука

Душу искромсала,
Будто бы тетрадь.
Я тебя искала,
Чтобы не страдать.
Вышло же иначе –
Всё наоборот...
Я уже не плачу.
Просто дождь идет,
Гаснет на реснице,
Шепчет на щеке.
И туманны лица
Где-то вдалеке.

*

*

*

Разбиться на части
Так просто, поверь...
Не прожито счастье,
Захлопнулась дверь.
Навек за спиною
Завяли цветы.
И ты – не со мною.
Глупы и пусты
Судьбы моей звуки.
Что есть Бытие?
Когда твои руки
Обнимут её,
Я, верно, скончаюсь,
Я, верно, умру...

А вдруг закачаюсь,
Как лист на ветру?
И буду стучаться
В чужое окно.
Ты станешь смеяться.
Но мне суждено
Любить лишь однажды,
Любить только раз...
И боль моих влажных
Касается глаз,
И катятся слезы
Опять по лицу...
А сны или грезы
Подходят к концу.

* * *

Усталость. Ложь.
И бред тоски.
Сегодня – дождь,
И каблуки
По тротуару
Так стучат...
Осенний траур.
Листопад.
И снова рушатся
Мечты.
Ко мне б прислушаться...
Но ты
Меня не слышишь –
Как оглох.
Спокойно дышишь.
Каждый вздох
Не отзовется,
Словно боль.

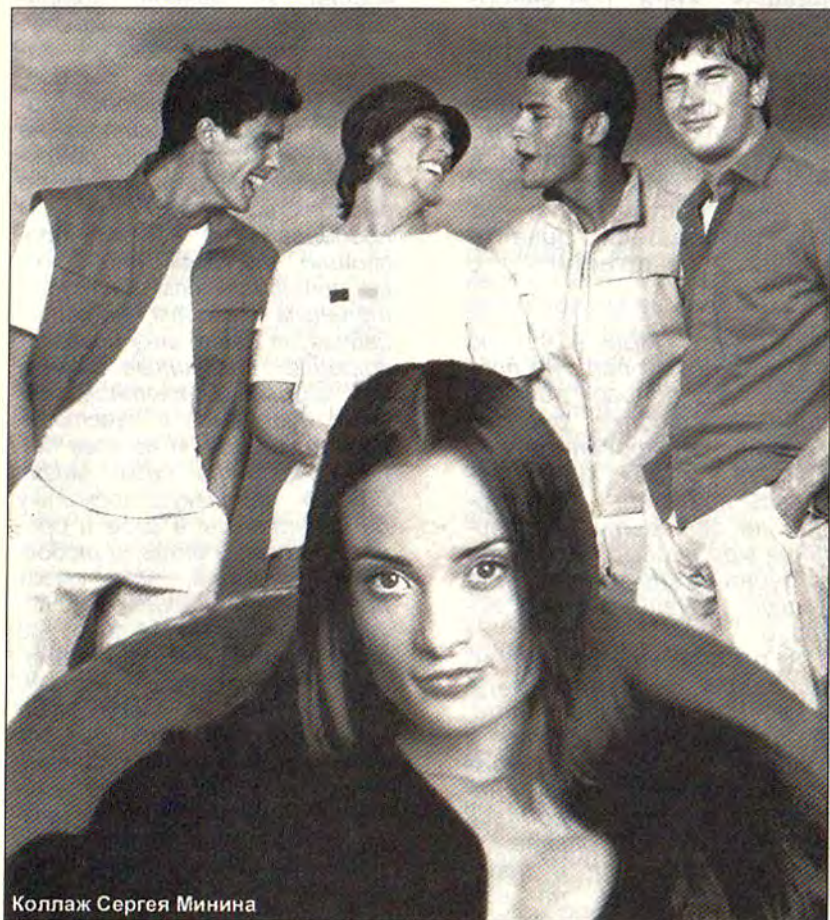
Твой мир смеется...
Но позволь –
А как же я?
А как же мне?
Хоть звон ручья,
И о весне
Воспоминаний –
Хоть чуть-чуть?
И от страданий
Этих грудь
Освободить –
Пускай на миг...
Но заглушить
Невольный крик
Безумно просто –
Проще нет...
И гаснут звезды,
Меркнет свет.

* * *

Не чувствую сердца –
В груди тишина...
Мне нечем согреться,
Я снова одна,
Мне нечем спастись –
Ведь ты не со мной...
Опять обрываться
Гитарной струной,
Хотя это больно –
Больнее и нет...
И крикнуть: «Довольно!»
И снова в ответ
Ни слова, ни звука.
Опять пустота.
Ломаются руки,
И гаснет мечта,
И жизни осколки...
И только, как сны,
Лимонная долька
Холодной луны
Меня наполняет,
Как будто вино...

Кто помнит, кто знает,
Как в мире темно –
Последние свечи
Задули ветра.
И, может быть, легче
Мне было вчера.
Но нынче мне жутко,
До слез тяжело...
Любовь – это шутка.
А я, как назло,
Не верила в это –
Тебя я ждала...
Плохая примета...
Молчат зеркала,
Кривя мою душу
В раю и в аду.
Весь мир мой разрушен.
Куда я иду?
Не помню, не знаю,
Никак не пойму.
И мысли роняю
В холодную тьму.

ЛЮБИТЬ — ЗНАЧИТ ПЕРЕСТАТЬ СРАВНИВАТЬ

Коллаж Сергея Минина

Письмо юной читательницы сразу же обращало на себя внимание. Еще бы, прямо на конверте крупными буквами вызываяще обозначалась интрига: «Обратите внимание! Я за полигамией!» Повело дыханием девятнадцатого века, и невольно представился автор. Правда, само слово «полигамия» не давало однозначного ответа — то ли это младшая жена почтенного джигита (тем более, что адресат живет на Кавказе, где немало мусульман), то ли молодая пейзажистка (ну, типа крестьянка), имеющая много мужей. Но мы ошиблись, и немудрено. Впрочем, прежде чем обстоятельно во всем разобраться, давайте сначала ознакомимся с письмом.

«Журнал «МЫ» я читаю уже около семи лет, не пропуская ни одного номера, особенно люблю рубрики «Говоря открывенно» и «Письма в «МЫ», куда и решила написать. Пожалуйста, не оставьте без внимания мое письмо! Мне было бы очень важно узнать, что думают другие о моей истории.

А рассуждать я буду о полигамии. Нет-нет, не пугайтесь! Я не развратница, не извращенка. Просто я искренне верю в возможность любить сразу нескольких человек. Убедилась на собственном опыте. А вот единственная и неповторимая любовь на всю

жизнь мне пока еще не встретилась, и я уже потеряла всякую надежду когда-либо встретить человека, с которым бы у нас возникло взаимное, настоящее, глубокое и сильное чувство.

Меня зовут Ольга Гущина, мне восемнадцать лет. Итак... Раньше я мечтала о прекрасном принце на белом «Мерседесе» (белый конь уже вроде как утратил актуальность). Я лелеяла потрясающую розовую мечту: встретить человека, с которым мне удалось бы достичь полного взаимопонимания во всем: во взглядах на жизнь, в восприятии реальной действительности, в эмоциях, во вкусах. И если бы подобное чудо всё же произошло, то, возможно, я бы не пришла к тем неутешительным выводам, которые сейчас не дают мне покоя. Я строила воздушные замки, где царил абсолютное родство душ, умов и чувственных ощущений. И готова была посвятить свою жизнь одному человеку, поскольку он сочетал бы в себе и брата, и друга, и отца, и любовника... Думала, что смогу пренебречь карьерой, поскольку карьера — это, по крайней мере в моем понимании, творчество, а самым интересным творческим процессом являлась бы для меня собственная семейная жизнь. И этот процесс занимал бы все эмоции, все мысли, всю энергию. Моей сверхцелью было знаете что? Поселить в собственноручно

созданном раю героя своих грез.

Суть финала, к которому я пришла, можно было в принципе предвидеть заранее. Начнем с того, что герою я не встретила. Зато в поисках этого неосуществимого идеала имела счастье познакомиться с четырьмя молодыми людьми. Разными и интересными. Если объединить их вместе, то получился бы тот самый мужчина моей мечты. На деле же они дополняли друг друга. А я любила, да и люблю их всех, каждого по-своему, но с одинаковой силой. Правда, так случилось, что я общалась с ними не одновременно, а в разные жизненные периоды, и, что самое грустное, думаю, при столкновении этих молодых людей друг с другом произошло бы неизбежное: я потеряла бы всех четверых. Так что выводы о полигамии, к которым я пришла, увы (а для кого-то ура!), остались лишь на уровне теории. Зато масштабы моей сверхцели расширились. Теперь я не ограничиваюсь желанием сделать счастливым лишь одного единственного человека. Я поняла, что мои возможности гораздо больше. Я открыла глаза и увидела, что принцев нет, не было и не будет. Есть люди со своими достоинствами и недостатками. И нужно сделать правильный выбор, но вряд ли выбор этот остановится на одном лишь человеке.

И хорошо, если ты сумеешь каждого из своих избранных почувствовать себя принцем, при этом оставаясь для него единственной принцессой.

Один из моих «принцев» развивал меня интеллектуально. Поскольку из всех четверых в данный момент я глубоко общаюсь лишь с ним, то буду говорить об этом молодом человеке в настоящем времени. С ним можно подискутировать практически на любую тему, на него всегда можно положиться, и я доверяю ему как самой себе (без всяких преувеличений). Наверное, лишь в таком случае можно сказать: «вторая половинка». Да, я не мыслю своей жизни без него. Но при этом загонять себя в рамки я не хочу. Было в оставшихся трех «героях» то, чего не хватало ему, и я отдаю себе в этом отчет.

В частности, другой юноша, сам того не осознав, пробудил во мне какое-то возвышенное чувство – наверное, потому, что он был самым первым взрослым парнем, с которым мне довелось общаться (взрослым, конечно, относительно – на четыре года старше меня, тогда четырнадцатилетней девочкой). Он сумел создать удивительную иллюзию надежности, стабильности (а при всех наших красивых размышлениях о полигамии в глубине души мы жаждем именно этого) и своего рода «каменной сте-

ны», за которой ты всегда будешь чувствовать себя уверенно и уютно. Потом расстояние, увы, разделило нас, и сейчас я общаюсь с этим молодым человеком лишь в эпистолярном жанре, все же не падая духом и пытаясь разгадать загаданную мне когда-то загадку: действительно ли он является тем, кем казался мне во время нашего с ним «живого» общения?

Третьего «принца» я, поверьте, никогда не видела и при этом сумела влюбиться настолько пылко и по-настоящему, что... мама дорогая, да я даже в тот период на уроках не могла сосредоточиться — мои мысли были заняты лишь им, и после каждого нашего с ним телефонного разговора я неделю ходила, сияя изнутри и снаружи (сиять пришлось ровно тридцать дней, а потом он на полгода исчез, видимо, испугавшись моей не совсем адекватной интерпретации наших отношений). Кстати, сейчас мы возобновили наше общение, но носит оно чисто дружеский характер. Видимо, пауза мне действительно была нужна: для того, чтобы разобраться в моем к нему истинном чувстве. Теперь я поняла: в ту пору мне нужен был человек, который разделил бы мой не совсем обычный, многим непонятный музыкальный вкус, а значит — и отношение к жизни и любви, поскольку этот музыкальный

жанр — неотъемлемая часть моего внутреннего мира. Тот парень разделил, и не только теоретически. Он действительно очень искренне чувствовал эти песни и даже помог мне взглянуть на них более тонко и глубоко. Да, мы совпали каким-то внутренним, мало кому, кроме нас, понятным и доступным ощущением. Мы могли разговаривать на языке любимых песен, известном только лишь нам двоим. По крайней мере, раньше мне так казалось. Сейчас, в общем-то, ничего не изменилось, разве что родственных душ, на мое счастье, прибавилось. И я рада, что мы возобновили наше общение. Зато я теперь ни в чем себя не обманываю и называю «любимую» родство душ.

Четвертый парень, в отличие от того, о котором я только что рассказывала, привлек меня чисто визуально. Он соответствовал моему стереотипу об идеале мужской красоты. Моя внешность, в свою очередь, соответствовала его идеалу, а потому мы временно зря не теряли и, заметив друг друга в салоне троллейбуса, познакомились, как только вышли. Потом были свидания, прогулки, поцелуи, ласки, кафе, аттракционы, даже бильярд — всё по полной программе. Он относился ко мне с удивительной теплотой и нежностью, хотел подарить мне Сказку, но... волшебной палочки у

него, увы, не было, а были лишь полторы тысячи рублей зарплаты, комнатка в доме на пять семей, которую он делил со своей мамой, и... весьма прозаическое будущее. Он чувствовал, что я достойна большего, и потому счастье наше оказалось эфемерным и мы обоюднo решили, что нам лучше расстаться, сохранив в душе лучшие воспоминания друг о друге. Сейчас мы изредка встречаемся и позволяем себе предаться чувственным ощущениям, при этом оставаясь свободными людьми и живя одним мгновением. С этим молодым человеком нам именно «не судьба быть вместе». Быт лишь разрушит всё то, что нас связывает, а это, в первую очередь, взаимная страсть, которая тем и интересна, что не является ритуалом. В привычных условиях мы просто-напросто можем охладеть друг к другу, посвятив себя лишь думам о завтрашнем дне.

А планировать что-то я не люблю. Мой девиз: «Любишь вволю жить на свете — ну и ради Бога!» Я стараюсь получить от жизни максимум удовольствия. А еще я хочу доставить удовольствие другим. Мне действительно очень приятно приносить счастье хорошим людям. И мне хочется, чтобы не от одного человека я услышала, что, оказывается, «без меня на этом свете не прожить и дня». Пока что

мне этого никто не говорил — наверное, потому, что все они были уверены: я всегда с ними, пусть лишь духовно, и порою на большом расстоянии. Но я никуда не исчезаю. Я стабильна. Не в плане верности одному конкретному человеку, а в плане верности своему внутреннему закону: быть всегда искренней, душевной и отзывчивой. Эти качества я считаю важнейшими в себе, но и требую их от всех своих «принцев». Он может не иметь белого «Мерседеса». Это отнюдь не самое важное. Зато он должен уметь любить. Именно любить, а не играть в любовь. Помимо этих четверых, в моей еще пока не длинной жизни были и другие молодые люди, но мои чувства к ним не были настоящими, отношения носили поверхностный характер, а значит, и нет смысла писать о них. Я коснулась лишь тех, кого действительно любила и, наверное, люблю до сих пор. И кто, надеюсь, неравнодушен ко мне.

Ольга
г. Нальчик»

Теперь, надеюсь, понятно, почему мы ошибались, посчитав автора письма представительницей одной из столь экзотических форм брака. Дело в том, что полигамия — термин, означающий групповой брак, полиандрию, или многомужество, когда женщина имеет много мужей,

обычно братьев, что бывало в девятнадцатом веке у алеутов и эскимосов и сохранилось до наших дней у некоторых этнических групп в Индии и на Тибете. Гораздо чаще встречается полигиния — многоженство, свойственное патриархату, характерное для некоторых народов, главным образом мусульманских.

Не то Оля поленилась заглянуть в толковый словарь, не то что-то перепутала, посчитав полигамию всего лишь любовной страстью к юношам, с которыми она успела познакомиться. Именно это и ввело нас в заблуждение. Но в конце концов все-таки разобрались. И поскольку Оле очень хочется знать, что думают другие о ее истории, мы и решили поговорить об этом на страницах журнала, высказать свою точку зрения. Возможно, кто-то из наших читателей захочет принять участие в обсуждении вечной и нескончаемой темы любви. В таком случае мы ознакомим вас с их письмами. Нам кажется, что определенный смысл в этом есть: ибо чем больше писем, тем больше мыслей появится, и даже если единственное верное решение не будет в конце концов найдено — не беда. Ведь ничего не проходит бесследно: в раздумьях и сомнениях, в спорах и столкновении мнений вспыхнет искра. Из искры обязательно разгорится пламя — пламя искреннего чувства и настоящей любви.

Интересное письмо. Интересно прежде всего тем, что каждый раз, когда обращаешься к нему, возникают совершенно противоречащие друг другу мысли. Вначале вроде бы целиком всему веришь — мало ли чего не бывает на свете, такое вот любвеобильное сердце; перечитываешь — начинаешь недоумевать — что-то концы с концами не сходятся, и логика Олиных рассуждений расплывается, как утренний туман; невольно задумываешься над прочитанным — и одолевают сомнения в реальности того, о чем идет речь. Не то тебя приглашают поиграть в какую-то забавную игру, не то приглашают в некий театр, где автор письма — и главная героиня и режиссер спектакля одновременно. Кажется, что письмо — сплошные душевные муки и метание мысли, но через них невольно проглядывают наигранность, кокетство и наивное лукавство. Ах, я такая оригинальная (все любят одного, а я сразу целый коллектив), такая необыкновенная (вот какие мудреные слова знаю — полигамия, например). Ни дать ни взять — девушка-загадка. Не знаем, так это на самом деле или нет, но стремление пооригинальничать явно присутствует. Говорю это вовсе не в осуждение. Кто-то предпочитает быть скромным и не выпячивается, кто-то, наоборот, стремится оказаться в центре внимания. Каждому своё.

Итак, чудеса не произошло,

мечты о прекрасном принце не сбылись. Собственно, ничего необычного здесь нет — явление самое обыденное и закономерное. Поскольку, как известно, чудес на свете не бывает, а мечты не сбываются. Никогда. Ибо, как очень точно заметил замечательный драматург Александр Вампилов, «мечты, которые сбываются, — не мечты, а планы». Давайте не будем путать.

Конечно, жаль, что к семнадцати годам девушка не встретила любимого — единственного и неповторимого. И не знает, где искать. Только сдается мне, что здесь Оля лукавит. Вектор ее поисков прослеживается очень четко — принц на белом коне. Сделав поправку на современность, уточним — на белом «Мерседесе». Какие бы реверансы затем не делались в адрес интеллектуальных и обладающих многими достоинствами молодых людей, ясно, что все же требуется принц. Ну, а уж если такого не существует, тогда требуется несколько человек, которые бы в сумме были равны принцу.

Дальнейшая перспектива не высказана, но в этом нет необходимости. Всё и так ясно. Принц в недалеком будущем станет королем, получив в наследство королевство. Принцесса, естественно, станет королевой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жизнь для принца и его окружения должна быть вечным празд-

ником — таково логическое требование, порождаемое состоянием роскоши и богатства. Внешность его избранницы должна дышать праздностью, она должна быть воплощением жизни, ставшей праздником. И принцу не нужен созданный кем-то рай. Рай ему положен изначально, как крупному госчиновнику — «Мерседес» и дача.

Но, как известно, жениться по любви не может ни один король. И принц тоже. А нужен ли какой-нибудь девушке принц без любви? Очень сомневаюсь. Так что не стоит очень уже переживать из-за дефицита принцев в нашей стране.

До сих пор (не знаю, как вам, мне об этом ничего не известно) никто еще не дал определение тому, что такое любовь. Нам привычны слова — я люблю свою Родину, свой город, свой класс. Люблю маму, папу, брата и мальчику из параллельного класса. Всё это в порядке вещей, и ничего удивительного здесь нет. Но ведь любому понятно, что в каждом конкретном случае в слове «люблю» заключен свой особый смысл.

Что подразумевает под «любовью» Оля — понять довольно сложно. По крайней мере любви к конкретному человеку у нее нет, но есть верность своему внутреннему закону — быть искренней, душевной и отзывчивой. Однако все эти три качества, даже взятые вместе, вовсе

не означают, что человек, обладающий ими, кого-то любит.

Очень хочется поверить, что Оля нежно и страстно любит всех четверых своих друзей. Только что-то никак не получается. Потому что есть заверения в любви, но нет никаких аргументов в пользу этого. Один развивал интеллектуально, другой нравится визуально, третий разделяет ее музыкальные пристрастия... Любовь по интересам, что ли? Вроде как кружки художественной самодеятельности или вышивания-выпиливания лобзиком. Если же называть вещи своими именами, выходит, что в каждом человеке нравится какая-то одна, вполне определенная черта. Только и всего. Но не очень понятно – при чем же здесь любовь? Потом какой-то парадокс получается: нравится только одна черта – например, его лицо. Или спортивная фигура. Это не так уж мало. Но ведь если что, то замуж-то придется выходить за всего парня. Со всеми его чертами.

Как уверяет нас автор письма, во всех своих рассуждениях она исходит из собственного опыта. В восемнадцать лет можно быть умной (соответственно своему возрасту), начитанной и т.д., но достаточного личного опыта (опять же в силу возраста) для того, чтобы разобраться в сложных жизненных перипетиях, в том числе и в той, которая представлена на суд читателей, в этом возрасте

просто не может быть. Думаю, этого доказывать не стоит. Недаром говорят: век живи, век учишься. А тут человек только-только школу закончил (или заканчивает) – и уже уверен, что с опытом-то у него всё в порядке. Увы... Девушка явно торопится. Думаю, отсюда у нее постоянная путаница и в мыслях, и в выражении их.

«Карьера в моем понимании – творчество». Позволь, Оля, с твоим пониманием не согласиться. Карьера в буквальном толковании этого слова – беспринципная погоня за личным успехом. Того, кто делает карьеру, называют карьеристом. Для карьериста главное – выгода. Для творческого человека – результаты его творчества. Он гордится открытиями, изобретениями, а не должностью, которую сумел получить. «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех», – писал поэт Борис Пастернак. А другой известный поэт, Евгений Евтушенко, сказал в одном из своих стихотворений: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее». Евтушенко никогда не был литературным генералом – главным редактором журнала, первым руководителем писательского союза. Он просто писал хорошие стихи и стал хорошим поэтом. Потому что занимался творчеством, а не карьерой.

Или еще строчка из письма: «Он соответствовал моему стереотипу об идеале мужской красоты». Красиво,

но неграмотно. Ведь знак равенства здесь при всем желании не поставишь. Твой идеал – это твой идеал, и ничей больше. Стереотип же – схематический, стандартизированный образ. Как в мире вещей: есть стандартные, есть эксклюзивные. Одни можно купить в бутиках, другие – на вещевом рынке.

Результаты исследований зарубежных ученых-социологов свидетельствуют о том, что человек в своей жизни влюбляется в среднем семь раз. Факт сам по себе любопытный. А теперь давайте сопоставим масштабы времени и цифры. В одном случае – семь и вся жизнь, в другом – четыре и очень короткий промежуток времени (год, от силы два). Еще они вмести в себя выпускные экзамены в школе, вступительные в вуз (или устройство на работу) и прочие житейские проблемы, от которых, как известно, никуда не деться. Что-то никак не вписывается сюда ввиду явного дефицита времени: четырехкратная любовь, причем как бы ко всем сразу. Как говорится, свежо предание, да верится с трудом. Но ведь появлялись-то они в Олиной жизни поочередно – первый, второй и т.д.? А ведь даже один заочный роман по переписке, которые так любят романтические девушки, тянет больше чем на полгода. Написать и отправить письмо, получить ответ, да при нашей то работе почты – это как минимум дней двадцать.

Десять писем – дни устанешь считать...

Надо сказать, что само письмо вызывает странное ощущение, будто не о любви оно, а вовсе о чем-то другом. Обратите внимание: «буду говорить о полигамии» (заметьте, не о любви), «я познакомилась» (не влюбилась), и дальше – «мы общались»... И лишь где-нибудь потом, через запятую, как бы невзначай выглядывает затерянное в цепи придаточных предложений это самое сокровенное слово. Только получается, что оно уже вроде и ни к чему.

«Любовь одна, подделок под нее много», – сказал французский писатель Ларошфуко. Сдается мне, что и в нашем конкретном случае мы имеем дело с подделками. Даже имен у этих четверых нет, расставлены они все по номерам, как манекены, и вместо модной одежды на них примеряют любовь. Похоже, Оля придумала игру, в которую приглашает нас всех поиграть. Я вот, мол, утверждаю, что люблю всех четверых сразу, докажу вам это и посмотрю, что вы в ответ скажете. Только никак не получается доказать, потому что нет доказательств. Вообще, могло бы быть и не четыре номера, а гораздо больше, количество участников ведь никто не ограничивал. Например, номер пять можно любить за то, что хорошо катается на горных лыжах (с ним приятно отдыхать, и сейчас это модно), номер шесть

здорово танцует (все на нас на дискотеке заглядываются), номер семь учит играть в теннис (это было модно совсем недавно) и так далее.

За свою журналистскую жизнь мне довелось перечитать сотни писем о любви. Вот фрагмент одного из них. «Не верьте тому, что не бывает любви с первого взгляда. На всю жизнь запомнила, как впервые увидела своего Сережу. Как только очутилась рядом с ним, забыла про всё на свете. Сердце билось где-то в висках, нечем стало дышать, но лбу пот выступил, по коже мурашки забегали. Я его даже толком разглядеть не успела, только заметила, что он высокий...» Вот так, что называется — полюбила, хотя ничего не знала ни про достоинства, ни про отдельные черты. Ни с кем не сравнивала, потому что никто не был достоин его. Никто и никогда не сможет объяснить, почему он влюбился — любовь неподвластна логике. А вот Оля пытается объяснить и нам, и — самое главное — самой себе, почему и за что она кого полюбила.

Но читаешь письмо — и понимаешь: в словах, которыми оно написано — и этого никуда не скроешь, — нет чувства, потому что нет самой любви, есть лишь всхлипы, размышления о ней и аргументация, которая, если считать ее доказательствами, рассыпается, как карточный домик. «Номер один развивал интеллектуаль-

но...» Получается, что ему отдавалось предпочтение за его интеллект. Но совершенно очевидно, что, например, профессора местного университета (да и не только они) в этом плане дадут сто очков вперед двадцатилетнему интеллектуалу. Выходит, что определяющим фактором стал все же не интеллект. В понимании нашей оппонентки ему, однако, не хватало только, что было в трех других. А что в них, собственно, было такого необычного? Номер два был «своего рода каменной стеной». Так ведь и первому номеру девушка доверяла, как самой себе, своей «второй половине». Что-то не чувствуется большой разницы между первым и вторым.

Третий номер, герой эпистолярно-телефонного романа, не был стеной и не развивал, но все мысли были заняты им. На деле же если он и был чем-то примечателен, то лишь тем, что «разделял не совсем обычный и многим непонятный музыкальный вкус», «а значит, мое отношение к жизни и любви». Ну зачем же путать кислое с пресным? Сходство музыкальных вкусов никоим образом не означает единства взглядов на жизнь, тем более — на любовь. Если в каком-нибудь фан-клубе музыкальные пристрастия в принципе можно свести к единому знаменателю, то это не значит, что все фаны влюблены друг в друга и состоят в групповом браке.

Выставленный на обсуждение номер четыре, если допустить, что он реально существовал, - парень, кажется, не промах. Понял, что подруге не по душе его мизерная зарплата (правда, Сервантес утверждал, что «любовь носит такие очки, когда бедность кажется богатством»). В этом случае необходимое условие - должна быть любовь), комната в доме на пять семей, туманные перспективы на будущее - и аккуратно дистанцировался от подруги, которой успел попользоваться, красивой фразой: «Ты достойна большего». Его-то, в общем, устраивает положение дел: предался чувственным ощущениям, живнул одним мгновением (цитирую письмо) и... бонжур-покеда. Поди плохо - ни забот, ни хлопот, ни обязанностей. (Забавно, как в описании этого «романа» из строк письма сквозь красивые слова о «родстве душ» так и лезет высокое мнение о себе девочки, которая считает, что она «этого достойна», как говорит реклама, и которая считает, что «принц» обязан ее всем обеспечить. Что ж, подход вполне деловой. Но о любви тогда, наверное, стоит помолчать. Потому что если ты «достойна большего» - то надо искать не любимого, а того, кто этим «большим» обладает. И от такого человека не надо ждать всяких интеллектуальных изысков: как сказал один вельможа королю Людовику XIV на вопрос, может ли он

еще любить: «Любовь, государь? Я покупаю ее готовую».)

Не могу утверждать, хорошо это или плохо, только придуманные на тему о любви варианты никогда не совпадают с тем, что происходит в действительности. Помнится, лет десять назад получили мы письмо: «Думала, не смогу дальше жить, если хотя бы не увижу Юру Шатунова, не смогу прикоснуться к нему. А встретила своего парня, забыла и Юру, и «Ласковый май», и вообще всё на свете». У каждого из нас есть идеалы, созданный собственными фантазиями образ человека, которого (и только его, никого другого) сможешь полюбить, а жизнь, не сообразуясь с нашими желаниями, сама расставит всё по своим местам. Как призналась мне одна давнишняя знакомая, известная в прошлом телеведущая, «я всегда влюблялась в мужчин, которые абсолютно не подходят под мой идеал мужчины».

К счастью, немногим в юном возрасте приходится сталкиваться с проблемами, от решения которых зависит их дальнейшая судьба. Наверное, поэтому подростки чаще всего представляют свое будущее в розовом цвете, а жизнь между тем на девяносто девять процентов складывается из самых обычных, весьма прозаичных вещей. «Быт всё разрушит!» - восклицает автор письма,

по сути еще и не столкнувшись с ним. А мне почему-то вспомнилось, как однажды увидел я на стене дома надпись: «Миша + Оля = любовь». Некоторое время спустя кто-то дополнил ее: «Миша + Оля = любовь + грязные носки, рубашки, горелые котлеты». Конечно, «с милым рай в шалаше» (пословица), но «любовная лодка разбилась о быт» (Маяковский), к тому же «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда» (народная примета). Между прочим, даже шалаш – какой-никакой, а тоже все-таки быт. Увы, от быта никуда не денешься. Так что при всех рассуждениях о высоких материях нелишне иногда бросить взгляд и на грешную землю.

Иначе вместо мыслей о любви рождаются лишь лозунги типа: «Любишь вволю жить на свете – ну и получай удовольствие», «Нужно приносить счастье людям», «Он должен уметь любить» и т.д. Допустим, он и умеет любить, но это не факт, что полюбит именно тебя. Насчет удовольствия... «Там, где любовь превращается в удовольствие, на первом месте стоит принцип разнообразия. Это достигается одновременным половым общением с несколькими мужчинами или женщинами», – сказал известный немецкий ученый Эдуард Фукс в своей знаменитой «Иллюстрированной истории нравов». Правда, написал он это в 1912 году, но и сегодня у нас нет осно-

ваний не верить ему. Не случайно в Олином воображении возникло сразу четверо.

В нашем конкретном случае нелепо утверждать: «чем больше – тем лучше». В любви не царит тот закон, когда количество превращается в качество. Это любовников может быть много, любимый – всегда один. А когда его нет, фантазия стремится создать собирательный образ. И автор письма – не исключение. Помните, как мучалась с выбором достойного мужчины Агафья Тихоновна в гоголевской «Женитьбе»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да, пожалуй, прибавить к этому дородности Ивана Павловича – я бы тот час же решилась... Я думаю, лучше всего кинуть жребий».

Смело могу утверждать: все без исключения девушки мечтают об идеальных юношах. Но в конечном итоге влюбляются они в несовершенных – таких же, как они сами. И недостатков у них порой бывает не меньше, чем достоинств. Но «я его слепила из того, что было». А всё равно он получился лучше всех. Потому что «любить – значит перестать сравнивать». Французский писатель Бернар Грассе, несомненно, прав. Ведь никто не посмеет усомниться в том, что французы знают толк в любви.

Алексей БУДКИН

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Совсем недавно, в марте, ей исполнилось сорок пять. И если утверждение о том, что в сорок пять дама бальзаковского возраста становится опять ягодкой, справедливо, то по отношению к ней это справедливо вдвойне. В ее жизни менялось многое: мужа, партнеры по кино и гонорары, но неизменными оставались ее популярность и красота. Ее называли коварной соблазнительницей, самой умной стервой Голливуда, ее слава несправедливо сопровождалась не самыми лестными эпитетами... И все потому, что многие ошибочно видели

ШАРОН СТОУН В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Богиня кинематографа девяностых годов, ослепительная блондинка, от которой невозможно оторвать глаз, великолепно знает, что необходимо звезде. Этот профессионализм в сочетании с дарованной ей природой красотой и изысканной откровенностью в решении любовных сцен и обеспечили актрисе путь к славе. Сама же она посмеивается над собственным имиджем секс-символа, воспринимая это как полнейший абсурд: «Абсурд и челуха уже хотя бы потому, что в своей реальной, не вымышленной, частной жизни я вполне домашняя женщина со всеми соответствующими атрибутами, включая посуду и пижаму.

Я даже не верю всем этим мужским фантазиям относительно того, что я, по их мнению, имею честь символизировать. Я говорю в ответ на подобные утверждения — скажите, а сами-то вы пробовали заниматься любовью так, как я демонстрирую «Основном инстинкте»? И неужели вы знаете женщин, способных пребывать в позах и позициях, невозможных даже с точки зрения анатомии? Да бросьте! А если да, пошлите их ко мне, пусть меня научат».

Многие, и наши зрители — не исключение, считают, что в кино все точно так же, как в жизни. Никак нет, кино больше походит на жизнь, чем жизнь на кино. Точнее — жизнь вовсе не походит на кино. И актриса Шарон Стоун

тоже не походит на женщину Шарон Стоун.

Вот уже несколько лет мы не видим ее в новых фильмах, и тем не менее по опросу российских зрителей в 2002 году она вновь стала самой популярной актрисой. Удивительный феномен... Чтобы понять его причины, давайте поближе познакомимся с этой яркой голливудской звездой.

Шарон Стоун была вторым ребенком в семье, где родители воспитывали четырех детей. Она родилась 10 марта 1958 года в небольшом американском городке Мидвилл в самой обычной семье тружеников, далекой от искусства и близкой к бедности. Отец был простым рабочим, сборщиком картофеля, мать — бухгалтером. Дочери выпала иная планида. Малышка быстро развивалась, в одиннадцать месяцев начала говорить. «Наверное, с пеленок я взяла на себя роль старшей среди детей, потому что любила обо всех заботиться. Я никогда не чувствовала себя ребенком. Мне кажется, я родилась на свет взрослым человеком, который по ошибке находится в детском теле. Родители быстро поняли, что я очень смысловая, — они даже протестировали меня. Я вообще проходила многочисленные тесты на определение уровня интеллекта, составляя подходящие по цвету картинки и вкладывая фигурки в отверстия. В школе я доводила всех до безумия, за-

давая учителям взрослые вопросы и требуя ответа на них».

Она экстерном перешагивала из класса в класс, щелкала как орешки трудные задачки и даже получила стипендию за особые успехи в математике. «Математика — это аналитическое мышление, — говорит она. — Мне кажется, что всю свою карьеру я тщательно спланировала, придерживаясь математической точности».

В детстве Шарон считала себя некрасивой. По ее словам, она раскрепостилась, лишь обнаружив, что может быть такой же соблазнительной, как и другие. «Одноклассники не любили меня. Я была не по-детски умна, знала всё лучше всех, стремилась набрать еще больше знаний и к тому же носила

очки в некрасивой оправе. Только в выпускной год я взглянула на себя другими глазами и поняла, что существуют и иные возможности. Я стала покупать толстые журналы, прочитывала от корки до корки советы по макияжу и думала: тебе это тоже по силам».

Мать актрисы вспоминает, что в шестнадцать лет дочери нравилось играть в игру, вошедшую в моду в 1975 году и состоявшую в том, чтобы появиться на людях голышом, а потом убежать. «Шарон играла в нее около дома, — говорит с умилением мать. — Дочь делала все что хотела, для нее не существовало запретов». Действительно, попустительство родителей было прямо пропорционально необыкновенно быстрому развитию девочки. Коэффи-

циент интеллектуального развития, равный 154, сделал из нее самую умную актрису Голливуда, опередившую Джину Дэвис, чей коэффициент достигает 153.

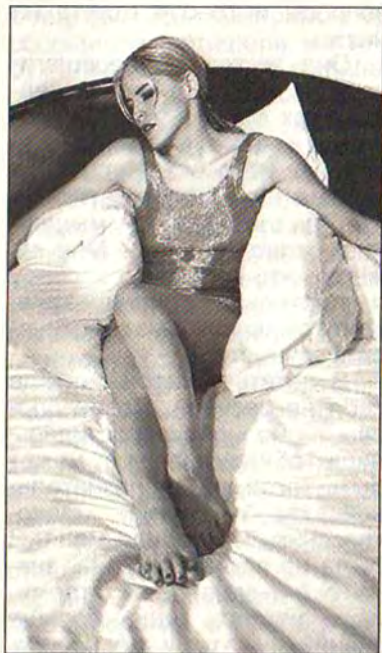
Ученица школы для одаренных детей, в пятнадцать лет студентка университета, получившая множество различных дипломов, Шарон Стоун с неприязнью вспоминает свои детские годы: «Мое детство украдено, у меня навсегда остался след от этой травмы».

Скорее всего, причиной была бедность. «Мои родители, - вспоминает она, - считали сто долларов символом богатства». Это постоянное отсутствие денег странным образом явилось отправной точкой ее карьеры. В семнадцать лет Шарон объявила удивленным друзьям, что будет «новой Мэрилин Монро». Пока же по воле родителей стала преподавательницей. Но вдруг выиграла конкурс красоты в родном городе, и всё волшебным образом переменялось. Нью-йоркское агентство предложило ей работу манекенщицы за пятьсот долларов в день. Ее мать, ослепленная фантастическим заработком, практически приказала дочери бросить университет и принять предложение, сулившее такое богатство. Она могла стать адвокатом, тоже весьма безбедная карьера в Америке, но всё же решила нырнуть в мир моды.

Видимо, было в этой юной красавице что-то такое, что

вовсе не деньги занимали ее воображение, и единственная мысль не давала ей покоя: мое ли это дело быть манекенщицей, ведь я хочу только одного – стать актрисой? В итоге она попала в поле зрения (это было в 1980 году) Вуди Аллена, и он дал ей маленькую роль – роль «девушки его мечты».

В кино, да, наверное, и не только в кино, нужен прежде всего счастливый шанс. Счастливый шанс, между прочим, выпадает, как правило, каждому, и не надо думать, что Шарон Стоун – исключение из правил: «Меня поставили на замену актрисы

из массовой, которая почему-то в этот день не явилась. Я играла роль красавицы из мечты Вуди, которую он замечает в окне проезжающего мимо поезда. Он попросил, чтобы я поцеловала стекло окна так, будто я целую его. Это чудесно! Работать с Алленом — все равно что терять девственность».

Не знаем, как насчет теперь, но вслед за дебютом новоиспеченная актриса приобрела первую настоящую роль в фильме «Ферма ужасов», а следом еще одну — у знаменитого режиссера Клода Лелуша в ленте «Одни и другие». Похоже, шанс становится отныне постоянным спутником Шарон Стоун: «Меня опять взяли на замену — вместо уже утвержденной актрисы. Ее ужалил в лицо оса! Я играла последнюю любовницу стареющего джентльмена — такую шлюшку, жующую резинку и тупо смотрящую в телевизор, сидя в ночной рубашке, и нисколько не заботящуюся о нем».

Первый фильм, в котором актриса разделась, был «Развод в Голливуде». Но развод был в кино, на самом же деле всё было наоборот. Шарон вышла замуж за режиссера, с которым познакомилась на съемочной площадке телефильма. Правда, брак не принес ей счастья.

За десять лет пребывания в мировой киностолице Шарон Стоун снялась во множестве лент — и для большого экрана, и для «голубого». Но поскольку супруг ее был ре-

жиссером второразрядным, то и роли ей доставались второразрядные. Такими же в большинстве своем были и фильмы. «Мне было так плохо после развода, что я соглашалась на любую роль, — вспоминает актриса. — Работала в Англии, Канаде, Испании, получая по двести пятьдесят тысяч долларов, что тогда являлось для меня очень большой суммой. Однажды в Испании снимали «Кровь и песок». Придя на площадку, я заметила, что никто из испанцев не говорит по-английски. У меня случился нервный срыв во время очередной глупой сцены с быком, который должен был сорвать с меня всю одежду, — я стала материть по-испански режиссера, так мне всё надоело. Позже я увидела этот фильм и хохотала, как припадочная. Он был глуп до ужаса. И я молотком разбила видеокассету.

Для того чтобы выжить, я была вынуждена сниматься в дерьмовых фильмах, чувствовала, как творчески деградирую, и даже навсегда вычеркнула прилагательное «созидательная» при определении работы актера.

Почти год мне пришлось проработать в Африке, чтобы снять два дерьмовых фильма, — «Копи царя Соломона» и «Аллан Куотермейн и затерянный мир». Я чувствовала себя пленницей в стране третьего мира, в группе, где всем было наплевать на всё и прежде всего на ту работу, которую они делали, а сам

режиссер орал и оскорблял актеров. Он постоянно ругался: "Черт поberi!" - и многие в массовке стали считать, что это его настоящее имя».

Во время съемок «Копей» Шарон была до такой степени не в себе, что разозленные на нее и движимые местью рабочие, принимавшие участие в съемках, использовали в качестве туалета бассейн, приготовленный для сцены ее купания.

Шли годы, мелькали роли в фильмах, не делающих погоды. Всё это было кино, которое в прежние времена называлось у нас «фильмами мужского действия», а теперь, в пору массового увлечения американской мовой, кратко именуется «экшен». Главное действующее лицо здесь супергерой - мужчина, а женщины отводится роль его подружки. Ее задача «тормозить» действие в минуту чрезвычайной опасности, чтобы нагнать напряженность, упасть в руки врагу, чтобы герой мог и в самом деле выглядеть героем, спасая предмет свой страсти, громко визжать от страха, вызывая жалость у зрителей, и время от времени обнажать ту или иную часть тела на зависть тем же зрителям. На эти роли берут, как правило, актрис с безупречной внешностью, выполняющих роль сексуальной приманки. Бывает, что среди них попадаются и талантливые, но их талант никого не интересует: они должны радовать глаз, но не пленять его на-

долго, ибо внимание зрителя должно быть приковано к мужчине-звезде (собственно, и гонорары у мужчин-звезд раза в два выше. Например, у Тома Круза - двадцать миллионов долларов, а его партнерши - десять). Экшен делают на героя, под героя, и всё, что кроме него, - второстепенно. В этом амплу много хороших актрис, но мир по понятным причинам никогда не узнает, на что они на самом деле способны. Их находят на конкурсах красоты, в фотосалонах, домах моды. Выбраться из этого замкнутого круга практически невозможно. Тем удивительнее, что это удалось сделать тридцатилетней Шарон Стоун - уже немолодой по голливудским стандартам актрисе. Тем более, что еще рассказывая о фильме «Вспомнить всё», немецкий журнал «Синема» назвал ее старлеткой. Не прошло и двух лет, как, явившись в Канн с «Основным инстинктом», она стала звездой.

Когда вышел на экраны блокбастер «Вспомнить всё», «Плейбой» поместил на обложке ее фотографию, снабдив ее надписью: «Она задала жару в Голливуде». Конечно, главным действующим лицом, как и полагается в экшене, был Арнольд Шварценеггер, превращающий в космическую пыль свою коварную жену. Однако эта пыль стала фундаментом для космического взлета для Шарон Стоун. Интерес к ней подогрел и телесериал «Война и

память», где она сыграла невесту героя, в роли которого выступил один из ветеранов Голливуда. Внес свою лепту и «Плейбой», кроме фото на обложке поместив фотографию Шарон — прямо из-под душа, с мокрыми волосами и без всякой косметики. Прозрачные светлые глаза под густыми темными вразлет бровями, белокурые волосы, ослепительно белые зубы и неизменно длинные ноги, свежесть и непосредственность, которые она постоянно культивирует, буквально шокировали публику.

Безусловно, всё это не оставил без внимания голландский режиссер Пауль Верховен, с 1985 года снимающий свои фильмы в США. Он и пригласил актрису принять участие в новом проекте — «Основной инстинкт». Надо сказать, что команда, работавшая над фильмом, состояла из профессионалов экстра-класса: продюсер был крестным отцом трилогии о Рэмбо, оператор снимал «Крепкий орешек», монтажер получил «Оскара» за ленту «Робот-полицейский», художник удостоился «Оскара» за «Доктора Живаго», и, наконец, главная роль отводилась Майклу Дугласу.

Фильм «Вспомнить всё» не только помог Шарон Стоун найти режиссера, который сделал ее звездой. Он в буквальном смысле слова помог ей выжить. После съемок актриса попала в тяжелейшую автомобильную катастрофу: у нее были сломаны ребра,

челюсть, нога, вывихнуто плечо, плюс она получила сотрясение мозга. «Я выжила, наверное, только потому, что у меня хорошо развиты мускулы, — говорит актриса. — А их дала мне работа над ролью в этом фильме. Я тренировалась каждый день. Один силовой снаряд за другим, три часа занятий без единого перерыва. И в завершение тренировок — каратэ. Во время съемок я поддерживала себя в нужной форме и по вечерам тренировалась в спортзале гостиницы до полного изнеможения. После аварии мне месяцами пришлось заниматься лечебной гимнастикой и носить специальный корсет».

Но кто знает об этом? А кто знал, после «Основного инстинкта» вряд ли решится вспомнить.

«Я думаю, у каждого бывает в жизни хотя бы одна-единственная возможность доказать, кто он есть на самом деле. Я этот шанс получила и не замедлила взять всё, что могла. После более чем десяти не слишком успешных лет, после бесчисленных второстепенных ролей во второразрядных фильмах, после унижений и жутких депрессий, я была очень благодарна, когда получила главную роль», — признается Шарон Стоун.

Студия предлагала эту роль всем голливудским звездам — Джулии Робертс, Мишель Пфайффер, Джиневье Дэвис. Все они отказались,

потому что не хотели пятнать свое имя ролью злодейки, да к тому же нетрадиционной ориентации, которая расправляется с мужчинами с помощью ледоруба.

Но Верхувен, зная актрису, верил в нее и втайне от всех начал репетиции, сделал первые пробы и предупредил ее, что работа предстоит нелегкая: в ней чувствуется потенциал, однако раскрыть его будет не просто. Даже когда начались съемки, студия не оставляла надежд уломать кого-нибудь из известных актрис, и режиссеру велели сначала снимать сцены с участием других претенденток. Стоун день за днем прожигала в гримерной, ожидая, позовут ли ее. Когда ее, наконец, пригласили на съемки, она так разволновалась, что не могла вымолвить ни

слова. Чтобы успокоить актрису, Верхувен отвел ее в сторонку и сказал, что видел, как над ней пролетел ангел.

Трудно сказать, кто на самом деле пролетел в день съемок той самой знаменитой сцены, в которой героиня во время допроса раздвигает ноги и сидящие напротив мужчины видят то, что даже самые нескромные актрисы до сих пор утаивали. Когда эта сцена произвела шоковое впечатление на зрителей, Стоун объявила, что ее обманом сняли в этом кадре. Впрочем, в суд она не подала и снять фильм с проката не потребовала.

Журнал «Внутри Голливуда» окрестил фильм «эротическим триллером», пикантные подробности повсюду муссировались в прессе, и появления ожидаемой сенсации

на большом экране с нетерпением ожидали даже профессионалы кино. Нетерпение объяснялось тем, что новая работа Верхувена «раздвигала границы дозволенного в обычных фильмах».

Вообще-то изделия такого рода идут под грифом «X» и не допускаются в широкий прокат. Но режиссер выбросил всего сорок секунд «горячего» материала и добился от цензуры грифа «R», что разрешает демонстрировать фильм в любом кинотеатре для публики старше восемнадцати лет.

А публика ожидала выхода фильма с еще большим любопытством, чем «киношники»: такие скандалы, как вокруг него, случаются редко, причем — еще до появления на экране. Подняли его могущественные организации секс-меньшинств, протестуя против «гомофобии» режиссера, изобразившего женщину нетрадиционной сексуальной ориентации в виде психопатической убийцы. Рекламы лучше подобной шумихи создатели фильма не смогли бы купить ни за какие деньги. А те, кто вложил в него доллары, заработали почти полтора миллиона. Но заслуга в этом принадлежит прежде всего именно Шарон Стоун, сохранившей в свои-то годы да после годичного пребывания на больничной койке такую волнующую грацию и девичью гибкость, — по ее собственному признанию, ей даже не верится: она ли это проделывает поистине гим-

настические трюки в предельно откровенных сценах фильма.

Шарон Стоун благословляет судьбу за то, что знаменитые актрисы «не поняли сценарий» и отказались от него. И как не благословлять, если по опросу газеты «Европеец» она стала «наиболее популярной американской актрисой в Европе». К тому же известный английский критик не без оснований заявил о том, что Шарон переиграла в этом фильме своего партнера Майкла Дугласа и показала себя как настоящая «хичкоковская женщина». Таким образом Стоун оказалась возведенной на уровень даже не Кэтрин Хепберн, что считалось пределом ее желаний, а актрисы классом выше — Ингрид Бергман, например.

А в самой Америке Шарон Стоун получила звание, которого кинокритика после Мэрилин Монро никого больше не удостоивала: «кинетело номер один».

После майского уик-энда 1992 года, когда состоялась премьера «Основного инстинкта», Шарон Стоун буквально за одну ночь стала звездой: «В пятницу я еще жила нормальной жизнью, а в понедельник люди уже запрыгивали на капот моей машины. Этот фильм полностью перевернул мой мир. Люди не дают мне прохода, гоняются за мной по улице, подкарауливают у машины, пытаются проникнуть в гостиничный номер или мой дом, чтобы украсть, например, губную

помаду или что-то еще. Такая слава даже пугает».

Здесь Шарон Стоун, конечно, лукавит. Слава еще никого не испугала. Кроме того, в ее спальне рядом с постелью лежат пистолет и охотничья винтовка. «В пять лет я одним выстрелом сбивала пустые бутылки. А если мне понадобится нажать на курок, - предупреждает актриса, - меня никакие угрозы совести не остановят. Пусть кто-нибудь непрошено проникнет в мой дом - ему не поздоровится».

После «Основного инстинкта» Шарон Стоун наряду с такими звездами, как Джулия Робертс и Вули Голдберг, прочно обосновалась на вершине голливудского Монбла-

на. «Да, - говорит актриса, - на вершине очень одиноко, но зато внизу, у самого основания, всё до невозможности переполнено». Она достигла такого положения, когда могла позволить себе отказаться от фильмов с такими киновеличинами, как Клинт Иствуд в «Идеальном мире» и Джек Николсон в «Волке». «Не те роли», - объяснила она свой отказ. А вот за роль жены популярного актера Ричарда Гира в романтической драме «Перекресток» она взялась с превеликим желанием. «Мне ни к чему стоять на месте, - так объяснила свое решение Шарон, - мне надо расти как актрисе. В моей карьере нужен поворот. А очередную похотливую блондиночку пусть сыграет кто-нибудь другой».

Понадобилось немало времени и усилий, прежде чем продюсер сумел увидеть то, что видела в этой роли актриса. «Я, видимо, был в плену стереотипных представлений о ней как об актрисе, видел ее лишь глазами аудитории, заикленной исключительно на секс-имидже, - признается он. - Вот что значит вся эта нами же делаемая реклама, которая и отупляет и мешает увидеть суть. Когда я слушал ее аргументацию, я был чуть ли не в шоке. Одним словом, я просто не осознавал ее возможностей, не понимал, насколько значителен ее талант».

Это и понятно. Красоту разглядеть легче, чем талант. Зеркало отражает лишь

внешние черты человека. Оно не обманывает, но оно не в силах отразить его внутренний мир. Роль, исполняемая актером, - это кривое зеркало, потому что в нем отражается герой фильма, но никак не сам актер.

Именно так произошло с актрисой Шарон Стоун. Зрители видят ее в кривом зеркале ее героинь. Но «Шарон совсем не такая, как думают о ней многие, - говорит супруга Арнольда Шварценеггера. - Она обладает мягкостью и кротостью, о чем люди даже не подозревают».

«Это шутка, что я стала секс-символом, - грустно признается одна из самых красивых женщин Америки. - Ведь я совсем не та женщина, которая носит узкие облегающие платья и у которой сексуальная походка. В действительности я чувствую себя очень неуютно с такими дамами, да и они видят меня в кривом зеркале. Ибо вряд ли кто-то, кроме меня, знает, какая же я на самом деле».

Став «Девушкой Голливудской Мечты», Шарон Стоун, как ни странно, всегда испытывала проблемы в личной жизни. После развода, случившегося пятнадцать лет назад, у нее были близкие друзья, но, по ее словам, она воспринимала их с трудом: «Я просто не в состоянии понять мужчин. Они такие странные. Мне хотелось бы овладеть языком мужчин или, если бы это было возможно, отправиться на какую-нибудь пла-

нету, где можно было бы вообще обходиться без них».

Подобно Джулии Робертс, Шарон влюблялась в своих партнеров по фильмам, но все эти романы были весьма кратковременны. Только Робертс, в отличие от Стоун, никто не называл соблазнительницей. Поводом же послужило очередное увлечение - режиссер Билл Макдональдс, с которым она снималась в фильме «Щелки». Влюбившись, Билл решил расстаться с беременной женой. Сенсация сразу же попала на первые полосы газет. Интрига состояла в том, что Билл недавно женился на знаменитой манекенщице Наоми Кемпбелл, а роман их тянулся до этого десять лет. Миллионы телезрителей, забыв обо всем, впились в экран «ящика», наблюдая, как бедная Наоми вся в слезах

разносит Шарон Стоун за то, что та пустила ко дну ее счастливый брак.

Масла в огонь добавила связь актрисы с небедным французским бизнесменом. Можно позавидовать, но кто же упрекнет ее в том, что после их разрыва она сохранила на память бриллиант стоимостью два миллиона франков, который он ей подарил?

А вот редактор сан-францисской газеты Фил Бронштейн, с которым она встретилась на съемках своего последнего фильма «Сфера», подарил ей руку и сердце. У него прозвище «Мачо», потому что он носит ковбойские сапоги, и актриса от него без ума. Их свадьба потрясла ко всему привыкший Голливуд. Три года назад они усыновили мальчика, у которого умерла мать, назвав его Рони Джозеф. Шарон Стоун целиком посвятила себя заботам о муже и ребенке, исчезнув с экрана. Но истинная причина была в другом. На последние пять лет ей пришлось пережить слишком многое: замужество, сильный сердечный приступ у мужа, появление приемного сына и, наконец, собственную болезнь.

Два года назад от внезапной боли актриса буквально рухнула на пол в гостиной своего дома. «Как говорят в гангстерских фильмах, у меня было впечатление, что меня ударили по затылку, - со слезами на глазах рассказывает Шарон Стоун о случившемся

у нее инсульте. - Было такое ощущение, что в меня выстрелили. Я сразу же поняла, в чем дело. Главным стимулом к выздоровлению был мой сын. А еще меня спасла молитва».

Для женщины, вернувшейся из ада (Виталий Соломин, увы, вернуться после инсульта не смог), Шарон Стоун выглядит сегодня просто великолепно: она сохранила идеальную фигуру, а лицо ее по-прежнему прекрасно. Она готова вернуть свою былую популярность и намеревается сниматься в триллере «Поместье "Холодный ручей"». Возможно, будет осуществлен проект по созданию фильма «Основной инстинкт - 2», который немислим без ее участия. Недавно стало известно, что актриса пишет новеллы. Она говорит, что писательство помогает ей обрести ощущение внутренней свободы, и полагает, что именно сочинительство, которым она увлеклась еще в юности, может стать ее главным занятием, когда она расстанется с экраном. «Я сотрудничала в разных журналах, - говорит Шарон Стоун, - и теперь пора браться за книгу, начинать вторую карьеру. "Первой леди" я буду лишь на время, писательское же ремесло может выручить меня в будущем».

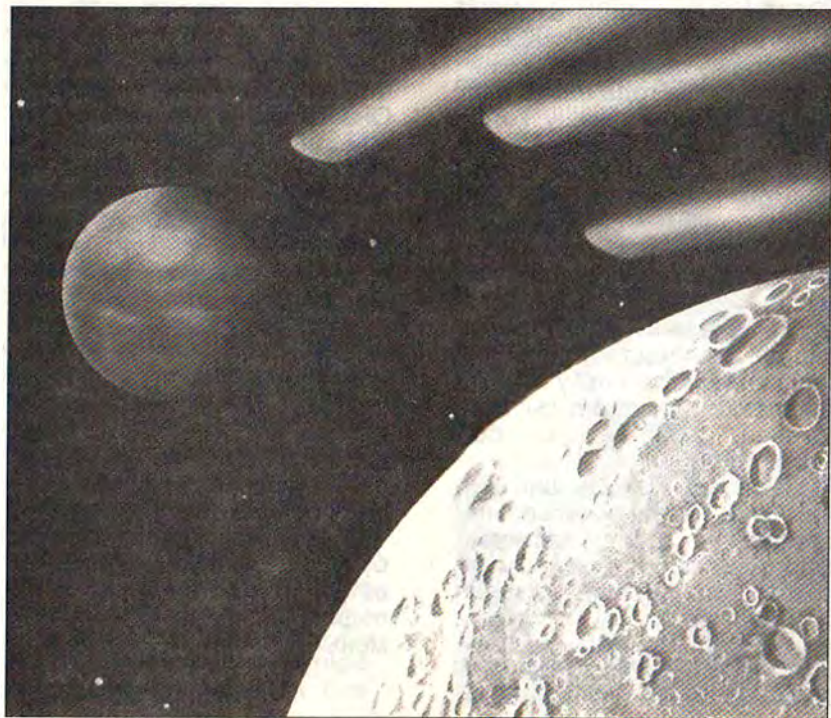
Без всякого сомнения, в ее будущем можно не сомневаться. Ведь и фамилия у нее подходящая - от слова «камень».

Ал. БРОДНИКОВ

В настоящее время наука признала существование Творца, или Высшего Разума, а следовательно, и возможность наличия во Вселенной созданных им мыслящих существ, которых принято называть инопланетянами. Будучи разумными, в процессе эволюции они должны были найти способ обмениваться информацией не только с себе подобными, но и с представителями других форм жизни, которые встречаются в космосе. В силу своих ограниченных технических возможностей человечество пока не смогло это сделать. Но инопланетный разум уже вступил в контакт с нами в виде мысленных посланий...

Сергей ДЕМКИН

«ШЕПОТ» И «ГОЛОСА» КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА

В начале девяностых годов редакция популярного журнала поручила мне взять интервью у одного из космонавтов. Его фамилию я не называю, почему - станет ясно ниже. Пусть будет просто Владимир. Прежде всего меня интересовали НЛО, которые, возможно, он и его коллеги видели во время полетов, и вообще все необычное, что случается в открытом космосе.

Чтобы разговорить моего не слишком-то словоохотливого собеседника, я поведал ему о том, что рассказал мне главный штурман полярной авиации Валентин Иванович Аккуратов. В середине пятидесятых его экипаж прокладывал трассу к Антарктиде, где была открыта советская полярная станция «Мирный». Над Тихим океаном они заметили непонятный шаровой объект, который пошел на сближение с такой невероятной скоростью, что столкновение казалось неизбежным. Но в последнюю секунду вопреки всем законам аэродинамики шар мгновенно изменил траекторию полета, взмыл вертикально вверх и исчез в небе.

Владимир с интересом выслушал эту историю и сказал, что тоже знает заслуживающих доверия людей, видевших НЛО, но ему самому сталкиваться с «тарелками» не доводилось. Что же касается не-

понятных сюрпризов, которые преподносит космос, то он поделился со мной загадочным случаем, который произошел с ним. «Только это не для печати», - предупредил космонавт.

Выполняя обещание, все прошедшие годы я не писал о том, что поведал Владимир. Но теперь, думаю, можно рассказать об этом, поскольку загадочное явление, с которым сталкиваются космонавты, перестало быть тайной.

- Во время полета при сближении с орбитальной станцией управлявший кораблем командир никак не мог выйти на расчетную траекторию, чтобы произвести стыковку. Запас энергосистемы для маневров у корабля ограничен. Его оставалось, как говорится, всего ничего. Если бы еще одна коррекция не удалась, мы пролетели бы мимо станции и вернулись бы на Землю, не выполнив задания, - начал свой рассказ космонавт.

Помочь я ничем не мог, поскольку управление кораблем является исключительной прерогативой командира. Мне, как бортинженеру, оставалось только молча переживать, сидя рядом в кресле. Вдруг в какой-то момент в голове у меня раздалась команда: «Возьми управление на себя!» Позднее, анализируя случившееся, я так и не смог точно определить,

был ли это чей-то голос или нет. Просто я воспринял чужой мысленный приказ, не выполнить который почему-то не мог. И что совсем уж удивительно, командир, не возражая, передал мне управление кораблем. Потом он сказал, что никаких команд не слышал, а только вдруг осознал, что должен вести себя именно так, хотя это шло вразрез со всеми «железными» инструкциями.

Дальше сознания я не терял, но находился словно бы в каком-то трансе и послушно выполнял команды, возникавшие в моем сознании. Только благодаря им стыковка была успешно произведена. Когда мы вернулись на Землю, то при разборке полета командира «продраили с песочком», да и мне досталось, хотя и не в такой мере. Но о «потусторонних» командах мы оба ничего не сказали. Иначе все происшедшее могло обернуться для нас еще хуже, - закончил Владимир.

Признаюсь, я был поражен рассказом космонавта, но воспринял его лишь как пример мысленного зомбирования. Такие случаи уже были в моем досье. Правда, происходили они не в космосе, а на Земле. Совершенно неожиданно для себя люди вдруг совершали какие-то действия или, наоборот, не делали чего-то. Иногда в

таких случаях они говорили о «внутреннем голосе», будто бы руководившем ими. Тогда я не придавал значения тому, кто же является индуктором, то есть посторонним субъектом, воздействующим на исполнителей его воли. Между тем, как я теперь считаю, это - главное, поскольку есть большое отличие между земным и космическим проявлением феномена «голоса извне». Позднее стало известно, что его слышал не только Владимир, но и другие космонавты.

В качестве примера можно привести интервью, которое журналистка Мария Ветрова взяла у одного из них, который настоял на том, чтобы его фамилия не называлась.

«Главной трудностью пребывания в открытом космосе стал его «шепот». Так называли это явление мы, космонавты. Ученые нашли другой, должен признать, более точный термин - эффект присутствия... Чтобы понять, что именно имеется в виду, должен рассказать об одном из своих полетов, в котором был не один.

Когда ЭТО началось, мы находились над Южным полушарием... В какой-то момент я вдруг почувствовал, что рядом с нами находится еще кто-то. Трудно описать это ощущение. Вроде бы некто невидимый смотрит тебе в спину край-

не тяжелым взглядом. Уверенность в незримом присутствии стопроцентная! Буквально мгновение спустя резко оторвался от иллюминатора и начал по мере возможности озираться и мой товарищ - бортинженер.

Поверьте, оба мы были людьми максимально далекими от всякой мистики! Поэтому буквально онемели, когда незримое существо проявило себя: раздался «шепот»... У нас с коллегой были исключительно доверительные отношения. Поэтому чуть позже мы сравнили «тексты»: внешне они оказались совершенно разные. Да другого, если исходить из их сути, и ожидать было нельзя. Попробую восстановить их. Не точно, но тут важен смысл, а не слова, поскольку, как я понял позже, словами они не являлись.

Мой «текст» звучал где-то в глубинах сознания примерно так: «Ты слишком рано и неправильно пришел сюда. Верь мне, ибо я твой предок по материнской линии... Сынок, вы не должны быть здесь, возвращайся на Землю, не нарушай законов Творца... Сынок, ты обязательно должен вернуться, вернуться, вернуться...»

Совсем на другом «материале» был создан «текст» моего товарища, хотя суть его состояла в том же - в призыве поки-

нуть космос и никогда не возвращаться сюда... Спустя два дня мы приземлились. За это время наши «тексты» нашептывались еще один раз, без малейших отклонений в их содержании, а эффект присутствия «чужого» так и не покидал нас все оставшееся на орбите время...

На Земле «шепот» стал основной темой наших «посиделок» на двоих, почти ежевечерних. Стараясь разумно, а главное, спокойно подойти к этому явлению, мы прикидывали его возможное происхождение... Некий чуждый нам Разум, являющийся продуктом инопланетной цивилизации, используя гипноз, намеренно изгоняет человечество из давным-давно освоенного им самим космоса, для убедительности «считывая» с нашего сознания и подсознания факты, известные лишь нам.

Мы с товарищем еще не говорили вслух о том, что просто обязаны предоставить решение этой проблемы специалистам, а, следовательно, обнародовать происходящее. Но оба это понимали. Не к нашей чести будет сказано, что сделали это совсем другие люди, другой экипаж. Мы так и не решились рискнуть своей карьерой...»

Первым о загадочном космическом феномене в октябре 1995 года сооб-

шил космонавт исследователь Сергей Кричевский, старший научный сотрудник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина и Института истории естествознания и техники РАН да к тому же кандидат технических наук и действительный член Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского. То, о чем рассказал космонавт-ученый в Новосибирском международном институте космической антропологии, представляет огромное значение для постижения тайн, таящихся в космосе. Вот лишь несколько отрывков из его доклада:

«Начиная с 1989 года я готовился к полету в космос и непосредственно взаимодействовал в рабочей и неформальной обстановке со своими коллегами. В том числе и с космонавтами, побывавшими в космосе. Однако информацию о видениях - назовем их *фантастическими сновидениями-состояниями* - я получил только во второй половине 1994 года, что, скорее всего, было связано с приближением сроков предстоящего полета... Все сведения о космических видениях - достояние весьма узкого круга лиц... Сведения о таких видениях космонавты передавали и передают исключительно друг другу, делаясь информацией с теми, кому вскоре предстоит совершить полет...

Наблюдавшиеся в полете фантастические видения - новый, ранее неизвестный феномен, который можно отнести к классическому состоянию измененного сознания... Представьте себе: космонавт неожиданно быстро выходит из своего привычного исходного - человеческого - облика-самоощущения и превращается в какое-то животное и при этом перемещается в соответствующую окружающую среду. В дальнейшем он продолжает ощущать себя в преобразованном виде или последовательно перевоплощается в иное сверхъестественное существо. Скажем, один коллега мне поведал о своем пребывании в «шкуре» динозавра. И заметьте, он чувствовал себя животным, перемещающимся по поверхности неведомой планеты, перешагивающим через овраги, пропасти, какие-то физические преграды. Космонавт достаточно подробно описал «свой» облик - лапы, чешую, перепонки между пальцами, цвет кожи, огромные когти и прочее.

Слияние его «я» с биологической сущностью древнего ящера было настолько полным, что все ощущения этого, казалось бы, чужеродного для него организма воспринимались им как его собственные. Кожей спины он чувствовал, как вздыбливаются роговые пластины на хреб-

те. О пронзительном крике, вырвавшемся из пасти, он мог сказать: «Это был мой крик...» Более того: одновременно происходили соответствующие сценарии превращений, трансформации внешней окружающей среды. При этом возникали не только ощущения пребывания космонавта в «шкуре» тех или иных организмов, животных из предшествующих эпох, но и человек как бы превращался в иную личность, а также он мог оказаться инопланетным существом - гуманоидом.

Что интересно: наблюдаемые картины-видения - необычно яркие, цветные. Слышались различные звуки, в том числе воспринималась и речь других существ, и она была понятна - усваивалась тут же, без обучения. Космонавт как бы переносился в иное пространство-время, в том числе и на другие, неизвестные небесные тела. И, оказавшись в абсолютно новом для него мире, в тот миг он воспринимал его как нечто привычное, родное.

Характерным свойством фантастических сновидений является резкое изменение ощущения времени и соответствующего потока информации... Космонавт начинает воспринимать идущий откуда-то извне поток информации. То есть возникает ощущение, что кто-то мощный и великий снаружи передает некую

новую и необычную для человека информацию.

Случалось, причем с весьма подробным прогнозом, и предвосхищение грядущих событий - с детальным «показом» грозящих опасных ситуаций или моментов, которые - как бы внутренним голосом - особо выделялись и комментировались. И при этом «слышалось»: мол, все обрывается, завершится хорошо... Таким образом, заблаговременно предвосхищались наиболее сложные и опасные моменты программы полета. И был случай, что если бы не такой «вещий сон», космонавты могли бы погибнуть. Поразительна и точность, детализация опасных моментов. Так, «голос» предсказал смертельную опасность, которая поджидала космонавтов при выходе в открытый космос. В веществе эта опасность была показана несколько раз, прокомментирована «голосом». В реальном выходе, при работе вне станции, все это подтвердилось абсолютно: космонавт оказался подготовлен и спас свою жизнь (иначе улетел бы от станции). Ни с чем подобным раньше (вне полета) космонавты не сталкивались...

Проблема космических видений от научного сообщества упорно скрывается. О ней не говорят - ее как бы не существует. Никто из космонавтов никогда и ни-

кому официально о фантастических видениях не сообщал - такого рода информация никогда не включалась в официальные отчеты экипажей. Почему? Ответ очевиден: космонавты опасаются негативных последствий в виде медицинской дисквалификации, огласки с интерпретацией признаков психических заболеваний и тому подобного.

Один из космонавтов вел личные дневниковые записи, в которых описываются и его видения. Казалось бы, уникальный документ! Тем не менее на мои предложения и просьбы опубликовать его или хотя бы пообщаться с учеными, занятыми проблемами живого вещества, космонавт ответил категорическим отказом, полагая, что это еще преждевременно и опасно для профессиональной карьеры. Поэтому я не могу, не имею морального права назвать хотя бы одну фамилию или корабль».

Как объяснить сюрпризы, которые преподносит космос?

Космонавт Кричевский приводит несколько гипотез, не отдавая предпочтения ни одной из них. Возможно, что при длительном пребывании в условиях невесомости в космическом полете возникают состояния, когда информация «всплывает» из глубины

подсознания в виде фрагментов жизни различных организмов - дальних предков человека в процессе эволюции. Но тогда как объяснить поступление опережающей информации о грядущих событиях?

Вторая гипотеза говорит о «трансляции-считывании», то есть о прямом поступлении в мозг потока информации извне. «Можно предположить, - указывает Кричевский, - что запускает эти сны некий нестационарный поток галактического излучения. Если при этом космический корабль попадает в этот «луч» и космонавт пребывает в расслабленной дреме, возникает феномен. Вышел из луча - все пропадает». Но космонавт Владимир вовсе не дремал в критический момент стыковки, когда слышал «голос». И потом в таком случае остается без ответа вопрос о том, кто посылает эту информацию и откуда этот субъект знает, что произойдет в будущем.

«В конце концов, вполне возможно, что одна причина накручивается на другую - дают о себе знать их сочетания», - высказывает предположение космонавт Кричевский.

Конечно, чтобы сделать однозначные выводы относительно такого сложного и загадочного феномена, необходимо гораздо больше исходных данных.

И все-таки, если проанализировать то, что обнаружено о космических «голосах», «шепоте» и видениях, можно выделить два главных момента.

Во-первых, ясно, что на космонавтов воздействует разумный субъект или индуктор. Причем не исключено, что их несколько. Если в одном полете «Некто» пытался убедить землян покинуть космос, то в других случаях «Посторонний» делал нечто прямо противоположное - помогал преодолеть опасности. Ведь именно чужой «голос» руководил стыковкой одного экипажа и спас космонавта от гибели при выходе в открытый космос. К тому же этот разумный субъект вел себя как терпеливый учитель, подробно рассказывая о грозящих опасных ситуациях и при этом вселяя уверенность в благополучном исходе.

Во-вторых, информация поступала прямо в сознание космонавтов. Физической основой всех мыслительных процессов в нашем мозге являются биотоки. Значит, поток информации извне по своей природе тоже был электромагнитный. Отсюда следует, что чужой разум, проявляющий себя в космосе, сходен с человеческим, а его послания - и «голос», и «шепот», и картинки-видения - в принципе можно принимать с помощью технических средств.

Очень важно, что развитие событий, происходивших во время полетов, подтверждало достоверность опережающей информации о них, которую получали космонавты. Поэтому то, что они видели, переоплощась в монстров или путешествуя по другим небесным телам, можно считать тоже достоверным, а не плодом собственной фантазии. Другими словами, земляне мысленно перемещались во времени и пространстве без всяких ограничений. Это возможно только в том случае, если их сознание кто-то «подключал» к различным участкам информационного поля, в котором содержится все, что произошло, происходит или произойдет. Причем это поле вовсе не глобальное, как принято считать, а Вселенское!

И последнее. Нет смысла гадать, кто является разумным субъектом, вступающим в контакт с земными космонавтами. Для этого пока нет необходимых данных. Можно лишь привести слова одного из космонавтов, который слышал чужой «голос»: «Космос доказал нам, что он, безусловно, разумен и куда сложнее наших представлений о нем. И еще то, что наши знания не позволяют сегодня понять сути большинства процессов, происходящих во Вселенной».

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

ВЕСНА всегда приносит с собой любовное настроение. Надеюсь, настоящие любители кино, или, если точнее, любители настоящего кино (почувствовали разницу?), посмотрели замечательный фильм режиссера Вонга Кар-вая, который так и назывался — «Любовное настроение». Если нет, то незамедлительно исправляйте упущение.

Когда пишутся эти строки, на дворе стоит весна — пора цветения, пора любви. Но поверьте опыту: когда через месяц-полтора выйдет журнал и весну сменит лето, любовное настроение не улетучится, а может быть, даже

наоборот вступит в свою активную фазу. И это естественно. Закончатся школьные экзамены и студенческие сессии, и на смену зачетам и переекзаменовкам придет время каникул и летних отпусков, самое подходящее для быстрых и жарких курортных романов.

Мысли о весне и любовном настроении навели на тему «кино и эротика». Знаете ли вы, что любовному раскрепощению, постепенно приведшему к сексуальной революции, мы во многом обязаны кинематографу? В 1895 году родилась Великая иллюзия, произведя фурор сначала «Прибытием поезда», затем «Завтраком

Секс-символы
пятидесятых —
Мэрилин Монро
и Марлон Брандо

младенца» и «Политым поливальщиком», о чем знают почти все. Но вот о том, что уже в первом киносезоне 1895-1896 годов появился фильм «Поцелуй», в котором, как следует из названия, был показан первый кинематографический поцелуй, знают только специалисты. Актрисы Мэй Эрвин и Джон Райс припали устами друг к другу на целых 45 секунд. Именно этому фильму выпал на долю двойной успех: его заклеямили позором, но при этом он стал ошеломительной сенсацией. Такова жизнь и такова судьба фильмов эротического содержания: на протяжении почти ста лет их будет сопровождать скандальный успех. Пуритане будут гневно брызгать слюной, а возбужденный народ будет давиться в кинотеатры, где благодаря «десятой музе» ему будет предоставлена возможность неудержимо привлекательного подглядывания в замочную скважину за запретным прелюбодеянием.

Если на скорую руку отметить этапы большого пути эротики в кино, то выглядеть это будет примерно так. В 1915 году появилась первая женщина-вамп, ею стала Теда Бара в фильме «Жил-был дурак». Впервые зрителям было продемонстрировано обнаженное женское плечо актрисы Фанни Уорд в фильме «Утрата». В 1917 году актриса Клара Бау появилась обнаженной в фильме «Хула-хула». В 1924-м знаменитый американский режиссер Сесиль Де Милль снял фильм «Десять заповедей», в котором показ всех смертных грехов оказался прекрасным поводом для демонстрации наготы и плотской любви.

На рубеже двадцатых-

тридцатых годов Луис Бунюэль и Сальватор Дали снимают сначала «Андалузского пса», затем «Золотые годы» о всепоглощающей силе сексуального желания. И хотя их фильмы были запрещены практически повсюду, они оказали огромное влияние на американское кино и на эволюцию эротики.

В 1933 году в Чехословакии вышел эпохальный скандально-сенсационный фильм «Экстаз», в котором актриса Хеди Ламар появилась в чем мать родила в сцене купания, а также в весьма правдоподобных любовных сценах. В Америке копия фильма была демонстративно сожжена.

Если приблизиться к нашему времени, то придется заметить, что в послевоенные годы эротика настойчиво отвоевывает себе место на экране. Теперь к ней относятся не как к фривольности, а как к части эстетики, к художественной задаче автора. В самом деле, без эротики нет Бергмана, Феллини, Висконти, Антониони, Пазолини, Роже Вадима, Алена Рене, Луи Малля. Режиссеры, люди очень самовлюбленные и нетерпимые, в вопросе эротики поддерживали друг друга безотказно. Отвоевывая право на эротику, они, по сути дела, боролись за свободу выражать свои мысли в тех образах, которые представляются им наиболее адекватными. Прекрасный пример такой взаимоподдержки - главный приз жюри Каннского фестиваля 1961 года фильму Луиса Бунюэля «Виридиана», запрещенному для проката во Франции и Испании. В 1962 году выходит на экраны «Лолита» Стенли Кубрика, на годы запрещенная в Америке Католическим легионом благопристойности.

"Не имей сто рублей,
а имей двух грудей", -
сказала однажды
Фаина Раневская.

Правда, не про Моника Беллуччи

В Швеции самой скандальной фигурой становится режиссер Вильгот Шеман. Его фильм «491», в котором несколько парней подвергают всевозможным сексуальным унижениям проститутку, шведская цензура запретила. Следующая его картина «Постель для брата и сестры 1782», лирико-эротическое изображение кровосмесительной связи брата и сестры в восемнадцатом веке, вызвала скандал и очередной запрет, хотя и более кратковременный. В 1967 году новый фильм Шемана «Я любопытна — желтый» был сознательно провокационным. Его героиня, журналистка, встречается с разными знаменитыми людьми, включая русского поэта Евгения Евтушенко, а затем весьма откровенно рассказывает о своих любовных похождениях, правда, здесь в числе знаменитостей Ев-

тушенко замечен не был. В том же году выходит «Дневная красавица» Луиса Бунюэля с Катрин Денев в роли респектабельной дамы из высшего света, которая днем, пока муж на работе, подрабатывает в борделе.

Забавно, но мужская нагота не была столь раздражающей для цензоров, как женская. Голый зад Энтони Куина в «Греке Зорбе» или обнаженная спина Брандо в «Трамвае Желание» проходили без сучка, без задоринки, а вот те же места у женщин приводили к запрету фильма. Глава Католического легиона объяснял это так: «Да, это двойной стандарт. Потому что голый мужской зад вряд ли способен возбудить нормального зрителя, а женский может стимулировать похоть». Интересно, что сказал бы отец Салливан сейчас?!

Кстати, гомосексуализм впервые был показан в кино в фильме Джозефа Манкевича «Внезапно прошлым летом». Впервые любовная сцена между белой женщиной и черным мужчиной появилась в фильме «100 винтовок». А первым нудистским фильмом принято считать «Лисицу» Рассы Майера, где были показаны в том числе и групповые половые акты, что принесло картине и ее создателю беспрецедентную популярность. Расса Майера признали первым режиссером-звездой сексуального кинематографа, его фильмы причислили к классике, а его имя появлялось в титрах перед названием фильма.

В 1969 году Дания становится первой страной, где полностью отменяется цензура. И именно благодаря этой сексуальной кинесвободе возникает жесткое разграничение порнографии и

эротического кино. Первое показывают в специализированных кинотеатрах «красных фонарей», где введен возрастной ценз. Все остальные фильмы, в которых эротика обусловлена художественной необходимостью, авторской идеей, где обнаженные тела сплетаются в любовной страсти, но показ половых органов табуирован, идут первым экраном.

В 1972 году вышли три фильма – «Глубокая глотка» Джерри Жерара, «BP: Мистерия организма» Душана Макавеева и «Последнее танго в Париже» Бернардо Бертолуччи, после которых эротическая цензура, можно сказать, пала сама собой повсеместно. В «Глубокой глотке» героиня ведет активную половую жизнь, но удовольствия от нее не получает. Она отправляется к врачу, который обнаружи-

вает, что клитор у женщины находится глубоко в глотке. Публика валом валила в кинотеатры, чтобы посмотреть на уникальную технику орального секса, демонстрируемую актрисой Линдой Лавлес. «BP: мистерия организма» являла собой взрывную смесь мата, секса, антикоммунизма и фрейдизма. Социалистическая Югославия изгнала со своей территории режиссера на долгие годы. «Последнее танго в Париже», запрещенное у себя на родине, в Италии, в Париже шло первым экраном несколько недель. Особый шок у Ватикана, запретившего показ ленты на Аппенинах, вызвала сцена анального изнасилования, да и вообще садо-мазохистские сексуальные отношения стареющего американца, приехавшего в Париж на похороны жены, и юной

Кадр из фильма
«Демон-любовник»

девушки из благопристойной буржуазной семьи расценивалась как поправление всех и всяческих основ морали. После такого «тройного удара» цензура уже не оправи-лась. Но что самое любопытное, скандализировать общественное мнение больше, чем это сделали вышеназванные фильмы, было уже невозможно. Народ привык к отсутствию табу на секс легко и быстро. А демонстрация первой «Эммануэли» в крупнейших кино-театрах Парижа на протяжении восемнадцати недель лишь до-вершила дело.

С тех пор нет ничего невоз-можного для секса в кино, но лишь изредка кое-что нас «заво-дило». Например, «9 с половиной недель» и сцена у холодильника, когда Ким Бейсингер, вся в слив-ках и клубнике, доводит дооргазма заторможенного в эротическом плане героя Рурка. Или сцена допроса Шарон Стоун в «Основ-ном инстинкте», когда героиня решает положить ногу на ногу и зрители вместе с обалдевшими полицейскими обнаруживают, что на ней нет трусиков. В прошлом году молва приписала «Секре-тарше» эротизм на грани порно, а нынче соперничают за право быть главным эротическим хитом французская «Необратимость» с Моникой Беллуччи и Венсаном Касселем, а также с проститутка-ми-транссексуалами, гей-садо-мазо и кокаиновыми вечеринками, с иступленной любовью и жесто-ким анальным изнасилованием, и французский же «Демон-любownik» о порноинтернет-сайте, где исполнят любой ваш самый жестокий, самый садист-ский заказ на ниве секса. И все же есть во всем этом налет наду-

манности, нарочитости, желания авторов встряхнуть зрителя. Да, трудно создавать трепетное, про-воцирующее эротическое кино, ведь мы живем во время, когда полная мужская и женская обна-женка стала совершенно нор-мальной вещью, которая мало кого возбуждает. И то правда - зачем нормальному человеку смотреть, как это делается, разве не проще заняться этим самому с подходящим объектом, благо ле-то нас почти обнажает.

НУ А ТЕПЕРЬ к репертуару. И начнем с мелодрамы, чтобы не выпадать из любовного настрое-ния. Фильм «Сердце не здесь» снят итальянским режиссером Пупи Авати. Станный жребий выпал этому талантливому и профессиональному человеку. Его знают только на родине. Но даже там он никогда не входил в первую десятку мэтров. Так слу-чилось, что дебютировал Пупи Авати на рубеже семидесятых годов, когда в национальном кинематографе одновременно жили и трудились режиссеры всех поколений - от основопо-ложников нового искусства (вро-де Блазетти и Солдати) до нис-провергателей (вроде Бертолуч-чи и Беллокио). И все как один живые классики. С первых же фильмов Авати показал себя художником с тонким вкусом, с изысканной визуальной культу-рой и прекрасным рассказчиком камерных историй, да еще от-менным профессионалом (каж-дый год он выпускал по фильму, а то и по два). Он привозил из Канн «Пальмовые ветви», он получал в Венеции «Золотых львов Святого Марка», его

Герои фильма
«Сладкие-16»

фильмы лидировали в национальном прокате, но, тем не менее, он всегда оставался в тени своих великих современников, хотя некоторые из них своим величием обязаны случаю. Вот такая судьба. Но сейчас все чаще и чаще голодное наше телевидение предлагает его фильмы, не понимая и не объясняя нам, зрителям, как талантлив этот непризнанный человек. Если вы встретите его фамилию в TV-программах, не поленитесь посмотреть - получите удовольствие от хорошего кино, иронично и по-доброму взирающего на человеческие слабости. Вот и новый фильм рассказывает историю тридцатипятилетнего холостяка, от которого отец (Джанкарло Джаннини) требует одного - жениться. А тот и рад бы, но, будучи человеком от природы застенчивым и искренним, он

мечтает найти родственную душу. И находит - он влюбляется в прекрасную, богатую молодую женщину, у которой есть только один недостаток - она слепа. Как поступит герой: будет любить ее вопреки молве или откажется от своего счастья в угоду все той же молве? Фильм, действие которого происходит в двадцатые годы прошлого века, очень стильный, а по нежности и чистоте сравним с «Огнями большого города» Чарли Чаплина, где, если вы помните, бродяга влюблялся в слепую девушку.

Еще один европейский автор и еще один европейский фильм «Сладкие - 16». Несмотря на название, он не о любви, а о горькой стороне жизни. Кен Лоач - один из немногих английских режиссеров, не испытывающих страха от серьезных тем. Он снимает реалистические фильмы о

проблемах, которые остро стоят перед страной и властьпредержащими. Этакий социалистический реалист с берегов туманного Альбиона. Лоач снимает не жанровые, а жизненные фильмы. И даже артисты у него работают непрофессиональные, взятые «с улицы», но работают так, что выворачивают душу. В его новом фильме, действие которого происходит в одном из самых бедных городков Шотландии, Гриноке, нет ничего «сладкого», «милого», «приятного» и тому подобного, что может предложить англо-русский словарь на слово «sweet». Шестнадцатилетний Лайам едва ли найдет место в жизни, едва ли его ждет завидное будущее, но, несмотря на это, он старается быть хорошим сыном, любить близких. Однако жизнь устроена так,

что все дороги ведут в тюрьму. Когда его сестра, ставшая матерью, не достигнув совершеннолетия, и его девушка совершают кражу, он берет их вину на себя. Правда, хозяин, которого обокрали, готов простить долг, если Лайам убьет его врага. Лоач пессимист, и истории, которые он рассказывает, безысходны. Но, кроме боли, в них есть сострадание, то небольшое, что он просит своих зрителей дать обездоленным. Американское жанровое кино всячески отучает нас от этого чувства и от правды. Давайте сопротивляться, давайте оставаться людьми, говорит Лоач. Сценарий фильма удостоен премии в Каннах.

А вот английская комедия «Будь как Бэкхем» тоже о шестнадцатилетних, но судьба их не

Кадр из фильма
«Будь как Бэкхем»

столь печальна. Это не просто английский фильм, а фильм, снятый иммигранткой из Индии. Да, Болливуд продолжает завоевывать не только Америку, но и старушку Европу. «Свадьба в сезон дождей», снятая в Голливуде режиссером Мирой Наир, родом из Индии, в прошлом году произвела фурор по обе стороны океана. В этом году еще одна дама-режиссер, родившаяся в Кении от родителей-индусов и позднее переехавшая в Лондон, выпустила на экраны комедию, которая стала чемпионом по сборам и веселью. История очень простая. Девушке по имени Джесс восемнадцать лет. Родители, выходцы из Индии, мечтают только об одном: чтобы дочка получила диплом юриста и научилась готовить национальные блюда, сохраняя таким образом национальные традиции и отдавая дань европейской культуре. Но Джесс мечтает совсем о другом - она хочет научиться играть в футбол, как ее кумир Бэкхем. И когда однажды во время тренировки в парке ее замечает тренер женской футбольной команды, Джесс, не раздумывая, принимает предложение стать профессиональным игроком. Так начинается ее тайная жизнь. В роли отца Джесс выступил звезда Болливуда Анулам Кхер, это его англоязычный дебют. В массовке снималась также многочисленная родня режиссера, естественно, за «спасибо», что позволило уложиться в крошечный бюджет. Фильм получил приз зрительских симпатий на фестивале в Локарно, с аншлагом прошел в Англии и уже покориł многие европейские страны. Если Болливуд шагает по планете, то,

может быть, и Мосфильму недолго ждать осталось победных релизий на европейских экранах.

Продолжая европейский обзор, завернем во Францию, где семидесятидвулетний Клод Шаброль в новом фильме «Цветок зла» продолжает сохранять верность своему кинематографическому призванию - он извлекает скелеты из скрипучих шкафов провинциальной французской буржуазии. За пятидесятилетнюю кинокарьеру Шаброль снял несколько десятков психологических триллеров, в которых всегда предпочитал играть с открытыми картами. Есть трупы, есть подозреваемые, но установление личности виновного для Шаброля лишь часть дела. Его гораздо больше интересуют семейные тайны, причем порой весьма давние. Некое семейство богатых и уважаемых представителей клас-са буржуазии получает анонимку. Анонимка «приурочена» к выборам Анны (Натали Бай) на должность мэра, поэтому в ней содержится угроза семейных разоблачений, к которым сама Анна отношения не имеет. Автор анонимки обещает рассказать избирателям о том, что ее дед был фашистом и убийцей и что есть некая автокатастрофа, причины и виновники которой до сих пор не найдены. Кто автор? Прикинув, Анна понимает, что список претендентов велик: от мужа, завидующего успехам жены, до родственников и коллег-соратников. Используя американское слово «триллер», мы в общем-то отступаем от истины, потому что фильмы Шаброля все-таки классические психологические детективы: Этим и замечательны.

Франко-туниССкий мюзикл «Красный атлас» - еще один пример популярного в Америке и в Европе так называемого «этнического» кинематографа. Этнический кинематограф совсем не обязательно использует фольклорные мотивы. Напротив, он рассказывает современные истории, интересные образованному европейцу, за плечами которого богатый и разносторонний культурный опыт. Любопытно, что в большинстве случаев завоевать зрителей удается режиссерам-женщинам. На этот раз речь идет о туниске Райе Амари, которая на французские деньги (Тунис был колонией Франции и браво французам, поддерживающим «свои» территории) сняла фильм о двойной жизни своей соотечественницы, тунисской домохозяйки. История очень простая и абсолютно конкретная. Лилия вдова, она живет вместе с юной дочерью. Серая и унылая жизнь между магазинами и плитой превращает

сорокалетнюю женщину в опустившуюся, малопривлекательную, без надежд на будущее старуху. Но однажды совершенно случайно она попадает в кабаре, где открывает для себя танец живота, танец жизни. Ведь живот - это устаревшее, малоиспользуемое значение слова «жизнь». Метаморфозы, которые происходят с Лилией, способны поразить воображение любой женщины. Меняется все ее тело, она становится сексуальной, притягательной, женственной. Режиссеру удалось избежать неуместного комикования, но сохранить иронию. В фильме нет ни нравов, ни морализаторства, но есть правдивое повествование о том, как женщина возрождается к жизни вопреки традициям, которые предписывали ей отказываться от себя, от притязаний на личную жизнь, на счастье.

СТАРУШКА ЕВРОПА, конечно, интересна, но без Америки в нашем прокате никуда. Так что пе-

Сигурни
Уивер
(фильм
«Головастик»)

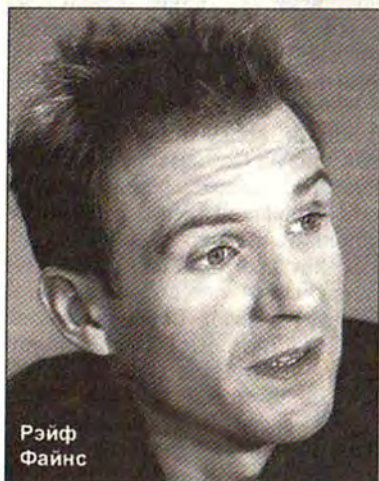

реплывем через океан, чтобы посмотреть фильм «Головастик» с Сигурни Уивер в главной роли. Наверное, пятидесятилетняя Сигурни, которая выглядит лучше, чем во времена ее борьбы со всевозможными «чужими», самое потрясающее в этом фильме. Фильм получил премию на кинофестивале в Сандэнсе за лучшую режиссуру, хотя и принадлежит к числу малобюджетных картин. Впрочем, на фестивале Роберта Рэдфорда в Сандэнсе трудно кого-нибудь удивить бюджетом в 150 тысяч долларов. Но когда такой фильм собирает в прокате три миллиона баксов, то начинаешь относиться к нему с большим уважением и интересом. Оскар Грубман мог бы быть блестящим сорокалетним нью-йоркцем с шикарными апартаментами на Ист-Сайде. Он широко образован, не чужд философским спорам, цитирует Вольтера. Его проблема

лишь в том, что на самом-то деле ему всего пятнадцать лет и он учится в закрытом колледже, где его не оставляет подростковая мечта переспать со своей мачехой Ив, красота и зрелость которой в буквальном смысле затмевают всех его одноклассниц. Он приезжает домой на День благодарения и начинает претворять свой план в жизнь. Но помехой, впрочем, вполне приятной, оказывается подруга Ив, положившая глаз на Оскара и решившая с помощью юного любовника вернуть утраченный вкус к жизни и наполнить ее первозданным сексом. Как всегда, слишком интеллигентные и слишком головные фильмы теряют большую часть зрителей, которые предпочитают простоту и незамысловатость. Но чья же в конце концов беда: стремящихся к оригинальности творцов или нерадивых зрителей, привыкших к буэнош жвачке? В

зависимости от того, как вы ответите на сей вопрос, и решайте, идти на фильм или нет.

НУ И долгожданные триллеры на финал. «Паук» режиссера Дэвида Кроненберга. Имя Дэвида Кроненберга ласкает глаз и слух любителей хоррора. Они сразу же начинают предвкушать нечто интеллектуальное, сексуальное и фантазийное, щекочущее нервы. Они вспоминают, например, его «Муху» и полагают, что «Паук» будет так же отвратителен и страшен, тошнотворен и уродлив. Но Кроненберг никогда не пугает просто так: случайный маньяк, дюжина жертв, а дальше леденящая душу неизвестность. У Кроненберга страшное гнездится в глубинах человеческой психики, иногда в незаурядном интеллекте, иногда в богоданном таланте. По Кроненбергу, каждый человек уязвим, в каждом таятся неподвластные ему процессы, некое второе «я», мрачная и зловещая

Рэйф
Файнс

Миранда Ричардсон
(фильм
«Паук»)

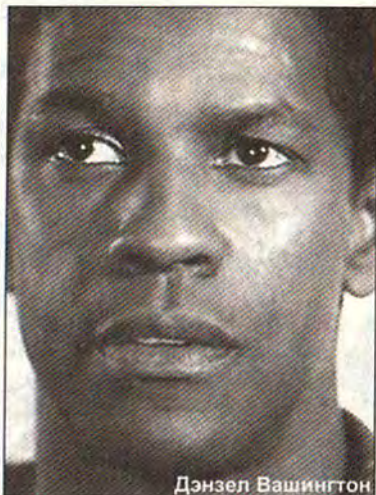

сторона натуры. Порой этот двойник вырывается наружу, разрушает личность, вынуждает ее совершать чудовищные поступки. Вот и в новом фильме Кроненберг пытается рассказать от первого лица историю человека, мозг которого поражен недугом. Другими словами, рассказчиком в фильме оказывается некто Деннис Клег (совершенно потрясающий английский пациент Рэйф Файнс, который в картине практически лишен текста и обходится лишь бормотанием), сумасшедший, решивший познать себя так, как ему позволяет его покалеченная ментальность, его непредсказуемая и неадекватная, с точки зрения нормального человека, эмоциональность. На этот раз паук не материализуется. Есть только паутина, которая туго оплела всех участников драмы. Отец убил мать, добрую, нежную женщину, любившую малыша и называвшую его Паучком. Затем привел в дом подружку, алкоголичку и проститутку, удивительным обра-

зом похожую на мать. Мальчик силится понять, почему добро и зло так похожи? И сходит с ума. Кроненберга интересно смотреть, потому что он всегда расширяет наше представление о себе. Хотя и весьма спорным образом.

Еще один триллер «Жизнь Дэвида Гейла» знаменует возвращение Алана Паркера в кинематограф. Английский режиссер, писатель, сценарист, проработавший в Голливуде почти двадцать лет, в 1997-м вернулся в Англию и возглавил Британский киноинститут. Но не случайно говорят, что кино - это бацилла, от которой нет спасения. И Паркер вновь встал за камеру, чтобы снять фильм, который теперь некоторые критики называют самой циничной лентой из всех когда-либо виденных ими. Кевин Спейси играет ученого из техасского университета, яростного противника смертной казни, который - жизнь подбрасывает сюжеты! - сам оказывается приговоренным к электрическому стулу. Интрига оказывается сложнее, когда герой Спейси накануне казни решает рассказать свою историю газетчикам.

Неожиданным превращением в режиссера порадовал своих поклонников актер Дэнзел Вашингтон. Вообще-то в едва наступившем 2003-м году сразу два актера дебютировали в режиссуре. Оскаровский лауреат и в высшей степени положительный герой своего времени Дэнзел Вашингтон снял фильм «Антуан Фишер», а скверный мальчик «без лица», угнавший «самолет-торьму» Николас Кейдж дебютировал фильмом «Сынок» о мужчине-проститутке, сутенером которого стала его собственная

Дэнзел Вашингтон

матушка. Фильм Кейджа получил у критиков одну звездочку из пяти, а фильм Вашингтона - целых четыре, поэтому несколько слов о нем - артисте-отличнике и новоиспеченном режиссере хорошисте. В основе фильма реальная автобиографическая история человека и сценариста, имя и фамилия которого дали название фильму. Он тоже дебютант, сирота, матрос, потом охранник на киностудии. Фишер никому не хотел продавать свою историю, он закончил сценарные курсы и сам ее написал. А Вашингтон снял фильм о том, что цель в жизни и помощь хороших людей могут заменить человеку мать, которая умерла, дав ему жизнь, и отца, который его бросил на произвол судьбы.

Так что дерзайте, друзья, и вы! На любой ниве - карьеры или любви! А лучше на той и другой, ибо жизнь, собственно говоря, из двух этих нив и складывается.

Елена НИКОЛАЕВА

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ

Перевод с венгерского Е.Калитенко и Ю.Рогова

Продолжение. Начало в №№ 9-12 за 2002 год, №№1-4 за 2003 год

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

ДИТЯ СНОВИДЕНИЙ

Если алхимик способен в своей бурлящей пробирке приготовить средство, дающее вечную молодость, то есть *побеждающее смерть*, то почему бы ему не добиться победы на другом полюсе, там, где торчит вечный вопрос тайны рождения? Почему бы ему не вызвать к жизни *искусственного человека*?

Гомункулус, человек, искусственно созданный, - со времен Парацельса - удивительного человека, в котором

смешались успешно практикующий врач, колдун, изобретатель и оккультист смутных верований - начинает все более искушать. До тех пор о нем ходили какие-то туманные понятия. Парацельс был первым, кто дал точные указания, каким образом его надо производить на свет: «Много споров шло вокруг того, дала ли природа и наука нам в руки средство, с помощью которого можно было бы произвести на свет человека без участия в том женщины? По-моему, это не противоре-

чит законам природы и действительно возможно. Приступать к этому надо так: положи в пробирку щедро человеческих яйцеклеток, запечатай, сорок дней держи в тепле, кое соответствует теплу внутренностей лошади (то есть зарой в конский навоз), пока не начнет бродить, жить и двигаться. В ту пору он уже обретет человеческие формы, но будет прозрачен и нематериален. Следующие сорок недель каждодневно с тщательностью надо питать его человеческой кровью и держать в том же теплом

месте, на что из него станет настоящий, живой ребенок, точно такой же, как и рожденный от женщины, только намного меньший. Это то, что мы зовем *гомункулусом*. Далее воспитывать его следует с заботой и прилежанием до тех пор, пока вырастет и начнет подавать признаки разумного существа».

Продолжение теряется в характерном для Парацельса смутном тумане. Но все же выясняется, что гомункулус - существо полезное, потому что обязанный жизнью науке, он все знает безо всякого

ученья и может привести своего хозяина к великим победам.

Похоже, что шарлатан удовольствовался собственной наукой и не прибегал к советам искусственного человека, потому что его биографам ничего не известно о том, были ли в кругу его семейства гомункулы. Работы последовавших за ним алхимиков также умалчивают об опытах вокруг выращивания младенцев в пробирках.

Итак, согласно учению Парцельса человеческие существа можно создавать и без *участия женщины*. Если эта теория справедлива, то из этого следует, что женщины могут производить детей на свет способом, отличным от естественного.

И у нас есть тому доказательство, к тому же в форме *судебного приговора!*

Благородный сеньор по имени Ожемер из города Монпелье поступил на службу к кардиналу Валетту и удалился вместе с ним в Эльзас. После четырех лет на чужбине он усоп. По различным причинам супруга его не могла сопровождать мужа ко двору кардинала, а оставалась в их замке во Франции и провела четыре года в честном одиночестве.

Очень удивились младшие братья усопшего, господа Де Ла Форж и Де Бурж-ле-Монт, когда через некоторое время после смерти своего брата они узнали, что госпожа Маделина, вдова, находится в *благословенном положении*.

Удивление их переросло в возмущение, когда им сообщили о наступлении радостного события, что вдова дала жизнь *мальчику*. Конечно, они бы недолго разбирались с нравственностью своей невестки, да только мальчика записали в книгу как законного сына покойного господина Ожемера, а затем, как тому положено быть, ввели в права *законного наследования* всех благ, оставленных усопшим господином.

Этого проглотить уже было нельзя. Оба брата начали процесс о признании незаконности рождения. Результат можно было предвидеть. Когда подтвердилось, что вдова четыре года в глаза не видела мужа, суд постановил, что муж не может быть отцом, а потому ребенка признал незаконным и лишил права наследования.

Вдова не успокоилась этим приговором. Она подала жалобу в гренобльский парламент (в те времена парламент исполнял функции верховного суда). Она жаловалась, что во время отсутствия мужа вела чистую и добродетельную жизнь, не допуская мужчин близко, поэтому абсолютно исключено, что отцом ребенка был чужой мужчина. А незадолго до своей смерти муж навестил ее - но не в действительной жизни, а во *сне*. Однако во сне все происходило так, как это обычно бывает промеж супругами. Вскоре сказались и последствия, и тогда она тут же рассказала этот случай

многим свидетелям. Она потребовала допросить свидетелей, а также специалистов.

И тут последовал поворот, от которого у многих трезво мыслящих людей отвалился подбородок.

Гренобльский парламент *потребовал доказательств.*

Заслушали свидетелей - благородных дам. Они клятвою показали, что госпожа Маделина уже на самой ранней стадии своего положения рассказала им чудесный сон свой и заверила их, что никогда не имела дела с чужими мужчинами, стало быть ребенок, которому предстояло родиться, может быть только плодом чрезвычайно ясного сна.

Этот ценный материал доказательств подтвердили четыре акушерки: ученые дамы единогласно показали, что вещь эта в самом деле возможная, они имеют сведения о нескольких подобных случаях.

Суд был добросовестен. Он не удовлетворился показаниями армии женщин. Были вызваны в качестве экспертов четыре авторитетнейших врача. Подробно аргументированное мнение экспертов было таково, что случай не столь уж невероятен. Один из самых веских аргументов они нашли в *турецких гаремах*, где, по словам экспертов, хотя женщины совершенно закрыты от внешнего мира и муж не всегда исполняет свои супружеские обязанности, но его одаривают плодами односторонней к нему любви.

Гренобльский парламент положил эти веские доказательства на чашу весов, и они тут же потянули в пользу мадам Маделины. Беспримерное постановление суда гласило так:

«Принимая во внимание доказательства, соображения и аргументы, представленные врачами города Монпелье, акушерками и другими должностными лицами по поводу возможности и достоверности означенного факта, суд постановляет объявить означенного ребенка законным сыном и наследником господина Ожемера. Суд обязывает господ Де Ла Форж и Де Бурж-ле-Монт, как истцов, означенную женщину Ожемер объявить честной и добродетельной госпожой, а по вступлении настоящего постановления суда в силу составить письменное подтверждение тому. Подписано 1637 года февраля 13-го дня».

Это уже более чем много. Пусть ребенок носит имя, пусть владеет имуществом, но составлять «удостоверение о нравственности» распутной невестки и потом годы сносить насмешки общества города Монпелье - это уж нет. Совершенно очевидно: город сговорился в интересах вдовы. «Отец во сне» умер, не мог вмешаться, но только настоящий отец сидел себе в каком-то высоком чине и держал оттуда нити этой странной марионеточной игры.

Оба брата, огорченные, подали кассацию в суд третьей ступени. В те времена это

был по закону парижский верховный суд. Сюда руки монпельерских и гренобльских заговорщиков не достигали. Верховный суд скоренько навел порядок. Он отменил гренобльский приговор, объявил дитя сновидения незаконным и лишил наследства.

Венгерская поговорка по поводу решения монпельерского парламента и компетентного мнения врачей сказала бы: *из пустой дыры пустые ветры дуют*. И попала бы в точку, потому что в те времена крепко придерживались одного старинного научного суеверия, согласно которому *ветер имеет оплодотворяющую силу*.

Уже в который раз мы наталкиваемся на источники этой своеобразной физиологической теории. Вергилий поет задумчивые стихи западному ветру Зефиру, который, оказывается, способен взять на себя роль отцов в табунах, неся материнство кобылам без участия жеребцов. Это чудо Плиний облачает в научную форму и с присущей ему лапидарностью говорит так: «Известно, что в Португалии в окрестностях Лиссабона и Тахо кобылы поворачиваются к западному ветру и от животворящей силы его зачинают. Такой жеребенок будет очень скор, но не проживет более трех лет».

Гренобльский парламент, возможно, и не посмел бы выступить с таким лихим приговором, если бы в те времена все еще не пережевыва-

лось классическое жаркое допотопных новостей. Если португальские кобылы вырвались за пределы законов природы, почему бы того же не сделать французской благородной даме, особенно если она это проделала с собственным мужем или, по крайней мере, с его образом во сне.

ВОССТАНИЕ МЕРТВЕЦОВ НА КАИРСКОМ КЛАДБИЩЕ

Наука продолжала мотать нити мистического кокона, заключающего тайны жизни человеческой. В пробирках одних лабораторий велись опыты по созданию искусственной жизни, в других – надменная самоуверенность желала вынудить к новой жизни *саму смерть*. Но не об обычных тенях и духах пойдет речь, а о совершающихся ясным днем на глазах у всех настоящих попытках восстания мертвых. Так сказать, имеющие кредит доверия путешественники подали весть об этом чрезвычайно удивительном событии, а наука на этот раз осталась в долгу по части объяснений.

Вблизи Каира, в полумиле от города, есть заброшенное кладбище. Каждый год в конце марта в последний четверг толпы любопытных валом валют из города на кладбище, чтобы поглядеть там на неслыханные вещи. Потому что каждый год в этот день покоящиеся там веками повторяют свои попытки восстать.

Земля как бы корчится в

родовых муках, то рука протянется из земли, то нога выскочит и снова опустится. То тут, то там на поверхности земли покажется человеческая голова, иногда все человеческое тело выберется на Божий свет, но только по пояс, потом снова опустится в необозначенную, неприбранную могилу. Пусть никто не думает, что это Фата Моргана разыгрывает обманчивой игрой простодушных путешественников. Туда можно пойти, даже можно потрогать извивающиеся, подергивающиеся части тела. Многие путешественники так и делали. Один из них, совсем осмелев, хотел поднять кудрявую детскую головку, но арабы закричали: «Кали, кали, анте, матрафде!» То есть: оставь, оставь, ты не знаешь, что это! С четверга до субботы продолжается эта призрачная игра, потом земля перестает корчиться, и мертвые покоятся в мире до следующего года.

Чем дурачили арабы путешественников? Этого никто не знает. Может быть, кладбище было местом захоронения мумий? Но у мумий руки ноги не движутся и не извиваются. Я сыскаю на Симона Гулара, который решил вопрос так: «Оставляю приговор читателю, чтобы думал об этом, что почтет за благо».

СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ

В порядке вступления я должен дать отчет в нескольких премудростях.

Одно дело - секрет долгой жизни, и другое - вечной молодости.

Среди долгожителей почетное место принадлежит уроженцу Караншебеша Яношу Ровину и его жене Шаре. Муж прожил 172 года, жена 164, из этой массы лет 147 они провели подле друг друга в довольном и счастливом супружестве. Секрет долголетия этой пары стариков объясняется в одной написанной про них статье так:

«Пропитание их обоих составляло молоко да печеные в золе кукурузные пампушки. Кто, значит, долгую жизнь желает прожить, учится пусть по примеру ихнему скудно и умеренно, хлебом и молоком, а за отсутствием одного водою пробаиваться».

Какою бы заманчивой не казалась перспектива провести 147 лет при одной и той же супруге, прилежно употребляя молоко и мамалыгу, зажиточное человечество все же выбирает краткую жизнь, а разницу уравнивает радостями накрытого стола.

Хотя уже школа в Салерно сформулировала секрет долгой жизни: ясность души, покой и умеренное питание. Медицинская наука с тех самых пор не перестает долбить в уши это тройственное питание и бедному и богатому. Ректор падуанского университета *Рамаззини* составил для *царствующих особ* в отдельности указания, как сохранить здоровье. Он советует царственным особам не

есть и не пить слишком много, воздерживаться пламенных страстей, а развлечения их должны быть достойными их сана. А если где-то вспыхнет эпидемия, - так завершает свои медицинские советы профессор, - властитель немедленно должен покинуть свой город и перенести резиденцию в другое место.

Вполне понятно, что именно в падуанском университете умеренность имела таких авторитетных знаменосцев. Все-таки здесь жил и умер *мировой рекордсмен* в умеренности - *Лодовико Корнаро*.

Этот венецианский дворянин до сорока лет жил совершенно противоположно тому, что провозглашала школа Салерно. Когда излишества привели его почти на край могилы, он вдруг круто свернул с широкого пути светских радостей на узкую тропу умеренности. По этой тропе он ушел далеко. Ему было восемьдесят три года, когда он обобщил свой опыт в диссертации. Через три года он развил ее еще в одном исследовании, через пять лет еще в одном. И он полагал, что не мешало бы и дальше копить опыт в интересах дела. Подождав еще семь лет, наконец, в *девяноста восьмилетнем* возрасте он собрался и выступил перед общественностью с итоговым исследованием, получившим большую известность, - «Беседы о трезвой жизни». Еще шесть лет наслаждался он безболезненно скромными радостями старческого воз-

раста и в 104 года, в 1556-ом, апреля 26 дня, сидя в своем кресле, тихо заснул навеки.

Книга эта - гимн умеренности, которая, по его мнению, есть дочь разума, мать добродетелей, опора в жизни; богатого учит разумно наслаждаться изобилием, бедного - безропотно сносить нужду. Очищает чувства, укрепляет тело, ослабляет оковы, привязывающие к земле, поднимает нас над самими собой и т. д.

Только известной книгу сделали не эти, без сомнения, мудрые и прекрасные заявления. Описанию *диеты*, на протяжении десятилетий выдержанной с железной волей, обязана она тем, что намного пережила вековую жизнь самого автора. Даже *сто пятьдесят лет* спустя она значилась в списке лекций падуанского университета.

Секретом системы питания Корнаро было то, что он ел-пил именно столько, сколько было совершенно необходимо для поддержания жизни. Он сконструировал точные весы и измерял на них свой дневной порцион: *двенадцать унций пищи и четырнадцать унций питья*. Одну итальянскую унцию надо считать по 29-30 граммов. На этом тюремном рационе он достиг своего восьмидесятилетия, когда его семья начала опасаться, что такая великая умеренность все же пойдет ему во вред. Старый синьор уступил соблазнам и увеличил свой порцион на

две унции. Но этим скромным излишком он так перегрузил свой желудок, что слег, и уже думали, совсем погибнет от навязанной ему неумеренности. С большим трудом он выкарабкался из этого расширения желудка и тогда заявил, что с этих пор желает жить только своей головой и просит оставить его в покое.

Упрямый старец продолжал мучить дочь разума и мать добродетелей до тех пор, пока ему не удалось настолько ослабить оковы, привязывающие его к земле, что опора его жизни скукожилась до двух яичных желтков в день. Вкусал он их в два приема: один на обед, другой на ужин.

Совет, соответственно, прозвучал так: «Кто, стало быть, хочет прожить долгую жизнь, пусть научится по примеру синьора Корнаро жить двумя яичными желтками в день...»

ИСТОЧНИК ЮНОСТИ

До сих пор я писал о вещах мудрых. Продолжение уже просится под заголовок моей книги.

Апостолы умеренности смогли сколотить лишь кое-какой маленький лагерь. Человечество не претендовало на такую долгую жизнь, которую надо было владеть на мамалыге и яичнице.

Вместо такой серой действительности перед ним сияла радужная мечта: сон вечной юности. Начиная еще с мифологических источников

юности до современных экспериментов с пересаживанием человеку обезьяньих желез, снова и снова вспыхивала дразнящая воображение мысль о том, что должно же быть какое-то чудо-средство, которое без долгого и горького самомучительства, в краткий срок, может вернуть юность дряхлеющему организму.

Согласно греческим мифам секретом вечной красоты Геры было то, что богиня время от времени приходила к источнику юности и купалась в нем. Скандинавские мифы помещают чудесный источник Югбруннент в замке Идуны. Рыцарские романы тоже поминали источник вечной юности. А когда началось открытие новых, неизвестных доселе земель, к сокровищам южного полушария был причислен и чудо-источник. После открытия Америки идея обрела плоть, и один предприимчивый конквистадор снарядил два корабля (!) специально с целью отыскать пресловутый источник.

Понс де Леон - так звали испанца, Бимини был тот предполагаемый остров, где бьет ключ, преобразующий старцев в юношей. Твердо, готовые на все, закаленные в битвах завоеватели ринулись через неизвестное море, к неизвестному острову. Не компас науки вел слепое предприятие, а глупая болтовня полудиких туземцев. Ничто так не характерно для сотканной из мужской реши-

мости и детской доверчивости авантюрной души, как умение превратить мыльные пузыри рыцарских романов и индейских вак в путеводную звезду. Очень вероятно, что ненавидящее завоевателей туземное население точно так же разыграло их сказками про волшебный источник на Бимини, как манило золотом Эльдорадо, только бы ушли с их шеи подальше.

Конечно, Понсе де Леон нигде не нашел Бимини, зато пристал у прекрасной, покрытой цветущими лугами местности. Потому он и окрестил ее по удивительно красивым цветам *Флоридой*. Немного огляделся здесь в поисках источника, потом ему все это надоело, и он уплыл домой, еще более и старше, чем когда отправлялся в путь.

Неудача экспедиции на Бимини отрезвила жаждущую омолодиться древнюю Европу. Стало ясно, что источники вечной юности, собственно говоря, - *целебные воды*, оказывающие благотворное действие, и только лишь пары легенд раскинули над ними радугу, манящую омоложением, но, увы, недостижимую.

ПОМОЛОДЕВШИЕ СТАРЦЫ

Но человечество не могло успокоиться, что его лишили самой красивой мечты.

Хотя Источник Юности и не существует, *помолодевшие люди* все же есть. Серьезные ученые, известные путешественники уверяли, что встречали таких.

Наиболее известен случай с *княгиней-монахиней Монвьедро*. Святой жизни девица с миром отметила свое *сто-летие* в обители, когда с нею свершилось чудо. Вдруг у нее выросли все зубы, вместо седых волос отросли черные, пергаментная желтизна лица сменилась розовой свежестью. Простодушная старая дама не только не радовалась игре шутливой природы, но целомудренно стыдилась этого, тем более что в обитель стали наведываться любопытные, повалившие туда при вести о чуде.

Похожие вести приходили также из совершенно противоположного монастырям, хотя тоже закрытого мира. Поль Лукас, французский архитектор и путешественник, любимец Людовика XIV, в поездке на Восток заехал в Константинополь. Как он пишет в книге «Путешествие в Турцию», в то время как раз серьезно болела первая жена султана. О французском ученом предполагали, что он разбирается и в медицине. Султан призвал его к себе и попросил осмотреть супругу. Француза ввели в хранимое под семью замками святилище гарема. Когда он вошел в комнату больной султанши, он увидел двух прелестных молоденьких девушек, выпорхнувших из комнаты. Сопровождающий его евнух пояснил: «Султан повелел им ухаживать за больной». Француз удивился: «Как он мог решиться доверить уход за женой таким неопытным

девочкам, почти детям?» Евнух засмеялся: «Они не дети, обеим по семьдесят лет». Выяснилось, что одалиски пьют отвар некоей травы и от этого делаются молодыми. Осторожный путешественник, не желая подвергать себя осаде со стороны парижских дам, тут же прибавляет, что эту травку выращивают в саду серала и не дают ее никому.

Все чудеса омоложения преподносит история *трехсотсемидесятилетнего индуса*, судьбу которого португальский историк Лопез де Кастанеда счел достойной увековечения. Этот необычайный человек достиг мафусаильского возраста не благообразным старцем, а в молодом образе с черными волосами, поскольку за свою долгую жизнь он *четырежды омолаживался*. Свою обновляющуюся молодость он использовал мудро: то женился, то разводился с женой, то вдовел и снова женился, - словом, более или менее долго прожил в счастливом браке всего с *семьюстами* женщинами. Поскольку сие писано *придворным историком*, достоверность случая не подлежит сомнению.

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Итак, у омолаживания нет физиологических препятствий, просто надо найти *средство*, которое на отжившем теле пустит новые побеги. Есть такое средство? Есть! - отвечает алхимия.

Это такая таинственная микстура, над которой мудрецы от алхимии ломали голову и которая встречается в таинственных записях алхимиков под именем *то камня мудрости, то великого магистерия, то первичной материи, то эликсира жизни*.

Волшебная микстура не только превращает бросовые металлы в золото, но она имеет и чудесное свойство излечивать все болезни и продлевать жизнь. Она обеспечивает вечную юность и бессмертие тому счастливому человеку, которому удастся замешать этот бальзам жизни в своей пробирке или тигле. Но удалось ли кому-нибудь?

Тут красноречие алхимиков скромнеет до заикания. «Наверное, были такие, - обычно отвечают они, - кому удалось сломать печать на великой тайне. Но не хотели противиться великому закону Божьему и приказу природы, поэтому они предпочитали унести тайну с собой в могилу».

В такой аргументации столько убедительной силы, что даже не пытаюсь спорить. Лучше погляжу в алхимической литературе: а вдруг наткнулся на кого-нибудь эдакого, кто открыл эликсир жизни и употребил себе на пользу?

Я нашел всего троих. Вот они: Артефий, Фламель и мистического происхождения граф Сен-Жермен.

Артефий был известным алхимиком XII века. Велика же была слава его рукописных книг, если они хранились в

веках и в начале XVII века были даже напечатаны. В одной из книг говорится о продлении жизни. Ценность его советов тем более велика, что во вступлении автор скромно замечает, что книгу написал в *возрасте 1025 лет*. Поскольку всяк о себе лучше знает, сколько ему лет, ничего не остается, как поверить в этот именуемый почтенным возрастом; отдельные ученые и поверили. Правда, они оставили без внимания такую возможность: а вдруг какой-то досужий современник заморочил их и без того отуманенные головы?

Никола Фламель жил в Париже в XIV веке. Ученая традиция оплела его образ самыми блестящими нитями легенд. В молодости он купил за несколько франков книгу, писанную на лубке, полную таинственных знаков и рисунков. Он совершал паломничество; на обратном пути он встретил врача-еврея, который навел его на разгадку. Дома, в Париже, следуя наставлениям книги, он стал превращать ртуть в золото, притом в очень больших количествах, а огромные свои доходы тратил на сооружение церкви. Поскольку действительно некий горожанин по имени Никола Фламель делал богатые вклады в храмы, средневековое воображение соединило образ горожанина и алхимика воедино и верило всему, что молва, трубя, разносила про него. Верило настолько, что один из верящих с богатым воображением ку-

пил дом Фламеля и разобрал его до погреба - а вдруг сыщется та чудесная лубочная книга?

Обширная литература о Фламеле тащится по тупикам многих таинственностей. Нам важно только то, что Фламель знал секрет эликсира жизни. Он не умирал, а вместо себя похоронил деревянную куклу и вместе с женой уехал на Восток, где они оба были живы еще и через *триста лет*, как это было установлено одним авторитетнейшим французским путешественником.

«В Малой Азии, - пишет сей путешественник, - я познакомился с одним дервишем, который сведущ был в тайных науках. Дервиш среди всего прочего говорил о том, что знаток этих наук может продлить жизнь хоть до тысячи лет. Я упомянул Фламеля, что тот знал тайну философского камня и все же умер. Дервиш рассмеялся и сказал, что мы, французы, основательно ошибаемся. *Фламель и его супруга живы*, он ему хороший друг, и года два назад они были вместе в Индии». Автор содержащих эти интересные сведения книги - Поль Лукас, о котором известно, что все виденное им он тщательно отфильтровывал, прежде чем выступить перед обществом. В справедливости этого мы уже убедились, вспомнив виденных им в султанском гареме 70-летних девушек.

Из авантюрной истории графа Сен-Жермена скажем только, что он был доверен-

Граф
Сен-Жермен

ным человеком Людовика XV, жил ослепительно, и никто не знал, откуда он берет деньги; показывал пригоршнями красивейшие драгоценные камни, которые, по слухам, сам же и делал; был приобщен к мистическим тайнам и т. д.

Множество тайн и подозрений волновали воображе-

ние современников. Родилась легенда: граф знает тайну эликсира жизни, а потому он вечен. Естественно, тут же нашлись пожилые матроны, которые клялись, что еще их бабушки знавали графа, и тогда он выглядел также молодо, как и теперь. Сам граф никогда не говорил

открыто о своем бессмертии, но то тут, то там ронял несколько туманных слов, из которых можно было сделать вывод, что он живет на свете уже много-премного сотен лет.

Одним словом, парижское аристократическое общество точно так же верило в бессмертие графа Сен-Жермена, как и в бессмертие Фламелья. Если оно не сомневалось в существовании эликсира жизни, то почему бы ему сомневаться в результате его действия? В парижских салонах дамы шушукались, что граф знал самого Иисуса и много раз обедал с Понтием Пилатом. Когда граф узнал о сплетнях, он пожал плечами. «Если глупым парижанам доставляют радость такие несуразицы, - сказал он барону Гляйхену, - пусть развлекаются. Одно правда: я намного старше, чем думают по моей моложавой внешности».

Утка не удовлетворилась общественным мнением Парижа. Перелетела через пролив и обосновалась на страницах солидной лондонской газеты «*Лондон кроникл*», посвятившей пространную статью такому радостному событию, как приезд графа Сен-Жермена в Лондон. В статью закрались несколько строк о чудесном случае с графским эликсиром жизни. Известный случай превратился в анекдот, и все же его в те времена воспринимали настолько серьезно, что даже большой словарь Лярусса

увидел в нем пример человеческой глупости, достойный увековечения, и опубликовал эту статью в полном объеме. Часть статьи, посвященная эликсиру, звучит так:

«Одна очень высокого ранга герцогиня попросила графа дать ей несколько капель омолаживающей жидкости. Просьба исходила от столь знатной особы, что отказать было нельзя. Граф поднес склянку с наставлением, что принимать по десять капель каждое полнолуние. Герцогиня хотела скрыть это дело от своей старой камеристки по имени Рейдгонд. Скавав ей только, что это средство от колики, положила его в ящик. Вечером она отправилась на бал, и, пока там веселилась, старая камеристка, хорошо поужинав, почувствовала колики. В мучениях достала она средство и выпила его одним духом. Когда герцогиня на рассвете вернулась домой, в спальне увидела молоденькую девушку, это была старая Рейдгонд».

Однако среди многих глупостей прошлого нам на встречу зазвучал серьезный голос истины. Бэкон Веруламский высказался очень умно. *Юность, красота, здоровье* - если уж и не жизненный дух исходит от них, но жизнь духа, а вместе с ним и тело освежается и молодеет. Правда, это не та горячая юность, на которую рассчитывали сторонники эликсира жизни.

Продолжение следует

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА, или ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

КОД ДОСТУПА: РАЙ

Требования к оборудованию:

Процессор Pentium III 450 или выше

Оперативная память 128 Мб

8-скоростной CD-ROM

Свободное место на жестком диске 1,2 Гб

Видеокарта Nvidia Riva TNT2 или выше с 16Мб видеопамати

Звуковая карта

Windows 98SE/Me, Windows 2000 Professional/Server, Windows XP Professional/Home

Мышь

После неторопливого и задумчивого «Наполеона» совершенно неожиданным выглядит «Код доступа: Рай» все той же

команды «MiST Land» из города Зеленограда. На этот раз в «MiST Land» сделали оригинальную и необычную пошаговую игру, немного пугающую вначале своей киберпанковой атмосферой, но предоставляющую взамен полную свободу действий и обилие врагов. И также щедро подкупающую тактическими боями, живым игровым миром, продуманностью и проработанностью персонажей, логичностью квестов с альтернативными путями прохождения и неожиданными поворотами сюжета.

С самого начала игры перед нами предстает техногенный мир цивилизации будущего. Население планеты контролируется Центральным компьютером. Люди счастливы. Они получили все, о чем мечтали. Теперь их жизнь — это череда виртуальных удовольствий, которые полностью заменяют реальную жизнь. В виртуальном мире люди работают и проводят все свободное время, общаются друг с другом, отдыхают, занимаются сексом. Всё выглядит так, как будто человечество, наконец-то, достигло желаемого счастья, к которому всегда стремилось. Главный герой игры — молодой программист-хакер, так же, как и всё население планеты, большую часть жизни проводя-

ций у компьютера и не очень интересующийся тем, что происходит за окном. Однажды, как всегда, путешествуя по киберпространству, он случайно проникает в какую-то секретную зону и, по хакерской привычке взломав систему защиты, перехватывает серию странных пакетов данных. Хакер успевает скопировать полученную информацию, но срывает система защиты, компьютер отрубается и уже через несколько минут раздаются вой полицейских сирен, за ним следует удар в дверь и настойчивое требование открыть её.

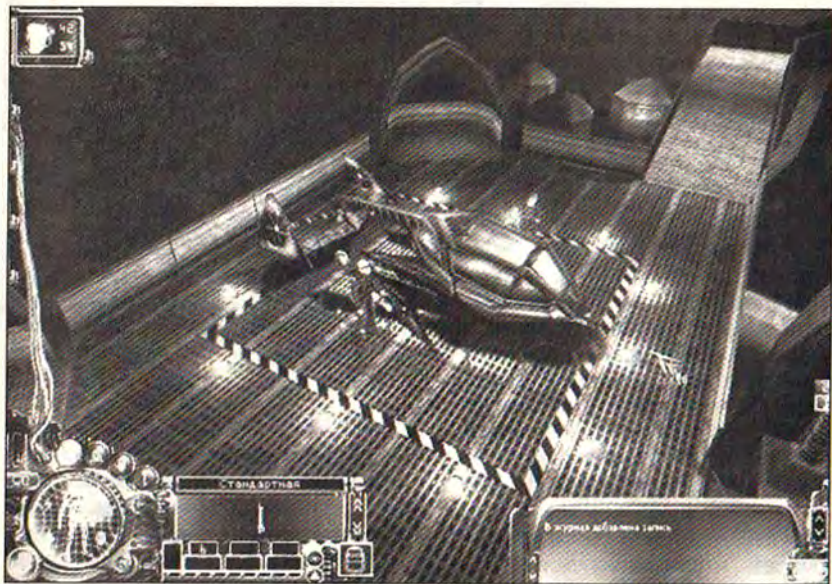
И вот теперь, спасаясь от преследования полиции, наш молодой герой должен полностью погрузиться в настоящий мир, коренным образом отличающийся от того, к которому он привык. А на улицах этого города царит полный беспредел.

В игровом пространстве этого города существуют различные группировки («Синдикат», «Наемники», «Крестоносцы», «Полиция»), которые связаны весьма противоречивыми отношениями. Например, «Торговая лига» на дух не выносит «Синдикат» (и наоборот), но разные ее представители по-разному смотрят на вопросы деловых связей с «Наемниками». И вы вместе с вашим героем во всем этом многообразии личных симпатий и антипатий можете выбирать себе друзей и врагов или отчаянно соблюдать полный нейтралитет. Последнее все равно не спасает, потому как некоторые группировки заранее «неравнодушны» к вам как к главному герою игры. Улыбнулся одним - прощайся с дружбой других.

Все группировки, в отличие от своих собратьев из других игр, ведут активный образ жизни, устраивая время от времени потасовки друг с другом без участия игрока и без всякой привязки к сюжету. И несмотря на то, что полиция постоянно патрулирует улицы, группировки «Наемников» регулярно нападают на «Торговцев». Жизнь бурлит в мегаполисе, не затихая ни днем, ни ночью.

На первый взгляд - замечательная идея, игру можно проходить несколько раз, и благодаря «случайному» развитию сюжета оценить сюжетные линии всех действующих сторон. Да и, кроме того, вместо обособленных уровней налицо сразу огромный кусок целостного игрового мира. Беда в том, что с той же пугающей реалистичностью в перестрелках, не имеющих отношения к сюжету, гибнут ни в чем не повинные прохожие, а порой очень даже важные персонажи игры, которые, будучи в добром здравии, исправно снабжают игрока квестами, необходимыми для успешного прохождения игры. Смертность же ключевых персонажей приводит к тому, что подчас об удачно выполненном квесте просто-напросто некому сообщить. Автор задания скоротечно скончался в уличной потасовке.

И все-таки идея с противостоянием множества группировок и свободой выбора своего собственного пути, даже учитывая сопутствующие неудобства, на мой взгляд, безусловно, удалась. Это позволяет проделывать очень симпатичные трюки, например, убирать нежелательных

противников чужими руками. И квест выполнен, и отношения с потенциальным противником не испорчены.

Игра не оставит равнодушными поклонников игр в стиле «Горький-17». Прямоиком из подобных игр в «Код доступа» попали тактические бои, снаряжение и обмундирование героев, их тщательное и продуманное наращивание своих боевых возможностей. У персонажей свои параметры, свои особенности поведения, свой характер. Есть даже возможность пройти игру в гордом одиночестве, отшивая всех напрашивающихся в напарники попутчиков. Только, право слово, без их шуток-прибауток вам будет очень и очень скучно.

В первую же очередь «Код доступа», придется по вкусу тем, кто в восторге от киберпанка, в

котором сделана его игровая вселенная, кого не раздражают удивительно радиоактивные цвета интерфейса и его яркость. И у кого есть время на бесконечную загрузку сохраненных игр, потому что окружающая среда максимально агрессивна по отношению к игроку. Смерть поджидает вас буквально за каждым поворотом. Чтобы ее избежать, приходится как следует думать и много сражаться. По ходу игры придется ни один раз взламывать роботов противника, чистить городские банкоматы, а чтобы уклониться от проверок патруля, пользоваться примитивным наземным транспортом, например аэробусом — самым распространенным общественным транспортным средством в «Небесном городе». И это несмотря на то, что в игре к вопросу передвижения в простран-

стве относятся очень серьезно. В вашем распоряжении много самых замысловатых средств передвижения. Вы можете использовать ракетный танк, который используется для патрулирования в «Нижнем городе» и легко управляется одним человеком. Можно также воспользоваться, к примеру, патрульным дроном - полицейским летающим роботом-наблюдателем. А также любимым средством молодежи, - не требующим водительских прав скоростным хOVER-скутером, и ретро-автомобилем, которые приобрели большую популярность и поэтому их в изобилии можно увидеть в «Верхнем городе». Правда, всю эту технику придется угонять, а патрульных дронов еще и раскурочивать, чтобы они служили вам, а не вашим противникам, но вы же хакер - вам не привыкать.

С оружием у вас тоже будет полный порядок: от дамского пистолетика до автоматической пушки космического пехотинца. А, кроме того, у вас есть возможность приобретать и устанавливать себе специальные устройства - импланты, позволяющие преодолевать ограниченные возможности человеческого тела.

Не может не понравиться

качество звукового сопровождения. Это одна из самых сильных сторон проекта, причем как с точки зрения не надоедающей и стильной фоновой музыки, так и по забористости реплик, которые то и дело отпускают персонажи в бою (например, при особенно удачном выстреле) или просто устав от бездействия.

В общем, перед нами прекрасный образец пошаговой тактической игры с крепким ролевым элементом и неповторимой атмосферой. В «Код доступа» стоит поиграть и потому, что проект обладает отличной графикой и звуком, и из-за того, что игрока все время в напряжении держит мысль - в каком же направлении будет развиваться сюжетная линия. А также и потому, что оторваться от затягивающего игрового процесса не удастся все равно. Кому-то может показаться, что игра слишком коротка и быстро проходит. Но в целом игра удалась, и я ее всем рекомендую.

Наталья ЯКОВЛЕВА

ИЩУ ДРУГА

Так сложился этот номер нашего журнала, уважаемые читатели, что места на рубрику «ИД» осталось совсем мало. Поэтому обойдемся без мудрых размышлений редакции и вспомним, что краткость — всё-таки сестра таланта. Ну, может быть, двоюродная. Да и к тому же лето на дворе — надо дорожить каждым днем, каждым часом. Хотя и летом у каждого бывают какие-то проблемы — ну, типа куда пойти, что надеть и чем себя украсить. Это, наверное, хорошо понимает 16-летняя Юлия, которая хочет познакомиться с теми, у кого есть проблемы, над которыми стоит подумать вместе. Она ждет писем от девушек и парней от 14 лет. Про себя написала, что любит Бритни Спирс и Андрея Губина. Ее адрес: *Аскарова Юлия, ул. Ленина, д. 88, кв. 205, г. Лесной Свердловской обл., 624205.*

Еще одна Юлия — постарше, ей 19 лет. «Обожаю Виктора Цоя и группу «Кино». По знаку Зодиака — Телец, без вредных привычек. Люблю готовить, обожаю собак. Хочу найти друга по переписке, только настоящего, а не на два письма».

Симонова Юлия, ул. Железнодорожная, д. 6, кв. 6, р.п. Вешкайма Ульяновской обл., 433100.

«Мне 20 лет, живу в небольшом городе, единственной достопримечательностью которого является Всемирная Академия самбо. Мои увлечения — игра на гитаре и настольный теннис. По характеру я спокойный, хотя иногда бываю вспыльчивым. В человеке больше всего ценю честность, уверенность в себе, доброту и отзывчивость».

Александр, абон. ящик № 17, г. Кстово Нижегородской обл., 607656.

18-летняя Люба — будущий врач. Ей хотелось бы расширить свой круг общения, и она ждет писем от своих будущих друзей. «Люблю наши сосновые леса,

звездное небо, песни под гитару, вообще хорошую музыку, почитать, поспать и полениться. По натуре я романтик + оптимист + хохотушка. Пишите, кому не лень!»

Чукунова Люба, ул. Крупской, д. 44, кв. 8, г. Белорецк, Республика Башкирия, 453501.

Ольга не указала своего возраста, но написала, что хочет переписываться с парнями от 15 до 20 лет. «Я считаю, что между девочками не может быть дружбы, особенно если дело касается парней, а между парнем и девочкой — может быть, пока эти друзья не начинают искать в своем друге что-то еще, создавая тем самым проблемы обоим». Сразу видно, что Оля увлекается психологией. Но свое будущее она связывает с изучением иностранных языков.

Ольга, пос. Житково, д. 28А, кв. 23, Выборгский р-н Ленинградской обл., 188903.

А это письмо мы получили от читателя (или читательницы?) по имени Женя. Оно так написано,

что понять, кто его писал, невозможно. Вот попробуйте: «Мне 15 лет, люблю животных, увлекаюсь биологией, мечтаю стать ветеринаром или биологом. Из музыки я больше всего люблю рок. Мое увлечение – делать фигурки животных из бисера».

Женя, проспект Победы, д. 34, кв. 124, г. Казань, Республика Татарстан, 420138.

Юноша, скрывшийся под псевдонимом Romeo, написал нам так: «Пишите, кто настоящему понял и полюбил фильм «Амели». Мне 17 лет, слушаю «Rammstein», Sophie Ellis-Bextor и еще много чего другого. Собираюсь писать музыку и создать свою группу. Еще увлекаюсь компьютером, автомоделизмом и каратэ. Хочу, чтобы писали те, кто не следует за толпой, а идет своей дорогой».

Ромео, абон. ящик 18156, г. Красноярск, 660122.

«Мне 16 лет. Не люблю шумные компании и дискотеки. Люблю лес и животных, а также уют дома и своего попугая Кешу. Увлекаюсь бисероплетением и компьютерами, пишу стихи. Хочу найти человека, с которым можно будет поговорить обо всем. Занимаюсь психологией».

Короткевич Екатерина, ул. Первомайская, д. 93, г. Ветка Гомельской обл., Республика Беларусь.

Эльвире (или просто Эле) 16 лет, по знаку Зодиака – Стрелец. «Я коллекционирую стихи о любви и жизни. Слушаю группы «Руки вверх!», «Тотал» и Наталью Орейро».

Эльвира, ул. Горького, д. 33А, кв. 9, г. Туймазы, Республика Башкортостан, 452750.

16-летняя Зилия утверждает, что обладает хорошим чувством юмора. «Хочу найти друзей по переписке любого возраста. Я люблю музыку и литературу, выезды на природу, песни под гитару, ночь и костер. По знаку Зодиака – Рак».

Хуснигдинова Зилия, дер. Бажикаево Аргаяшского р-на Челябинской обл., 456880.

Максиму 17 лет, он занимается в автосекции и увлекается парашютным спортом. По знаку Зодиака – Водолей. Любимые группы – «Руки вверх!» и «Металлика». Собирается поступать в школу милиции. «Люблю смотреть боевики, фантастику, немного играю на гитаре. Кому интересно – рост 178, глаза голубые, волосы светлые. Обожаю общаться с девчонками».

Шашлыков Максим, ул. Электриков, д. 22, кв. 97, г. Екатеринбург, 620017.

«Мне 16 лет, по знаку Зодиака – Водолей. Обожаю шумные компании, всякие вечеринки, дискотеки, но не прочь и посидеть дома, почитать хорошую книгу или посмотреть ТВ. Обожаю писать письма и хочу переписываться с парнями и девчонками в возрасте 15 – 25 лет».

Паникаровская Елена, дер. Дылдино, п/о Борисово Боровского р-на Калужской обл., 249015.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

Не так давно наша страна отмечала одну знаменательную дату.

Ну, положим, кто отмечал, а кто и нет. Не в ней дело. А дело в том, что ровно тысячу лет один русский князь, когда ему намекнули, что, мол, выпивать можно бы и поменьше, сказал в ответ замечательную многомудрую фразу: «На Руси веселие есть пити». А в том, что мы, русские, народ веселый, надеемся, никто в мире не сомневается. Поем и веселимся, порядка только нет. Примерно так поэт Алексей Толстой сказал.

И вот «проходит тысяча мгновенных лет...» И через тысячу лет после того незабвенного князя другой поэт, уже наш современник, подвел грустный итог национального опыта потребления горячительных напитков:

Мы как выпьем – головою в яства
Или бьем кого-нибудь по линзам.
Нет еще у нас культуры
Пьянства и алкоголизма.

Ну как же так? За что боролись? Куда начальники-то смотрели? Или пили они вместе со вверенным им народом? А что, они не люди, что ли?.. Люди, люди! И юмористы тоже люди. И нет, наверное, ни одного писателя-юмориста (а тем более поэта), который бы не высказался на эту животрепещущую тему, поскольку людям творческим она близка как никакая другая. Телега наша оказалась просто переполнена юмористическими «бутылками». И чтобы не перебить их и не расплескать драгоценные напитки, мы отобрали только самое важное, самое главное. Частности опубликуем потом.

В связи с серьезностью момента отложим шутки в сторону (когда выпить надо – какие уж тут шутки?) и начнем наш выпуск с официальных материалов. По уверению авторов журнала «Красная бурда», наши парламентарии в Думе не просто народные денежки пропивают, но и взамен готовят важные законы. Особенно важны те, что приняты, как раньше говорили, «по просьбе трудящихся». Среди них такие важные государственные акты, как законы «О всеобщей девичьей невинности», «О кидалове и попадалове», «Об инициативе снизу, сверху и сзади», «О запрете рекламы пива в утренние часы после праздничных и выходных дней» и другие, без которых нормальная жизнь просто невозможна! Но первым, мы полагаем, будет принят закон, проект которого мы печатаем ниже. А то народ, у которого голова болит, ропщет, и уже сколько времени!

ЗАКОН «О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С АЛКОГОЛИКАМИ» (проект)

1. Под Алкоголиком следует понимать Человека (с большой буквы), который страдает от всего зла и несправедливости, творящейся в мире; которого никто не понимает; который прост, прям и открыт навстречу другим людям, хотя и слаб.

2. Алкоголик может уважать и быть уважаемым по достижении соответствующей степени опьянения.

3. Запрещается задержание алкоголика и содержание его в медвытрезвителе в случае, если:

- алкоголик практически трезв;

- у алкоголика имеется справка о том, что у него душа горит или у него повод.

Задержание алкоголика против его воли до утра разрешается лишь друзьям алкоголика.

4. Требовать от алкоголика «А ну, дыхни!» запрещается. Подобные требования может предъявлять к алкоголику лишь установленная законом (законная) жена, обложенная в надлежащий халат и бигуди.

5. Алкоголик имеет право бесплатного проезда в городском общественном транспорте, если он увлекается любым двум из следующих трех признаков:

- дышит перегаром на три-пять метров;

- не способен говорить, а только петь и ухаживать за

пассажирами и кондуктором;

- способен предъявить свежие пятна животного (рвотного) происхождения на верхней одежде.

6. Затыкать рот алкоголика, мешать ему исполнять песни советских композиторов-алкоголиков запрещается, поскольку уж лучше бы ударили.

7. Алкоголика, отдыхающего на лестничной клетке, запрещается кантовать, поливать, опрыскивать ароматизаторами, дезинфектантами.

8. Спящего алкоголика разрешается будить только поцелуями.

9. Запрещается обвинять алкоголика в том, что на него потрачены лучшие годы, после 23 часов, потому что уже поздно.

10. Совместные действия жены алкоголика с «мамой» (теща алкоголика) для психологического давления на него могут квалифицироваться как преступный (халатный) сговор.

11. Алкоголику не может быть отказано в приеме на работу на том лишь основании, что он в нетрезвом состоянии приперся.

12. Запрещается использование алкоголиков в цирковых программах, даже если алкоголик очень смешно падает и матерится.

13. В течение недели со дня вступления в силу данного Закона министерство по социальной защите обязано разработать форму

одежду единого образца для алкоголиков, желательно с добавлением люминесцентных красок.

14. Министерство по социальной политике также обязано выплачивать алкоголику ежегодную компенсацию за имущество, вынесенное из дома.

15. Муниципалитеты областных центров обязаны увеличить количество парков, скверов и скамеечек в них, а также детских площадок с песочницами во дворах до соотношения: одна песочница на троих алкоголиков.

16. Отказ в краткосрочном утреннем микрокредите (20-30 рублей) приравнивается к умышленному доведению до состояния похмелья.

17. Отказ в спиртном, совершенный с особой жестокостью (выливание водки в раковину в присутствии алкоголика), наказывается из последних сил.

18. Доходы, заначенные алкоголиком для своей профессиональной деятельности, не подлежат изъятию без ведома алкоголика. Такого рода денежные суммы не подлежат никакому налогообложению, а должны быть истрачены только по прямому назначению.

Главное. Правительство РФ обязано учредить День российского алкоголика и сделать его выходной неделей.

В каких только жанрах не пишут наши юмористы, особенно на тему столь родную и близкую, как выпивка. Леонид Тучинский сочинил нам сказку, Анатолий Трушкин – бывальщину, ну а то, что вышло из-под пера Александра Мешкова, надо, наверное, отнести к разряду рацпредложений. Ведь нас, россиян, хлебом не корми – а дай подумать о том, как нам обустроить Россию. А Россия наша велика и обильна, и без бутылки в ней разобраться просто невозможно.

Леонид ТУЧИНСКИЙ

КАК СВЯТОБОР БОРЕСВЯТОВИЧ ЗМЕЯ ЗЕЛЕНОГО ПОБЕДИЛ

Ох, и бед натворил этот Змей Зеленый! Сколько народу до срока в могилу свел! Сколько душ погубил, сколько детишек пустил по миру сиротами! До того разошелся гад ползучий, что до самого царя Василия слух о делах его подлых дошел.

Царь Василий резину тянуть не стал. Велел он позвать к нему главного богатыря царства его Святобора Боресвятовича.

Изложил царь Василий Святобору диспозицию и приказ дал: искоренить Змея Зеленого в корень.

Святобор дважды повторять царя не заставил. Поднял руку к шелому, развернулся и пошел приказ исполнять, шаг печатая. Да так резво пошел, что царь Василий уже у самой двери только и догнал его. Догнал, ухватил за кольчугу. «Стой! – говорит. – На такое дело идучи, грех по ковшику не пропустить. На шаг ноги».

Святобор отнекиваться стал, мол, на коне он, мол, при исполнении...

Только царь Василий как спросит грозно вдруг:

- Ты меня, Боресвятович, уважаешь?

Пришлось Святобору ковшик заглотнуть, а за первым ковшиком и второй поспел, а за вторым и третий тут как тут...

Дело известное, к вечеру довели трое молодцов Святобора до коня, затолкали в седло, арапником щелкнули.

Пошел Святоборов конь прямо в ночь. Святобор спит, конь идет. Конь идет, Святобор спит.

Прочухался Святобор к утру только. Ой! Голова трещит, в желудке огнем похывает. Похмелиться бы...

И чуть подумал он так - Змей Зеленый тут как тут. Чарку протягивает.

- Похмелись, Святоборушка! - шепчет вкрадчиво.

Святобор, даром что богатырь, а дураком никогда не был. Взял он чарку-то, похмелился, а потом вынул из ножен свой меч-кладенец да и порубил Змея Зеленого на кусочки мелкие. Нашинковал он Змея, попросту говоря.

Народ тут разом возликовал весь. А царь Василий по такому случаю велел выкатить на площадь двести бочек с брагою.

Ох, и пошли тут люди пить и гулять в честь победы Святобора Боресвятовича над Змеем Зеленым.

Да так и пьют, так и гуляют по сей день.

ОБЫЧАЙ

Один за всех, все за одного!.. Обычай такой... у китайцев, у американцев, у намайцев. Да у всех!

У нас свои обычаи. Дядя Коля, когда помер, дай Бог каждому, - опился на радостях. Только помер, сразу мы выпили с горя. Обычай такой древний. Никто не помнит, почему обязательно надо выпить, все помнят только, что обязательно надо.

Выпили. Тут гроб привозят. Тоже вот обычай - в гробах хоронить. А гроб - это обновка!.. Я не знаю, откуда пошло обновления обмывать. Купят на тысячу, обмоют на сто.

Ну, сидим, обмываем, родственников ждем. Кстати, жара была за тридцать градусов! Дядя Коля даже не протух.

У нас в роду все так. Дядя Федя, когда помер... лютой смертью - он все время один и тот же сон видел: будто в магазине водка кончается и он кое-как успевал последнюю бутылку взять. В тот раз, видать, не успел. Ну и помер во сне лютой смертью.

Тетя Клава, жена, на другой день вышла на балкон - он на балконе спал, - от него несет за версту: «Где-то успел с утра, сволочь!» И вот она так выходила месяц... То ли два. Видишь, не в мавзолее лежал, а как вечно живой.

Ага! Ну, съехалась вся родня дяди Коли - тронулись на кладбище. Впереди венки двое несут «от жены, от детей» - все по обычаю. Выстроились кто за кем - тронулись. С километр прошли - хоп!.. Гроб забыли.

Возвращаться нельзя - удачи не будет. Отрядили шесть человек. Через сколько-то бегут они с гробом.

Только тронулись - свадьба навстречу! Кто свадьбе попадет на пути, того останавливают и он выпить должен за здоровье молодых. Обязательно!

У нас все выпили, даже дядя Коля из гроба поднялся - выпил, а то ни за что не пропустят - обычай такой.

Ага, выпили все - тут кладбище. Жена сразу заголосила: «Заройте меня вместе с ним!» Обычай такой. Но зарывать не обязательно. И когда землю стали бросать, она сама побыстрее отошла. А то у нас был случай - хоронили дядю Витю, а зарыли дядю Сашу, он поскользнулся, а все на поминки торопились.

А почему торопились? Другой случай был. Когда дядя Сережа помер в городе в буфете - его в морг, жене - телеграмму.

Та корову продала, чтобы поминки справить, стол накрыла, поехали все в город за дядей Сережей. А он проды-

шался в морге, вылез через окошко - домой скорее. Прибегает - никого нет, полон стол выпивки, а он три дня не евши, не пивши.

Ну, вот мы все и торопились на поминки дяди Коли - мало ли чего.

Пришли - дяди Коли нет, слава Богу. Стали поминать его добрым словом, чтобы ему на том свете было хорошо. Считается, что чем больше пьешь, чем тебе хуже, тем ему на том свете лучше.

Помянули, стали разъезжаться. Тут «на посошок» надо выпить - обычай такой.

Если не выпьешь, до дома не доберешься, а если выпьешь, может, и доберешься.

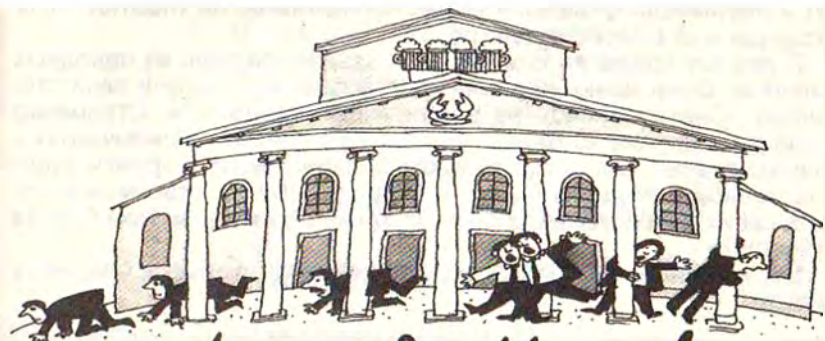
Все выпили, дядя Петя не стал... он помер. Зеркало поднесли к губам - не понять, поднесли стакан водки - не берет... помер, значит.

Сразу мы выпили с горя! Сели родню ждать. Тут гроб привозят.

Погоди, это уже другая история. А та закончилась. Как говорится, с окончанием вас. Такой обычай у нас тоже есть.

У нас их много, хороших обычаев-то.

Александр Мешков

КАК НАМ КУЛЬТУРНО ВОЗРОДИТЬ РОССИЮ

Что народ больше всего любит делать в свободное время? Правильно! Пить! Следовательно, это и надо использовать. Где сейчас расположены пивные и различные забегаловки? В каких-то укромных закоулках, а то и городом, вдали от культурных учреждений. В этом-то и есть наша ошибка. Необходимо расположить пивные и прочие питьевые заведения непосредственно рядом с музеями, театрами и выставочными залами. Несколько пивных можно пристроить к оперному театру по периметру: народ выпьет - ему арию послушать захочется.

А как стимулировать у народа интеллектуальный уровень? Скажем, пускать в пивную только тех, кто читал Гегеля! И чтоб все было без обмана. Пусть на входе расскажет краткое содержание работы «Феноменология духа». Некоторые, конечно, могут овладеть учением Гегеля, стать многогегельянцем, полагая, что на этом знании можно всю бухать. Надо предвидеть наличие в нашем обществе и таких ловкачей и поставить им надежный заслон. Сегодня ты Расскажи в пивной Гегеля, а завтра Соловьева, Бердяева или Флоренского. Прямо дни такие установить: «Сегодня обслуживаются только приверженцы Канта! Завтра - те, кто овладел «Пирроновыми основоположениями» Секста Эмпирика!» Вот и чередовать. И тогда настанет период интеллектуального социализма.

Может, конечно, возникнуть опасность некоторой однобокости развития. Это следует предусмотреть. Скажем: «Сегодня обслуживаются только те, кто читал Борхеса или Умберто Эко. А завтра - любители Кафки или Камю». Пусть тогда побегают с утра в очереди за книгами. На всякий случай будут читать все подряд. Тогда в пивные надо будет пускать по билетам. На входе - стол, комиссия из историков, философов, филологов (кстати, решим проблему занятости гуманитариев). Заходишь, тянешь билет. Готовишься пять ми-

нут и отвечаешь. Ответил - выпил сто граммов, не ответил - иди читай дальше с пересохшей глоткой.

В пивных комиссия квалифицированная, сплошь из народных артистов. Спел арию Жернона из «Травиаты» - получи свои сто, сыграл «Светит месяц» на балалайке - еще двести. Станцевал па-де-де с другом из балета Минкуса «Дон Кихот Ламанчский» - коньяка стакан. Вот тогда-то наши люди и пойдут в кружки художественной самодеятельности. Родители будут стремиться отдать своих детей в забегаловки: «Сынок, может, солистом балета станешь?»

Да, начинать надо с того, что пристроить пивные к оперному театру!

Не знаем, как насчет оперного театра, а ни один «творческий дом» - ну типа Центрального дома литераторов, Дома журналистов (легендарного Домжур) или композиторов без пивнушки не обошелся. Так что писатель Мешков пороку не выдумал, это еще товарищ Сталин сообразил, что людям творческим для творчества выпить надо. Вот им и дали, где спокойно выпить. Там они пьют и по сейчас - те, конечно, кому гонорары позволяют.

И среди них немало поэтов. Знаете, непросто бывает завлечь поэта прокатиться в нашей Телеге. А тут их оказалось сколько хочешь - все желающие даже не влезли. А какие стихи! Какой порыв мысли, какие философские раздумья, какая боль о несовершенстве жизни! Читаешь - и слезы капаят. В рюмку, разумеется.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

Просыпаюсь с бодуна,
Денег нету ни хрена.
Отвалилась печень,
Пересохло в горле,
Похмелиться нечем,
Документы сперли,

Глаз заплыл,
Пиджак в пыли,
Под кроватью брюки.
До чего ж нас
Довели
Коммунисты-суки!

Герман ДРОБИЗ

С КЕМ ПИТЬ?

Бутылку взял. С кем выпить мне?
Друзей немало есть вполне.
Есть друг - дурак и друг - алкаш
(естественно, любимец наш).
Есть друг - мерзавец, друг - подлец,
есть графоман - прослыл поэтом,
есть друг - заботливый отец,
но, правда, крупный вор при этом.

Есть нервный друг – на всех орет.
И есть особый друг – не пьет.
Есть – третью бросивший семью.
Есть жулик, чей-то вечный зам.
Ну, угадайте, с кем я пью?
С непьющим.
Всё я выпью сам.

Ростислав КРИВИЦКИЙ, Владимир КОССЕ

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Если б выпитое пиво
В животе бы не урчало,
Не нарвался б наш разведчик
На фашистскую засаду.

Если б слесарь дядя Вася
Не напился как-то водки
Да домой к нам не приперся –
Я б тогда и не родился...

Варендумир МАУРИН

* * *
Я видел, как кормили льва.
Служитель старый, полупьяный
В разинутую пасть совал
Клубнику, йогурт и бананы.

И лев, давась, отраву ел
Под смех разряженных прохожих.
Глотал, а выплюнуть не смел...
Я думал: «Как же мы похожи!..»

Ты – царь зверей. Я – человек.
Ты в клетке с прочною решеткой.
Ты мясо жрал бы целый век,
А я промыл бы горло водкой,

Но держит за руку жена,
Пломбир во рту уже не тает!
Зачем такая жизнь нужна,
Когда свободы не хватает?

Зачем мы терпим и кряхтим
Ты – клетку, я – вот эту тетку?
Ведь мы с тобою, лев, хотим
Ты – в Африку, а я... Я – водку...

Но верю я – падет режим!
Забросив к черту клетку, книжки,
Мы на свободу убежим
И там нажремся до отрыжки!

Говорят, однажды некий директор школы на выпускном вечере напутствовал своих бывших учеников словами: «...Сегодня вы вступаете во взрослую жизнь, полную проблем, тревог и перепитий!» А один поэт с Украины, делясь своим жизненным опытом, написал так:

Запивая воблу пивом,
Говорили о красивом.
И мечтали о прекрасном,
Запивая водку красным.

Так вот, оказывается, в чем смысл питья: помечтать о прекрасном. На трезвую голову, наверное, ничего возвышенное в душе не просыпается. И это понятно – обычай у нас такой. Помните из классики, где Алеша Карамазов философствовал? В кабаке. Самое оно место для поисков вечной истины. А чтобы всё знали, как это правильно делается, юмористы из «Красной бурды» решили рассказать всем (в том числе и неопытному подрастающему поколению), в чем глубокий смысл и непреходящая правда русской Водочной Церемонии.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ПЬЕМ?..

РУССКАЯ ВОДОЧНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Таинство знаменитой русской Водочной Церемонии никогда не держалось в секрете. Тем не менее мы решили ознакомить читателей с этим (чего уж греха таить!) не всегда красивым обычаем.

Вся Церемония направлена на то, чтобы каждый ее участник достиг желанного скотского состояния. Наверняка каждый из вас видел, как, подобно римским патрициям, возлежат участники только что завершившейся русской Водочной Церемонии под забором или просто на земле в обмоченных тогах и стеганых туниках. И наверняка многих в этот момент обуревала жгучая зависть по отношению к посвященному, его блаженному храпу, безмятежно пущенным слюням, диогеновской неприхотливости и поистине ангельской невозмутимости.

Поводом для начала Церемонии может послужить все что угодно – рождение, смерть, пятница. Иногда Церемония растягивается на несколько дней, а иногда – на всю жизнь. Так или иначе, удачной считается Церемония, которую никто из участников не помнит.

В середине прошлого века Водочная Церемония чаще всего проходила в традиционном «водочном» домике, напоминающем веранду детского садика, да зачастую и расположенном на территории детского садика. Также для Церемонии хорошо подходят

кусты цветущей сирени или акации, они усиливают и без того романтическую атмосферу.

Опытные, уважаемые участники Церемонии отличаются от начинающих красной и сизой раскраской на лице. Они помогают новичкам правильно себя вести за и под столом во время Таинства. Ведь в Водочной Церемонии важно всё - как человек пьет, как курит, как матерится, как спит, как отлучается по нужде и так далее.

Выглядит Церемония примерно так. На ровную, желательно, горизонтальную поверхность стелится ритуальная газета (обычай стелить газету русские пьяницы, очевидно, позаимствовали у начитанных пьяниц-евреев). Затем из карманов достается ритуальный стакан, с которого аккуратно сдувают табачные крошки и пыль. Граненые стаканы эпохи ЛИ (Брежнева) отличаются особой ценностью.

Каждое движение участников наполнено глубоким смыслом. Движения плавные, скупые, ибо во время церемонии не следует тратить энергию, а надо ее накапливать, ибо впереди - долгая дорога домой.

Но это будет потом, а пока участники Церемонии поочередно созерцают закрытую бутылку, пытаясь постичь ее внутреннюю сущность. Непосредственно перед открытием сосуда водку принято взбалтывать и смотреть на пузырьки со вниманием. Большое количество пузырьков сулят здоровье и счастье, малое - болезни.

Водку пьют маленькими порциями, по 50-100 граммов. Перед тем, как выпить очередную порцию священного напитка, принято произносить так называемые «тосты» - шуточные пожелания, которые, по поверью, исполнятся, если водка будет выпита. Каждое выпивание следует предварять глубоким вздохом, символизирующим изгнание злых сивушных духов.

Вообще-то Водочная Церемония дает участникам достаточную свободу в выборе напитка. В низших слоях общества в качестве водки может использоваться портвейш, плодово-ягодное вино, настойка боярышника, корвалол и даже разбавленное пиво.

Зато особую роль играет закуска. Неправильный выбор закуски (например, козинаки, вафли или кремовый торт) способен свести на нет все впечатление от Церемонии. В античную эпоху водку закусывали селедкой, реже - огурцом. Во второй половине прошлого века на смену селедке пришел плавленый сыр.

Некоторые русские после первой вообще не закусывают. И после второй тоже не закусывают, и после третьей. Такие люди ценятся очень высоко, их стараются почаще приглашать к столу.

Желательно также, чтобы на Церемонии присутствовало некоторое количество женщин. Наличие женщин делает участников более раскованными, поскольку теперь есть кому потом помыть посуду и прибрать так называемый «страх».

В древности на Церемонию нередко заходили старцы (алкоголики переходящие) и просили налить им на посошок, на гребешок, на ремешок или еще куда-нибудь. Посошки ушли в далекое прошлое, а обычай остался.

Итак, Церемония в полном разгаре. Участники полностью сосредоточены на напитке. Весь мир на некоторое время как бы перестает существовать для них. Они в глубокой медитации. При этом некоторые участники принимают довольно причудливые позы. Стойка «на коленях», или, как говорят русские, «на карачках», пришла к нам из Японии. Японцы выражают таким образом свое почтение к чаю, а русские - свое презрение к всемирному тяготению.

А вот так называемые «Танки» ничего общего с Японией не имеют. «Танки» - это старинное русское песнопение. Оно потрясает невольных слушателей невообразимой красотой и отсутствием лаконизма. «Танки» звучат, как правило, на так называемой «Песенной» стадии Церемонии. Ей обычно предшествует стадия «Хорошо сидим», которую следует выделить особо. К двадцатой минуте действия участники должны вести несколько одновременных разговоров примерно одинаковой громкости, не мешающих друг другу.

За «Песенной» стадией следует стадия «Уважительная», на которой все, кто еще остался в числе участников, горячо заверяют друг друга в своих чувствах друг к другу.

Случается, что кое-кому из выпивающих приходится раньше времени покинуть Церемонию и своих друзей. В этом случае он

отмечает окончание Церемонии глубоким земным поклоном, после чего становится на колени или ложится на лицо и засыпает.

На любой из указанных выше стадий может закончиться водка. Происходит это всегда неожиданно даже для самых искушенных пьяниц. В любой другой стране участники застолья с этим фактом смиряются и расходятся по домам, объясняя свое малодушие неким «здравым смыслом». Однако русские люди не пасуют перед обстоятельствами, а выдвигают из своих рядов так называемого «гонца», который должен добыть еще немного священной и, желательно, заводской, жидкости с тем, чтобы спасти Церемонию от преждевременного угасания. В «гонцы» обычно выбирают самого ответственного, целеустремленного, служащего всем примером молодого.

Таким образом, продолжительность знаменитой русской Водочной Церемонии определяется отнюдь не количеством водки, а наличием дееспособных «гонцов». Чаще всего русская Водочная Церемония заканчивается так же постепенно и неспешно, как и начиналась. Один за другим участники выпивают «на посошок» и уходят (иногда в себя), символизируя собой быстротечность жизни, краткость минут наслаждения и верховенство долга.

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

**ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ
И ГРУППА «БИГУДИ»
«СЕЙЧАС»
Real Records**

Проект, который мы хотим вам представить, абсолютно специфичен и не имеет аналогов на российском рынке. Он возник на стыке театра, литературы, музыки и так называемой «клубной» эстетики. Любопытно, что его главным героем и генератором идеи стал... человек-театр. Да-да, именно так. Евгений Гришковец «един во всех лицах» — драматург, актер, режиссер. Буквально за несколько лет из талантливого новичка, знакомого узкому кругу записных театралов, мастер успел превратиться в почти культовую фигуру. О Гришковце много говорят, спорят, над ним смеются и им восхищаются.

Альбом «Сейчас» — это цепь композиций, записанных в ориги-

нальном, доселе неизвестном жанре. «Можно считать их саундтреком к фильму, которого нет и, скорее всего, никогда не будет, но к которому в принципе вполне можно написать сценарий, — считает Евгений. — Это музыка города, толпы, поэзия мегаполиса». Во как!

Однако новация проекта заключается как раз в том, что никаких композиций (в привычном понимании) в альбоме нет. А есть некая фоновая музыка с наложенным на нее беспорядочным потоком сознания: что вижу, о чем сию секунду думаю, о том и говорю. Даже не по-актерски — с чувством и на подъеме, а так — ну просто так, вот как хочу, так и го-во-рю! Кто и что может мне запретить? Названия трэков вполне программны: «Пробки-буги», «Город», «Лето», «Ресторан», «Сигарета»... «Да, курить очень плохо, очень вредно, очень дорого, а главное — бессмысленно... Но ты пришел домой пьяный и не стал ни с кем ругаться, просто заперся в ванной, лег в одежду (!) в теплую воду, лежишь и куришь. А тебе стучат в дверь, кричат: «Ну что там с тобой, как там?» А ты лежишь, молчишь и... куришь».

В самом деле, кому какое дело до моего здоровья? Или до моих денег? Я их честно заработал и хочу потратить. Вечером пойду в ресторан. «Он состоит из многих составляющих. Например, кружка пива. Что такое кружка пива? Конечно, это жид-

кость в сосуде. Но ведь же это двадцать минут времени, двадцать минут удовольствия и двадцать минут причины больше никуда не идти!»

Вам это нравится? Нет, не ресторан, конечно, кто из нас хоть раз там не был! А вот это, ну самое оно, про ресторан, нравится? Ах, ну тогда слушайте сюда! «Очень важно в ресторане не совершить нескольких серьезных ошибок. Первое. Вы заказали основное блюдо, потом вам принесли хлеб. Не ешьте этот хлеб, потому что если вы съедите этот хлеб, то потом поедание самого основного блюда превратится для вас в мучительный и бессмысленный процесс. Второе – никогда не смотрите по сторонам. Иначе вы увидите то, что приносят за соседние столики. И как только вы это увидите, вы сразу же убедитесь в том, что вы все заказали неправильно... Не смотрите по сторонам – смотрите в глаза тому, с кем вы пришли в ресторан. Если, конечно же, это не ваш шеф. А если вы пришли с шефом, тут все просто: заказывайте то же самое, что заказывает шеф, и у него останется от вас очень хорошее впечатление...» Эта «инструкция» продолжается на альбоме больше шести минут. Да и вся остальная бредятина длится никак не меньше.

Впрочем, идея данного проекта весьма прозрачна: показать привлекательное в самых обыденных, банальных вещах, обнаружить хорошее даже в самом плохом. Пробки? Зато наконец можно спокойно поймать хорошую радиостанцию и послушать любимую музыку. Вы зашли вы-

пить пива в грязный прокуренный бар? Представьте себя героем старого фильма, и вам покажется, что на вас длинный белый плащ, хорошая мягкая шляпа, а все, что происходит, – начало прекрасной дружбы с временем, в котором вы живете. Очень показателен в этом смысле десятый трэк диска – «Настроение улучшилось». Здесь подробно говорится о том, что любой пустячок, вроде освободившегося места в поезде метро или оштрафованный гаишником «новый русский», который только что подрезал вас на «Мерседесе», – маленькие радости в жизни, которые грех не замечать.

Говорят, Гришковец со товарищи (в проекте занята даже Татьяна Друбич) тем самым открыл новый жанр. Если это действительно так, в следующем альбоме мы рискуем услышать скрипы резко тормозящих автомобильных протекторов с приближающимися сигналами кареты «скорой помощи», бой посуды в пабе под аккомпанемент кулачных лупов по резиновой груше, хлопки вылетающих пробок из бутылок шампанского и т.п. Кто знает, может, такая имитация жизни кому-то и придется по душе?

КРИСТИНА АГИЛЕРА
STRIPPED
BMG, Russia

Впечатление о начинающем артисте складывается, как правило, после первой же исполненной им песни. Далее оно уже почти не меняется. Правда, бывают певцы, с течением времени ломающие баррикады чьих-то

предвзятых мнений и сомнений. Такова дерзкая, как ее уже успели окрестить, американка Кристина Агилера.

Вспомним, первые композиции начинающей дивы, с которыми она взлетела в «чартерное» поднебесье (в смысле вошла в престижные чарты), напомнили больше шлягерочки ее российской коллеги и тезки — Кристины Орбакайте. Хотелось даже шутить: зачем нам ваша Кристина, когда у нас есть своя? Не верили в талант, глумились. И вдруг такой искрометный фортель!

Новый альбом Агилеры «Stripped» («Обнаженная») не только сдирает с певицы прежнюю нежно-розовую кожу милой неопытности (это касается и ее вокальных опытов), но и утверждает юную особу в статусе матерой поп- и даже рок-лady. Очень зрелое отношение к звуку, тембру, обертонам, самой подаче материала — технически подчас очень сложного. Здесь и замысловатый ритм-энд-блюз, и элементы моднящего ныне хип-хопа, и распевный соул а ля Уит-

ни Хьюстон, и жесткие джазовые интонации, и... будуарные придыхания на субтоне. Фантастический вокальный рост, мощнейшая драматургия композиций, невероятная страстность и даже харизматика. Порой кажется, будто вы или сошли с ума, или слышите какую-то другую певицу, но вовсе не ту, чье имя значится на стильной обложке диска. Особенно потрясают композиции «Can't Hold Us Down» («Нельзя ли задержат нас внизу»), «Walk Away» («Иди прочь»), «Fighter» («Боец»), «Infatuation» («Безрассудная страсть»), «Impossible» («Невозможный»), «Soar» («Лети высоко»). Даже названия песен говорят за себя.

Что это — грамотный пиар или обман слуха? А может, с годами мы теряем прозорливость? Что же должно было произойти с девушкой, чтобы она вдруг так запела? Какая внезапная любовь, какая затмившая рассудок страсть? И почему наши, родные певицы, сколько не влюбляются и не шумят по поводу очередного замужества, не начинают так голосить, а чаще — только быстрее выходят из формы? Особенности национального характера или все-таки больше лень, нежелание отказаться от привычных удовольствий и отсутствие стимула к успешной карьере?

«Когда вам семнадцать, вы так молоды и наивны, что готовы следовать любым советам и указаниям, которые только можете получить», — вспоминает Кристина себя прежнюю. А ведь со времени ее сценического дебюта прошло всего четыре года. За это время она продала по миру более десяти миллионов пласти-

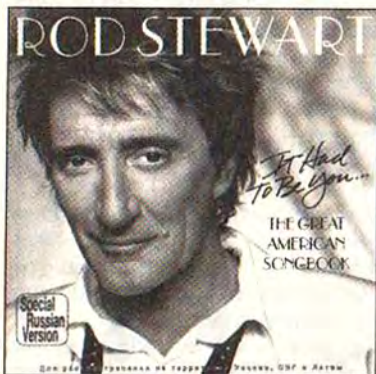
нок, заработала «Grammy» в номинации «Лучшее открытие», блестяще провела мировое турне.

Она считает, что пресса проглядела ее талант. «Долгое время мне было некомфортно из-за имиджа, который сформировался вокруг меня и моей музыки в средствах массовой информации. Приходилось много притворяться. Я чувствовала себя в ловушке, так как была марионеткой в руках людей, которые делали меня такой, какой хотели видеть для достижения своих корыстных целей. Но я никого не виню. Я хорошая ученица в бизнесе и знаю, в каком направлении надо двигаться, и никому не позволю встать на моем пути».

К чести молодой певицы, ей хватило смелости презреть первый, обусловленный больше внешними признаками, успех, и сделать паузу для поиска нового, более адекватного стиля и образа. За это короткое время она пережила крушение первой девичьей любви и начала понимать, что телевидение, всевозможные студии, постоянные отели и крики одуревших фанаток за дверьми — это еще не вся жизнь. Просто она стала искренней. Этим ощущением и дышит ее новый альбом.

**РОД СТЮАРТ
IT HAD TO BE YOU
BMG, Russia**

57-летний американский рок-стар с фирменной бородавкой у левого уголка губ Род Стюарт дарит великосветской публике свой новый (на этот раз ретро-спективный) альбом «It Had To

Be You» («Это, должно быть, ты»), или «The Great American Song Book» («Великий американский песенник»).

Уставший от многолетней рок-карьеры легендарный артист, видимо, уже едет «с ярмарки» и подводит музыкальные итоги XX века. На диске он перепевает лучшие американские песни, ставшие классикой нескольких поколений. Это популярные мелодии Джорджа Гершвина, Джерома Керна, Кола Портера, Сэма Льюиса, Сэмми Фэйна, Карла Фишера и других. Спокойные, задумчивые, хотя и немного скучные композиции в стилях блюз, соул и джаз, напеты полуречитативным хрипловато-песочным голосом, идеально подойдут для сопровождения тихой вечеринки старых друзей за рюмкой чая. Мягкие аранжировки стилизованы под 50–60-е годы: вы услышите бархатное журчание саксофона, кларнета, неторопливые россыпи клавишных, волнующие переборы гитарных струн, несуетный ритм перкуссии. К чести музыканта, он безупречно справился со своей

задачей. Хотя, на мой вкус, эти шлягеры стоило бы спеть не просто по нотам (добавив дежурных придыханий), а прочитать их своеобразно, по-новому, пропуская вечнозеленые мелодии как бы сквозь призму собственного опыта и видения. Впрочем, бережное отношение к песенному наследию тоже приветствуется.

...В начале 70-х годов Род Стюарт был весьма значительной фигурой на музыкальной сцене. Тогда (после распада «Битлз») рок-музыка в целом становилась все более умиротворенной и беззубой, поэтому, чтобы хоть как-то выделиться, артисту было достаточно иметь дерзкий, колющий голос и бравые манеры. Стюарт весьма точно оценил момент. Вместе с группой «Faces» («Лица») они созда-

ли избитый образ «парней из подворотни», решивших подурчиться. Это сыграло в десятку. Грамотный пиар заключался еще и в том, что в своих интервью Стюарт почти никогда не говорил о музыке, делая акцент на своей страсти к футболу или очередной любовной привязанности. Потом он начинал туманно размышлять о своем успехе и накопленном богатстве, а в интонациях слышалось: «Вы ничем не хуже меня!» Публика ему, конечно, верила и воодушевлялась.

В 1975-м «Лица» распались. Оказывается, Стюарт давно уже вырос из «коллективных портянок», начал записывать сольные пластинки, и рядом с его яркими работами музыка ансамбля выглядела несколько простовато. Особенно очевидно это стало после выхода его третьего альбома, на котором выделился шлягер «Мэгги Мэй». Отныне Стюарт поселился в Лос-Анджелесе и с этого момента начал вести комфортную жизнь звезды. Он стал персонажем бульварных изданий, навсегда вошедшим в светские хроники. Казалось, только этого он и ждал. Музыка Рода стала более конъюнктурной, попсовой, хотя и по-прежнему талантливой: песни «Плавание» и «Ты в моем сердце» принесли ему огромную славу. Однако истинные рок-гурманы от музыканта отвернулись, да и критики стали относиться к нему хуже. Впрочем, это не мешает Стюарту ежегодно выпускать новые альбомы и колесить с гастролями по всему свету. Простые слушатели его по-прежнему любят, а это главное.

Сергей БАТУСОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

В начале своей карьеры эта девонская троица слышала в свой адрес одни лишь насмешки. Теперь количество их поклонников в Британии растет в геометрической прогрессии, их дебютный альбом стал «золотым», а о творчестве группы говорят уже как о современной классике.

ГРУППА «MUSE»: НА ВООБРАЖАЕМОМ ВЕТРУ

Сегодня «Muse» закрепились на пике популярности, но их восхождение продолжается, потому что они находятся в самом начале пути. Их сравнивают с двумя великими группами девяностых годов — «Radiohead» и «Nirvana», но это сравнение с прославившимися на весь мир земляками нисколько не расстраивает лидера группы Мэттью Беллами, а скорее наоборот льстит ему. «Кто же не хочет, чтобы нас сравнивали с ними? — говорит он. — Нас принимают на одной волне, но на сцене они очень специфичны. У Тома Йорка вкрадчивый и утонченный вокал, а мы — обычная труппа из трех человек, и подобные манеры не для нас. Особенно неприемлема она во время выступлений: иногда мы перебираем, стоим на грани, где нормальное переходит в ненормальное. Это мы, наверное, пытаемся выразить то, что находится внутри нас. Если убрать бас, гитару, барабаны и микрофон и просто оставить меня петь одного в пустой комнате, я буду похож на одиноко орущего маньяка. Нашу музыку нужно слушать, когда вам фигово. И тогда мы скажем вам, что вы не одиноки».

Впрочем, «музы» считают, что человек знакомится с их творчеством на пятьдесят процентов, если слушает только их альбомы. Их нужно видеть на концерте. И шесть тысяч счастливых, побывавших на их московском шоу, могли самолично в этом убедиться. Тощий, нахотеленный

подросток с гитарой, которого профессиональные музыкальные издания нарекли «первым реальным героем гитары нового века», за две минуты устроил настоящую бурю в Лужниках. Стихия бушует внутри зала, Мэтт мечется по сцене в каком-то первобытном танце, дрожит и извивается на воображаемом ветру, и становится жутковато, что вдруг на самой высокой ноте сломается пополам, раздавленный надрывной болью, которую он выплескивает из себя.

Вокал Мэттью создает такое ощущение, что на сцене находится Том Йорк, Джефф Бакли и Фредди Меркьюри одновременно, постоянно сменяющие друг друга. Благодаря прекрасному диапазону он без труда может преодолеть несколько октав и исполнить такой пронзительный фальцет, что у тех, кто находится рядом со сценой, начинает свистеть в ушах. Беллами часто спрашивают, откуда у него такой сильный, пронзительный, высокий голос, на что Дом, ударник группы, обычно отвечает: «Да я просто перед каждым концертом пинаю его между ног». Мэтт же объясняет: «Просто я маленький, и у меня маленькие голосовые связки». Однажды в Париже у вокалиста пропал голос, и он пошел к доктору. Разглядывая рентгеновские снимки, врач оторопел: «Я первый раз в жизни вижу такое! У вас не мужские, а женские голосовые связки!»

Совершенно очарователь-

ные мелодии «Muse» зачастую находятся на грани восприятия, их невозможно описать точными определениями типа «это – рок», «это – готика», «это – этника» и так далее. Поэтому их стиль нарекли специальным термином «ангст-рок». Несмотря на обилие в их песнях чувства («ангст» в переводе означает «страх», «подростковое одиночество», «потерянность») – группа определяет свое творчество как позитивное. «Со стороны наши песни могут показаться мрачными, но мы уверены, что они бодрят и полны искренности», – утверждают музыканты. Уже в песенке «Uno», записанной в январе 1999 года, был продемонстрирован фирменный стиль команды – романтическая, мелодичная музыка, поданная предельно экспрессивно. Это можно назвать «острым ощу-

щением драматизма», а можно – пониманием того, что будет слушать молодежь, а что нет. Говорят, что голосом Мэтта поют ангелы, и еще им нужно объясняться в любви.

«Muse», казалось бы, не создают ничего необычного, используя все известные ритмы, гармонии и аранжировки. В их композициях без труда различаются цыганско-еврейские традиции, и та же «Uno», например, вполне могла бы быть ресторанным хитом времен расцвета нашей бесславно исчезнувшей державы. Нежную мелодию вдруг обрывает жесткий звук, нечто среднее между гранжем и брит-попом с элементами готического рока, разбавленными ритмами фламенко и фортепьянными пассажами, напоминающими классику. Все это создает великолепную комбинацию звуков – музыку действительно новую и прекрасную. «Я люблю Рахманинова и Чайковского, – признается Беллами. – Я всегда думал, что наш звук – это смесь их фортепьянной музыки и настоящего хард-рока. Это странно звучит, но я не знаю, откуда появляются некоторые из наших музыкальных идей. Очевидно, они исходят из глубины моей личности, но иногда даже я не понимаю, как я придумываю их, и, по правде говоря, я действительно не хочу выяснять. Я боюсь, что если я найду на это ответ, я потеряю дар сочинительства».

Впрочем, само собой разумеется, – есть вещи, которые

не надо объяснять. Когда однажды Мэттью спросили, почему он назвал свою группу «Muse», он долго вспоминал и родной городишко, и своих друзей, вместе с которыми она начиналась, и в конце концов недоуменно развел руками: «Мне просто понравилось слово. Короткое и ясное».

Когда группа впервые появилась на свет со своими берущими за душу богемскими рапсодиями, мало кто мог поверить, что трое провинциальных мальчишек смогут когда-нибудь продать двести тысяч пластинок (именно таким тиражом разошелся их второй альбом только в одной Англии) или собрать крытый стадион в Лондоне, вмещающий в себя тринадцать тысяч человек. Но успеху и признанию предшествовали, как и

полагается, долгие годы поисков самих себя.

Поначалу все воспринимали Мэттью Беллами — гитариста, солиста, автора большинства песен — и самую группу как продукт английской провинции. Этские доморощенные самородки, совершившие прорыв к вершинам славы. На самом деле всё обстояло не совсем так. Сам Мэтт родом из Кембриджа, да и отец его был музыкантом известной группы, чей хит в 1962 году был очень даже популярен в Европе. Так что музыкальные способности, возможно, передались мальчику по наследству. Другое дело, что его родители развелись и отправили ребенка к бабушке в ту самую провинцию — пятнадцатитысячный городишко Тейнмут, который, став знаменитым, «музовцы» окрестили «адамом для живых». После этого раз-

гневанный мэр публично выбросил в мусорный ящик экземпляр дебютного альбома группы. «Я слушал много блюза: Роберта Джонсона, Рэя Чарльза... Думаю, что эта музыка была намного глубже, чем я тогда мог понять, но почему-то она говорила мне очень многое. Когда мои родители развелись, единственное, что мне осталось от них, — это их имена. Я играл музыку, потому что очень скучал по ним», — вспоминает Мэтт.

Здесь, в глухой дыре на берегу моря, он встретил таких же, как он, неприкаянных подростков. самого Мэтта чаще всего называли Бэллз, Доменико Ховарда — Дом, а Криса Волстенхолма звали просто Крис. Жизнь для подростков была сущим адом, так как делать им было совершенно нечего. Единственное время, когда город оживал, было лето, и жители Лондона приезжали сюда на каникулы отдохнуть от скуки большого города и расслабиться. Но в конце каждого лета люди снова уезжали, и город опять погружался в спячку. Единственным спасением от скуки для ребят стала музыка. Сначала Мэтт и Дом образовали группу под названием «Готическая чума», позже к ним присоединился Крис, и они начали репетировать.

«В колледже я всё время участвовал в театральных постановках: мы ходили в разные людные места и там импровизировали, — рассказывает Мэтт. — Дом все время ржал надо мной, но теперь я

могу признаться, что я делал это только из-за того, что в театральной труппе была девушка, которую я хотел... Дом разыскивал меня в слезах с этой компанией и говорил: "Бросай всё это, пойдём играть рок".

Я тусовался со всеми крутыми парнями из нашего колледжа. Мы вместе ходили гулять в центр города, напивались и ввязывались в драки. Ещё я был неплохим футбольным защитником. На первом курсе я всех смешил, но к третьему курсу мои комедийные способности улетучились, и тогда я стал гулять с девушками.

А Дом в то время был "волосатым парнем, который любил гитарную музыку". Мы все решили тогда не ходить в колледж, и эти несколько лет были для нас довольно тяжелыми. Нам пришлось намного ближе узнать друг друга, потому что нужно было делать такую музыку, которая бы нравилась всем троим. Нам хотелось достичь такого состояния, когда бы мы могли играть для кого угодно и всё равно получать от игры удовольствие. Так мы могли абстрагироваться от мнения других людей. Хотя, может быть, из-за такого подхода у нас получалась музыка, которая говорила: "Да идите вы все!"

Когда мы приезжаем в Тейнмут, то чувствуем, что нас там все ненавидят, — они думают, что мы опускаем собственный город. Говорят, что это красивый город, что там

прекрасные пляжи, что можно не запира́ть двери на замок и всё такое. Но для пятнадцатилетних подростков там нет ничего, кроме драк и наркотиков. У нас банкомат стоял напротив пассажа с магазинами, и там же стояли игральные автоматы, у которых постоянно тусовались крутые парни. Думаешь, что все увлечены игрой, и вдруг кто-нибудь подваливает: «Ты назвал меня дерьмом?!» И ты только успеваешь сказать: «Что?» — как налетают два других парня и начинают молотить Дома. Это было просто ужасно. Это были взрослые мужики, которые тусовались с четырнадцатилетними девушками. Они занимались тем, что продавали детям наркотики. Их там всегда было не больше четырех или пяти, потому что они всё время или убивали друг друга, или попадали за решетку. Мне в глубине души так хотелось

бы вернуться и... вытащить пистолет».

Еще семь лет назад, когда группа только подумывала о выступлениях на серьезных площадках, Мэтт работал художником-декоратором, Крис — помощником продавца в гитарном магазине, а Дом перебивался случайными приработками. Коллектив специализировался на кавер-версиях мало известных сверстникам композиций и, как следствие, успеха не имел. «Мы играли в тысячах мест, в пабах, заполненных стариками, — объясняет Мэтт, — и всё, что они хотели, — это хиты шестидесятых. Так что нас нигде особенно хорошо не принимали».

Первый успех пришел на музыкальном конкурсе в Девоне в 1996 году. Неожиданно для себя они выиграли, хотя, как признается Беллами, выглядели престранно: «На нас была тонна косметики, мы иг-

рали панк и заставили толпу хлынуть на сцену и разгромить всё наше оборудование. И мы победили! Это очень странно, потому что мы превзошли все те группы, которые были технически профессиональны, группы, которые классно звучали. Люди иступленно кричали... И это совершенно изменило наше представление о том, что такое музыка вообще. Даже не обязательно сама музыка, но вера в то, чем ты занимаешься, что делаешь».

Через три года «Muse» выпускает свой дебютный альбом «Showbiz». Теперь группу заметили крупные звукозаписывающие компании. Более того, они нашли себе не просто продюсера, а гениального продюсера Джона Лекки, работавшего ранее с Джоном Ленноном, «Pink Floyd» и «Radiohead». Тем не менее несмотря на то, что альбом стал в Англии «золотым» и был продан в полмиллиона копий по всему миру, группа слышала от соотечественников одни лишь насмешки. На молодых дебютантов мгновенно был наклеен ярлык подражателей «Radiohead», группа даже получила титул «самая похожая на "Radiohead" группа недели». Не скупилась на отзывы и английское рок-издание «NME»: «"Muse" - группа, которая стремится к тому, чтобы сделать свои провинциальные неврозы глобальной проблемой. Нужно иметь огромный талант, чтобы выразить такие мрачные переживания и избежать при этом хныкания.

Если вы никогда не слышали Джеффа Бакли или "Radiohead", тогда это потрясающе для вас».

Покуда британские критики бухтели про клонов «Radiohead», «Muse» продали только во Франции сто тысяч экзemplяров своей первой пластинки. Это потянуло как минимум на два миллиона долларов. И где — во Франции, в которой не любят вообще никого, а англичан отдельно и особенно (с учетом того, что иракская агрессия была еще впереди). И только через год после выхода альбома тот же «NME» сменил гнев на милость: «Если вы считаете, что "Muse" просто бледная копия "Radiohead", то вы — дураки».

Несмотря на юный возраст, троица сумела найти свои ориентиры в безбрежном мире шоу-бизнеса и не стать звездами-однодневками. Они не исчезли их вида, не прекращали туров и нашли то, что у них на данный момент получается лучше всех. И их следующий альбом «Origin of Symmetry» подтвердил это. Они научились ценить не только выступления на фестивалях перед десятками тысяч беснующихся поклонников, но и в скромных клубах на полсотни человек. Ведь именно из таких клубов и складывается известность, и чаще всего там встречаются самые преданные поклонники.

В песнях «Muse» очень много говорится об одиночестве, о насилии и несправедливости, о приближающемся

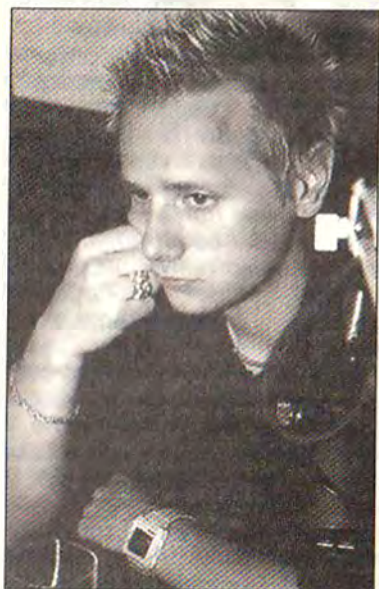
холоде. «Я знаю о мире только то, что говорят о нем мои собственные чувства, - признается Мэтт в минуту откровения. — Так что в каком-то смысле, изучая мир, я изучаю самого себя. А ведь проблема в том, что когда ищешь душу (если, конечно, такая штука вообще существует), то обязательно натыкаешься на свои страхи и кошмарные сны. А от этого недолго и свихнуться!

Я часто сталкиваюсь с проявлением злобы. Например, однажды я припарковал машину в неподобающем месте, потому что хотел воспользоваться банкоматом, и какой-то дед своей машиной специально толкнул мою — чтобы доказать мне что-то там, что ему пришло в голову. И я сказал: «А пошел бы ты!» - а дед, услышав это, вышел из машины, достал из багажника лом и принялся бить мне фары. А машина была, между прочим, не моя, а мамина. Так что я сел за руль и начал смеяться, потому что просто представить себе не мог, до чего всё это ужасно. У меня была с собой видеокамера, и я начал снимать, как он это делает. Дед весь затрясся от стыда, когда понял, что всё, что он делал, записано на пленку. У меня до сих пор где-то есть эта кассета.

Вообще меня автоматически ненавидят полицейские, учителя, вышибалы — даже если я не сделал ничего плохого. Мне просто стоит войти в комнату, и я уже чувствую себя мишенью для злобы. Одно

время меня постоянно выкидывали из клубов. Однажды кто-то взял меня за шею и в буквальном смысле выкинул за дверь. А я просто странно танцевал и, возможно, это выглядело так, будто я писаю.

Когда на меня злятся, меня обычно бьют, а я не такой уж большой. Хотя по-настоящему круто меня еще ни разу не избивали — только выкидывали отовсюду... Не знаю, может быть, люди, которые ненавидят меня, понимают, что мне на это наплевать, что я только веселюсь от их ненависти. Вот, например, на днях захожу я в ресторан, и какой-то парень называет меня "хреновым ублюдком" и "надутым уродом" - ну, обычными словами, которыми меня чаще всего называют. А ведь мне-то

наплевать. Я на таких людей обращаю внимание, только если они меня быют. А так я просто смеюсь».

Все переживания выплескиваются патетическими тинейджерски агрессивными и вместе с тем красивыми текстами. «Шоубиз» был посвящен клаустрофобии (боязни замкнутого пространства), порожденной жизнью в маленьком городке. Затем Мэтт сбегал их Тейнмута, понял, что вокруг него царит еще больший хаос, и создал «Происхождение симметрии» - попытку найти скрытую симметрию в хаосе. «Название нашего второго альбома, - уточняет Мэтт, - мы взяли из книги о геометрии вселенной и о том, в каком прекрасном равновесии все пребывает. Это геометрия объясняет все мистические силы, вокруг которых люди напридумывали религий».

Хотя песни Мэтта рассказывают в основном о космосе, рахах и «кукольных ниточках, за которые кто-то водит наши души», «музам» куда больше нравится тусоваться с поклонниками, чем подбивать их писать письма собственной кровью. Однако популярность не только приятна, но порой и утомительна. Мэтту пришлось даже сменить адрес электронной почты, на что его старые друзья были очень раздосадованы. «На самом деле у меня было немного хороших друзей, - уточняет он. - Да, я изменил адрес электронной почты, но всё из-за того, что мне стала писать куча людей, которые угрожали убить себя,

если я их не трахну. Так же я сменил телефонный номер. Впрочем, честно говоря, я просто выбросил свой мобильник после того, как мне пришел счет на тысячу восемьсот фунтов за один месяц. А так получилось из-за того, что мне пришлось за границей отвечать на звонки каких-то незнакомых людей. Я выкинул трубку в воду, а затем позвонил в сервисный центр и сказал: "Засуньте свой счет себе..." Ну, в общем, понятно куда».

«Muse» - настоящая супергруппа: вокруг музыкантов выются красивые девушки, ради них до утра не закрываются ночные клубы. Они объездили весь мир - США, Австралия, Канада, Япония, Италия, где их ждал подлинный триумф - выступление перед шестидесятилетней аудиторией восторженных поклонников. В России их узнали после появления в эфире MTV клипа «Упо» с басовой партией, поразительно похожей на партию из оперы «Кармен». Это было в 1999 году, а вскоре группа предстала перед столичной публикой.

На «разогреве» у девонского трио выступили «Смысловые галлюцинации», Найк Борзов, «Ночные снайперы» и «Тотал». Многие поклонники британцев в это время предпочли слоняться по фойе, покупая майки с изображением любимой группы и знакомясь с русскоязычной версией журнала «NME», к выпуску которого и был приурочен концерт. Как отмечала критика, высту-

пление Борзова было душевным, «Тотал» заставил слэмовать партер, а «Ночные снайперы» удостоились аплодисментов, зазвучавших тогда, когда, закончив демонстрацию своих талантов, они объявили: «Встречайте группу "Muse"!» Разница между жизненной философией местных музыкантов и английских вдруг оказалась настолько очевидной, что никто бы не рискнул сравнивать с ними локальные таланты.

Одетый в красную рубашку Мэттью был похож на тореадора, который бросает вызов разбушевавшейся толпе. В несколько минут стадион превратился в бушующее море рук, голов и зажигалок. Музыкант вытворял с гитарой нечто непонятное: он яростно раскручивал вокруг себя инструмент, прямо с гитарой падал

во время игры на колени и извлекал из инструмента какие-то невероятные звуки. (Кстати, все гитары у него заказные, в том числе и необычный алюминиевый инструмент со всевозможными встроенными примочками, отвечающий обязательному требованию заказчика: всё должно быть защищено от агрессивной среды – то есть играющего на нем руками Мэтта.) Публика размахивала зажигалками, по возможности подпевала Беллами, а он благодарил своих почитателей словом «спасибо», которое успел предусмотрительно выучить.

Второй визит «Muse» пришелся на нашу северную столицу. «Первый раз мы приезжали в Москву в 2001 году, – говорит Беллами. – Тогда мы даже понятия не имели, что знамениты здесь. Просто это

было интересное место, где нам хотелось побывать. Мы думали, что будем выступать перед несколькими сотнями фанатов. В результате мы сыграли на стадионе перед толпой в десять тысяч человек. Мы приехали сразу после 11 сентября, и люди были невероятно рады нашему неожиданному появлению. Ведь большинство групп отменили свои туры после акта террористов.

Здесь, как в Южной Америке и Азии, пиратский рынок совершенно не контролируется. Если в России вы продали сто тысяч пластинок, это значит, что сверх этого продано еще тысяч триста пиратских копий. Может быть, эта проблема с пиратством в России возникла потому, что музыкальная индустрия здесь более устаревшая, чем в Британии. К тому же пресса и ТВ хуже организованы. В Москве мы давали интервью русскому MTV. Мы рассчитывали увидеть производство, в которое вложены большие деньги, студии в софитах, современные технологии, но всё оказалось на любительском уровне, как какой-нибудь маленький кабельный канал в Британии.

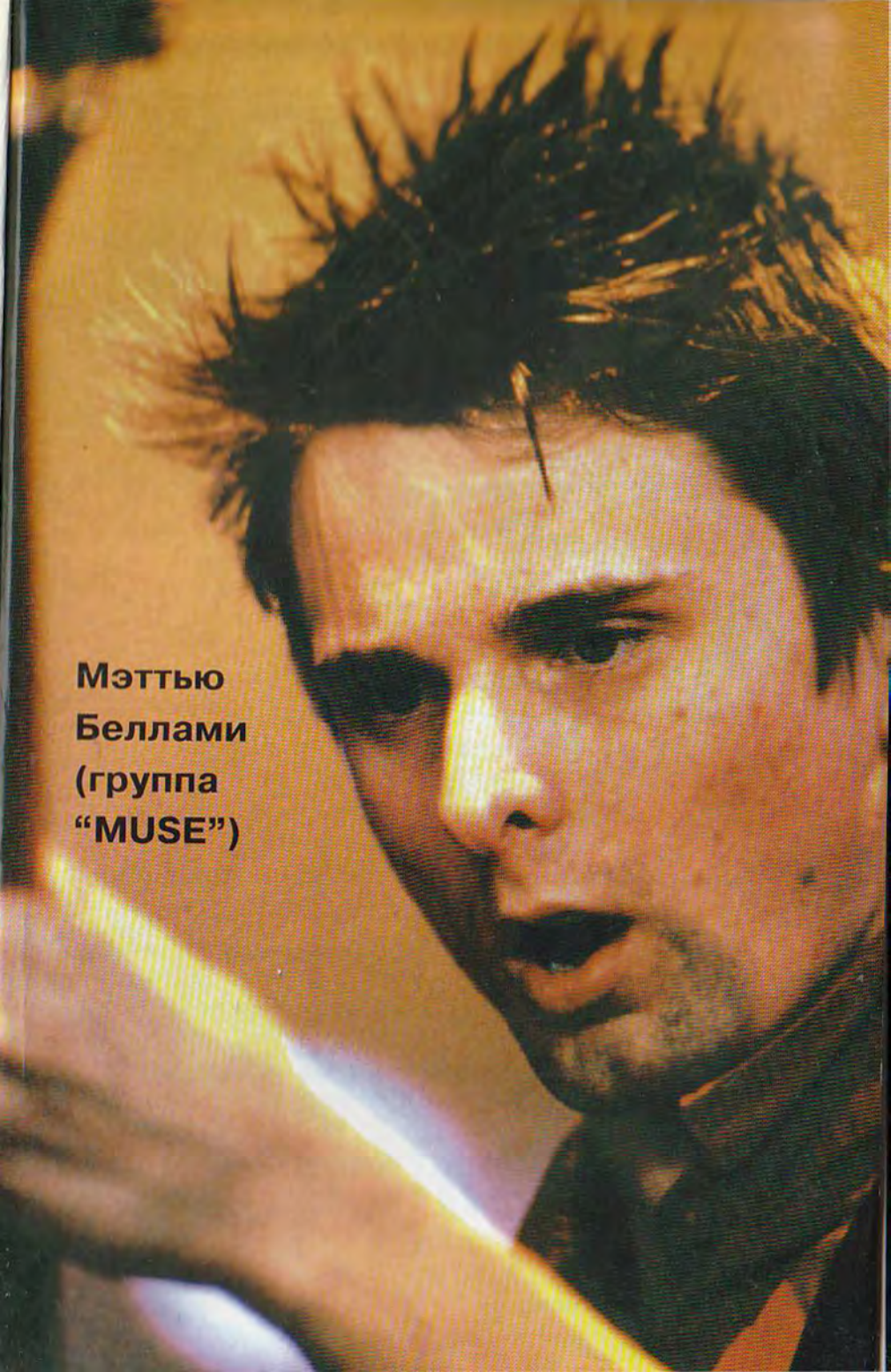
За кулисами мы столкнулись с еще одной особенностью русской славы. По каким-то причинам, которые найдутся выше моего понимания, нас окружало множество фанатичных поклонниц. После концерта в Санкт-Петербурге около пятидесяти женщин ждали нас у гримерки. Одна из

них подошла ко мне. Она явно психопатка. У нее есть подарок для меня – может ли она сходить и принести его? Бывало, русские фанаты дарили мне розы и плюшевых медведей, но она вернулась с огромной невероятно непонятной написанной маслом картиной. Она сказала, что рисовала ее пять месяцев. На ней был изображен я в обнаженном виде, ужасно тощий, с птицами на плечах. А перед гениталиями я держал пылающее сердце.

Эта картина настолько расстроила меня, что я решил выйти глотнуть свежего воздуха, чтобы привести в порядок свои мысли. Я вышел на балкон гримерки. Там стояли девушки, закричавшие при виде меня, и это совсем не успокоило мои нервы. На следующий день, когда мы улетали домой, я увидел, как Дом, наш барабанщик, бродил по аэропорту с этой картиной, показывая ее совершенно незнакомым людям. Кажется, никому это так не действовало на нервы, как мне».

Но мы-то знаем, что в Англии «музам» умели и умеют трепать нервы еще искуснее, чем в России. Хотя для англичан вместе с «Muse» пришла надежда вернуть себе славу рок-державы. Недаром их считают чуть ли не спасителями рок-н-ролла, их музыку называют современной классикой, а их самих окрестили «первой английской группой XXI века».

Сергей ЧАЙКИН

**Мэттью
Беллами
(группа
“MUZE”)**

ИДЕТ ПОДПИСКА **на 2003 год**

Журнал "МЫ" можно выписать:

**По каталогу АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»
(«трехцветный» каталог):**

Индекс 70554 -

**подписка на полгода
и с любого месяца.**

Индекс 72385 -

годовая подписка

(один номер журнала – бесплатно!).

**По Объединенному каталогу
«ПРЕССА РОССИИ»,**

**том 1 – «Российские газеты и журналы»
(«зеленый» каталог):**

Индекс 88852 -

**адресная подписка на полгода
и с любого месяца.**

Журнал доставляется в упаковке, как бандероль.

**Наш журнал также можно выписать по системе
«ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ КИОСКИ»,**

которая существует во многих городах.

Индекс 70554.

**Подписчики получают вышедшие номера
в газетном киоске.**

**В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ
ЖУРНАЛ "МЫ" НЕ ПОСТУПАЕТ**

**Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)**